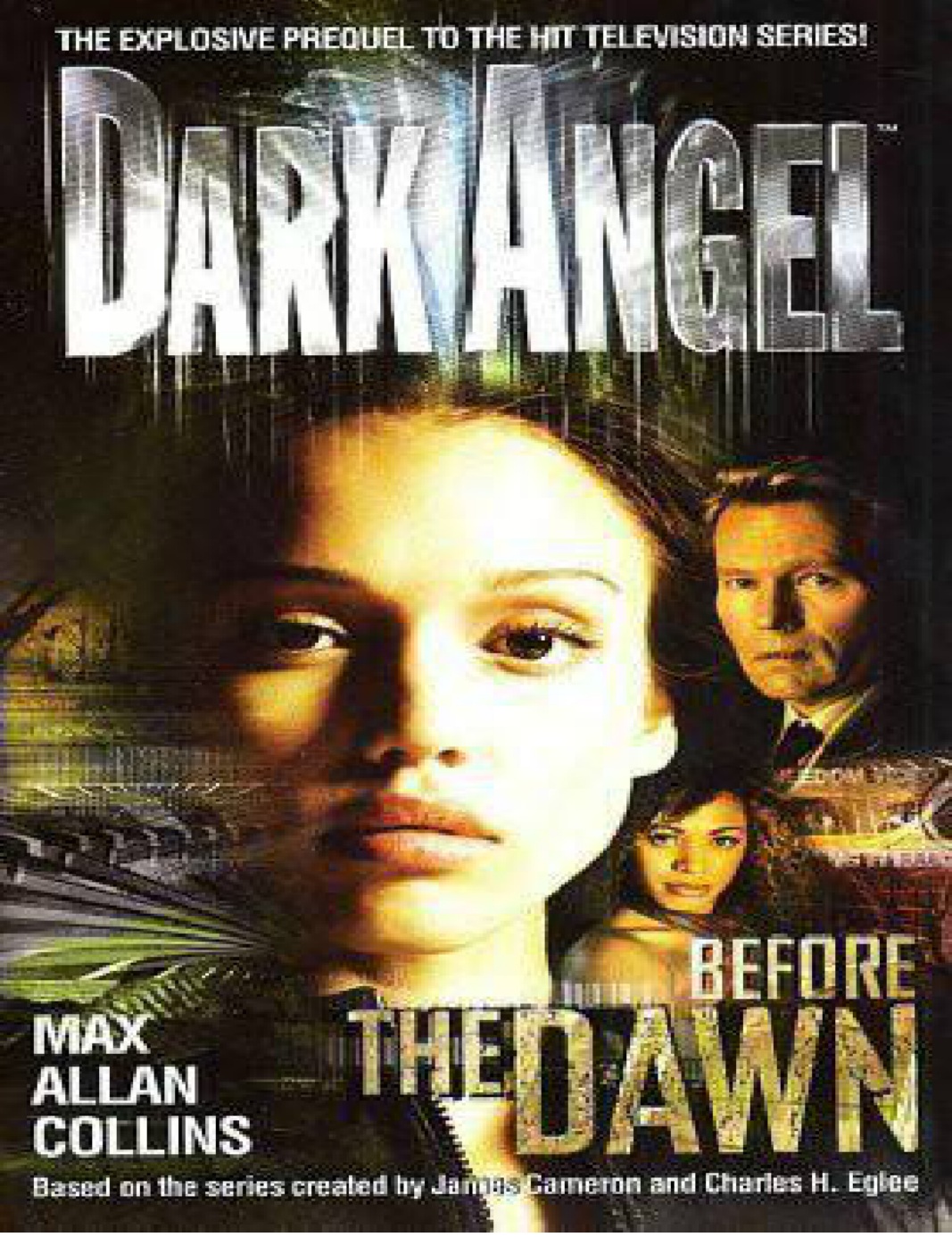
THE EXPLOSIVE PREQUEL TO THE HIT TELEVISION SERIES!

DARK ANGEL™



BEFORE THE DAWN

MAX ALLAN COLLINS

Based on the series created by James Cameron and Charles H. Eglee

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первая книга, легшая в основу сериала «Темный Ангел».

- Макс Аллан Коллинс
  - Благодарности
  - Введение
  - Глава 1. ХОЛОДНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
  - Глава 2. НОЧЬ ТИТАНИКА
  - Глава 3. ДОМ ДЛЯ МАКС
  - Глава 4. ВСПЫШКА ИЗ ПРОШЛОГО
  - Глава 5. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОБЕЗЬЯННИК
  - Глава 6. ДЕНЕЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ
  - Глава 7. ТЕАТРАЛЬНАЯ ВЕЧЕРИНКА
  - Глава 8. АТАКА ИСКУССТВА
  - Глава 9. ЗОРКИЙ
  - Глава 10. МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
  - Глава 11. «F» КАК ФАЛЬШИВКА
  - Глава 12. НЕ ПРОДАЕТСЯ
  - Глава 13. НА ОСТРИЕ «ИГЛЫ»
  - Эпилог. РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ

Макс Аллан Коллинс
Темный ангел. Перед рассветом

Благодарности

Моему постоянному соавтору Мэтью В. Клементсу — он также помогает мне в новеллах «CSI» и с которым вместе написали и опубликовали множество рассказов — за безграничную помощь. Как осведомленный поклонник «Dark Angel», Мэтт наметил сюжетную линию этой истории и разработал детальный сценарний, по которому я смог создать «Before the Dawn».

Моему редактору Стиву Сэффилу, разыскавшему меня для этой миссии и затем обеспечившего постоянную сильную поддержку, которая заключалась не только в сведении материалов, но и в привнесении своих творческий идей. Стив помог решить различные проблемы, с которыми сталкиваются писатели, когда создают историю, что должна находиться в рамках уже существующих книг.

Хотел бы поблагодарить создателей «Dark Angel»: Джеймса Кэмерона и Чарльза Х. Игли, которые являются также режиссерами сериала; Дебби Олшен с кинокомпании «20th Century Fox» и Венди Чесебро с киностудии «Lightstorm». Я также признателен продюссерам «Dark Angel» Рене Эчеваррия и Рэю Сэнчини, а также Джиллиан Бермэн, Колетт Рюссан, и Коллин Линдсей с издательства «Ballantine Books». Их предоставленная поддержка и остальных была искренней, удивительной, в том числе быстрые и полезные подсказки непосредственно Джима Кэмерона.

Мэтт, Стив и Я надеемся, что поклонники «Dark Angel» оценят это исследование самого начала нашей необычной антигероини.

Введение

«Это моя жизнь,
Сейчас или никогда».

Джон Бон Джови

«Это моя жизнь,
И я буду делать, что захочу».

Eric Burdon

Иногда, когда она оглядывается назад, Макс может показаться, что это был необычайно яркий сон; в другое время — разрозненные воспоминания, как будто эти события были частью истории, которую она когда-то услышала, и эти веши случились с кем-то другим, или может быть это было одно из тех телешоу, которые она видела, когда жила с Бареттами.

Но в моменты ясности она знала, что эта история не была одной из таких вещей.

Независимо от того, как некий внутренний цензор попытался дистанцировать ее от боли, Макс знала, что она испытала то, что помнила. Даже при том, что в своих воспоминаниях она видела себя со стороны, девушка все еще признавала, что все это случилось с нею, действительно случилось. Об этом не столько говорил полученный ею опыт, сколько штрихкод на задней части ее шеи.

У нормальных людей не было такой отметки, как если бы они были коробкой с замороженным горошком или одной из тех посылок, которые она доставляет на работе в нормальной жизни, в которой она прячется.

Были те, кто считал Макс холодной, но за ее пристальным взглядом, Макс имела чувства, наводнение чувств, которых у нее не должно было бы быть, которые сообщество Мантикора пыталось подавить в ее индивидуальности, во всех их индивидуальностях.

Закрывая свои глаза, Макс — кажется в миллионный раз — позволила фильму пройти перед ее мысленным взором…

Глава 1. ХОЛОДНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

ШТАБ МАНТИКОРЫ

ДЖИТЕТТ, ВАЙОМИНГ, 2009

Шаги ее босых ног, ломающих тонкую ледяную корку на покрытой снегом земле, ее тонкий синий больничный халат, открывающий накачанные ноги, девятилетний солдат отряда X5 332960073452 только что заметил февральский холод. Она не имела ни малейшего понятия, что во всех частях Соединенных Штатов сорок восемь часв назад был День Святого Валентина. Это было частью мирской, обычной жизни, так же неизвестной ей, как и ее контролируемое существование было скрыто от мира.

Несмотря на все то, чему ее учили в Мантикоре, все, что девочка знала в этот момент, это то, что она бежит навстречу своей жизни.

Оглушительный шум вертолетов, кружащих над головой, не мешал ей искать дорогу, и она избегала широких белых лучей прожекторов, которые исследовали, разрезали отдаленные комплексы Мантикоры, превращая мрачные леса в прибежище света, тьмы и теней.

Темные волосы были обриты как у заключенного концлагеря, она была маленькой, но не тощей — худощавая, гибкая… и несомненно еще ребенок, но уже закаленный в бою. Ее темная оливковая кожа давала ей небольшое превосходство над остальными, некоторые были настолько белыми, что буквально начинали светиться при приближении луча прожектора, как призраки в царстве теней. Ее глаза были большими и темными, и она их можно было бы назвать глазами лани, если бы в их глубине не было каких-то смертельных отблесков, чего-то почти что хищного в том как эти глаза смотрели вокруг и не пропускали ни малейшей детали.

Она бежала по лесу, но ее дыхание не было тяжелым, она даже не потела, как машина, она передвигала руками и поднимала и опускала колени. Ее гиперчувствительный слух заметил на расстоянии, все увеличивающимися с каждым шагом, тяжелое рваное дыхание ее преследователей, взрослых мужчин, которые, несмотря на всю их подготовку, могли только

попытаться не отстать от генетически созданного солдата при исполнении.

Ребенок знал, что теперь это было правдой — они убегают, они действительно спасены… хотя она и другие, ее «родные братья», едва ли могли понять истинное значение этого слова. Они были хорошо обучены, эти дети-солдаты, но их восприятие было сильно ограничено. Девочка знала, что «спасение» это что-то о чем ты думаешь, находясь в заточении, после того как тебя схватили.

Но она и другие не были заключенными, не там ли? После всего не были ли Мантикора их домом… единственным домом, который у них когда либо был?

Но этот дом внезапно оказался тюрьмой, когда человек, которому они доверяли, который был как отец для этих особенных детей — полковник Лайдекер — безжалостно застрелил одного из них. Ева была мертва! За что? Простой вызов?

Теперь они точно знали, чем они были — экспериментом, упражнением в генетике и военной тактике, и также они знали, чего бы они стоили Мантикоре, если бы эксперимент не удался: ничего. Все тренировки, все упражнения, все девять лет обучения, вся ее жизнь непостижимым образом была разрушена одним единственным выстрелом.

Мимо пронеслась группа снегоходов, их моторы ревели как стая диких собак, но они двигались слишком быстро и не могли заметить ее, прижавшуюся к дереву. Грубая кора подействовала на нее успокаивающе, напомнила, что она жива, и что все это ей не снится. Для девочки взрослые солдаты выглядели как футуристческие монстры в их мешковатых черных комбинезонах и с приборами ночного видения, все с автоматами с лазерным прицелом, накатывая на хомл их долины словно зловещая волна…

Она снова побежала.

Пригибаясь к земле, крадучись как лиса, Макс обрела ясность. После момента нерешительности она увидела голову, голову Зака, поднявшуюся из-за бревна неподалеку.

Без слов она двинулась к нему. По мере того как она приближалась другие дети в серо-синих ночных рубашках и пижамах стали появляться из-за бревен и деревьев, как странные внезапно распустившиеся посреди ночи цветы. Они были похожи не только одеждой, но и остриженными машинкой головали, и это сходство делало их взаимозаменяемыми, стирало их индивидуальность.

Последней, кто показался, была Джонди, ее улыбка выдавала

облегчение, что Макс — это имя дали ей братья — наконец-то добралась до точки сбора. Несмотря на постоянные убеждения Мантикоры, что ни один их них не был более ценен, чем остальные, эти две девочки, которые даже без больничной одежды и обритых голов напоминали друг друга, были как сестры.

Позади Макс, рев снегоходов, прочесывающих холм, стал громче. Как обычно Зак принял управление, мальчик мог быть спокойным и действенным одновременно. Используя военные ручные сигналы (подарок их учителей), Зак разбил группу на пары. Одна за одной пары растворились в лесу, каждая в своем направлении.

Когда Зак приказал ей и Джонди уходить, Макс замотала головой. Она не хотела оставлять Зака позади, не понимала, почему браться должны разделиться: неужели вместе они не были сильнее вместе?

Но решительный мальчик снова дал им сигнал уходить. Она не хотела оставлять Зака одного, но выбора не было — их преподаватели привили повиновение руководителям группы — и Джонди потянула ее за руку, и они скрылись в холодной ночи.

Снова Макс обнаружила себя бегущей через лес на этот раз с Джонди за ее спиной. Через несколько секунд они достигнут периметра комплекса, который огражден семифутовым сетчатым забором, опутанном гирляндами колючей проволоки.

Девочки по-кошачьи забрались на забор и с легкостью перемазнули через колючую проволоку, не зная, что на них сосредоточены приборы ночного видения преследователей. Они спрыгнули на другую сторону, на свободу, Макс остановилась и оглянулась назад, думая, что это было слишком легко…

Ночные звуки сосредоточили ее слух и пристальный взгляд туда, где Зак беспомощно повоачивался в центре сжимающегося кольца одетых в черное солдат, красные лазрные лучи были направлены на него, образуя танец алых точек.

Не в состоянии помочь девочка смотрела как стрелки мальчика ударили шокерами, и он начал падать на землю, его руки и ноги конвульсивно дергались, образуя на снегу лихорадочных ангелов. Она стояла, привлеченная пятном света, испуганная испепеляющим звуком электрических разрядов, пока Джонди не потянула ее за рукав и не заставила снова двигаться.

Теперь Макс знала, что Зак спас ей жизнь, приказывая им разделиться; и убегая от забора той ночью, она не могла сдержать чувство, что так или иначе она и Джонди подвели его, возможно даже предали его, оставив его стоять перед ними…

Воинственное рычание снегоходов становилось громче, мужчины на снегоходах окружали девочек. Видя возможность

ослабить своих преследователей, девочки вышли на покрытую людьм поверхность небольшого озера. Лед казался достаточно крепким, чтобы выдержать их вес, но Макс была уверена, что большой снегоход он не выдержит. Позади них усиливался рев вертолетов, как нарастающий крик, и прожекторы усремились прямо в их направлении, поскольку боевые вертолеты присоединились к погоне.

Они практически пересекли водоем, когда Макс почувсвовала, что лед становится пористым, и ее ноги начинают в него проваливаться. У нее было достаточно времени, чтобы услышать острый треск, прежде чем лед взорвался под ней и она погрузилась в холодную воду.

Холодная вода обожгла, ударила по ней как миллион крошечных кинжалов, но она проигноривала эти чувство, вытолкнула себя на поверхность, чтобы глотнуть воздух.

Джонди, стоявшая на расстоянии десяти футов от нее, позвала: «Макс!..» — Беги! — закричала Макс, пытаясь подтянуться к зубчатаму краю дыры во льду.

— Нет, мы должны оставаться вместе!

— Беги, Джонди! Я найду тебя! Просто беги!

Девочка колебалась в течении долгого момента, пока они не увидели Хамви, прорывающего через ворота позади них. Макс наблюдала за машиной, пробирающейся к ней через снег и задавалась вопросом, знает ли водитель о водной преграде на своем пути. Она повернулась и смотрела, как Джонди пробирается через лес, и снегоходы гонятся за ней, а их наездники беспорядочно стреляют, и их пули… не шокеры, пули… сдирают кору с деревьев и оставляют круглые ямки в снегу.

Джонди исчезла в лесу.

Безопастность? Поимка? Наказание? Макс могла только догадываться.

Поворачивая обратно, Хаммер повернул вокруг края водоема, и когда свет фар вот-вот должен был осветить ее, Макс сделала глубокий вдох и погрузилась под воду. Под слоем льда она могла различить, как Хаммер остановился и из него вышли двое мужчин. Она не могла сказать точно из-за странного угла обзора и отделенная слоем льда, но один из них мог быть Лайдекером… … и он казался злым.

Мужчины перекинулись парой слов, которые под водяной преградой не мог различить даже сверхчуткий слух Макс, но пара села обратно в Хаммер и скрылась в темноте.

Наступила тишина.

У нее начали проявляться первые признаки гипотермии, и ее

легкие горели так, как будто кто-то зажег в них спичку. Страх до сих пор скручивал ее желудок, как клубок змей, и она чувствовала уверенность, что когда разобьет дел, Лайдекер и другие будут ждать там, чтобы убить ее.

Она приняла решения — такие решения были частью ее военной подготовки. Лучше она умрет сражаясь, чем просто сдастся…

Макс подплыла обратно к дыре и сломала поверхность в тот момент, когда ее легкие готовы были взорваться. Она глотнула воздух, снова погрузилась в воду, и вытолкнула себя на поверхность, пытаясь вдыхать драгоценный кислород меджу приступами кашля. Она узнала еще одну вещь сегодя: даже X5, как она, имеет свои пределы.

Вытаскивая себя из воды, она оглядывалась вокруг, и была ошеломлена, обнаружив, что она одна в темноте. Она была свободна. Ее следующая мысль была о Джонди, но она знала, что первым приоритетом было позаботиться о себе самой. Тонкая серая ночная рубашка, теперь пропитанная ледяной водой, не защищала от холодного ночного воздуха.

Она должна найти теплое место и сухую одежду и побыстрее. Она бесцельно бродила по лесу. И хотя она знала, что время было существенным, секунды, минуты и часы, казалось, утратили свое значение, и она не имела ни малейшего понятия о том, сколько она шла в темноте, пока наконец не оказалась на краю шоссе.

Леса, которые она знала — они проводили в них военные игры, ландшафт был знаком, сейчас же она находилась в мире, который она знала только по учебным фильмам. Но она была хорошо обучена — адаптироваться, выжить, внедриться.

Вдалеке Макс увидела свет фар. Охранники Мантикоры? Или кто-то другой? Кто-то дружественный? Враждебный?

Прыгнув в канаву, Макс повернула свои кошачьи глаза в сторону приближающихся огней и прислушалась к нарастающему звуку двигателя, пытаясь определить что это. Машина ехала не так быстро, как могли передвигаться по шоссе Хаммеры Мантикоры. Конечно, они могли ехать медленно, разыскивая ее вдоль дороги.

Ребенок, даже генетически измененнный, может чувствовать нулевые температуры, пронзающие его плоть, и забирающие последние силы. Если бы она вскоре не нашла некоторое убежище, то этот короткий хаотический эпизод жизни вне забора был бы единственным кусочком свободы, которую она будет когда-либо почувствует. Она задавалась вопросом, должна ли она выдать себя, если фары, будут принадлежать транспортному средству Мантикоры. Если бы она вернулась, наказание без

сомнения было бы строгим, но было бы оно хуже того, чтобы умирать одной в снегу… было бы?

Но на голые пятки Джонди огрызались настоящие пули! Лайдекер, казалось, принял решение: захвата было не достаточно, исполнение казалось по крайней мере возможным…

Глядя на приближающиеся огни, Макс знала, что не дала бы забрать себя обратно. Пригибаясь, она прислушивалась к звуку приближающегося двигателя. Это не был Хамви — их она слышала достаточно, чтобы понять, что это другое транспортное средство.

Чтобы это ни было, у него было семь циллиндров, один из которых очевидно был жертвой загрязненного штепселя. И вьехав на ближайший холм, Макс узнала машину, это был гражданский… голубой Шевроле Тахо с вайомингскими номерами, AGT 249, не правительственными.

Приготовившись к драке, Макс медленно поднялась и подошла к дороге, ее ночная рубашка развевалась по ветру как флаг неповиновения. Вдалеке по-прежнему выли сирены, и вертолеты кружили над деревьями, их прожекторы скользили по лесу в поисках X5…

Тахо въехал в долину, и, подъехав к Макс, водитель нажал на тормоз так резко, что резина заскользила по асфальту. Макс глянула на вайомингские номера, AGT 249, водитель наконец обрел контроль над машиной, она остановилась и передняя пасажирская дверь открылась.

Она открылась так резко, будто от удара рукой, и женщина лет тридцати с немытыми светлыми волосами до плеч и широко посаженными голубыми глазами посмотрела на Макс.

— Залезай, — сказала женщина. Глаза были успокаивающего цвета, голубые как горная река, но смотрели они со страхом. — Быстрее!.. Залезай.

Через 1,3 секунды, Макс закончила оценку возможной опасности, и, посчитав женщину безвредной, по крайней мере на данный момент, маленький солдат села в машину и захлопнула дверь.

— Ложись на пол, — сказала женщина.

Макс подчинилась команде, и женщина накрыла ее серым шерстяным одеялом — собственнось Мантикоры!

— Все в порядке, — сказала женщина, увидев расширившиеся глаза девочки. — Я работаю на них… но я не одна из них.

Не сводя глаз с женщины, Макс промолчала. Лучше дать женщине продолжать говорить в то время, как Макс соберется с силами. Тем временем, девочка прикинула, что перелом шеи будет самым простым способом убить женщину. Макс знала, что у

нее достаточно подготовки, чтобы управлять этим гражданским транспортным средством. Но убийство в то время, как машина движется, могло повлечь непредсказуемые последствия…

Печка в машине работала не очень хорошо, но теплый воздух, поступавший в салон, успокаивал ребенка, пока он обдумывал методы убийства. Даже колючее одеяло приятно оборачивало ей плечи…

У женщины был тонкий прямой нос, полные красные губы и те водные голубые глаза, весь этот набор в треугольном лице. Она носила белую медицинскую униформу, которая выглядывала из-под длинного темного пальто. Проверенный охраной гражданский медицинский персонал приходил в Мантикору, Макс знала это.

Ненадежно, но лучшего варианта не было, Макс лежала на полу в то время, как Тахо катил вверх и вниз по заснеженным холмам. Женщина казалась напугана этой ночной поездкой, и это было хорошо. Если бы она была одной из людей Лайдекера, она вероятно не боялась бы так… но женщина знала, насколько опасный груз она перевозит.

Водитель иногда посматривала на Макс и ободряюще улыбалась. Макс не знала предназначался ли этот жест для нее или таким образом женщина пыталась успокоить себя. Не то, чтобы прямо сейчас это имело какое-то значение…

Пятнадцатью минутами позже женщина остановила машину, погасила огни и заглушила двигатель.

— Приехали. — сказала она, голос все еще был слишком высок, а слова слишком быстрыми, ее напряжение проступало через принужденную оживленность.

Они обе вышли наружу, и Макс последовала за женщиной к двери маленькой деревянной постройки. Домашняя простота здания ничего не значила для ребенка, выросшего в бараке, и это не напоминало ничего, что она видела в учебных фильмах, в которых иногда показывали человеческое жилище. Крошечное здание напоминало ребенку скорее простой навес — оно с легкостью поместилось бы в одной из огромных душевых Мантикоры.

Женщина открыла дверь, но Макс колебалась.

Еще одна ободряющая улыбка:

— Заходи… Все в порядке. Правда. Ты будешь в безопасности здесь.

Макс хотела верить этой неожиданной благодетельнице, но ведь она всегда верила Лайдекеру, они все верили… и один из них был мертв. По крайней мере один из них…

Однако, Макс последовала за приглашающим жестом

женщины и вошла в комнату. Несмотря на то, что она сразу поняла его назначение, Макс поразил камин, встроенный в левую стену. Приятное чувство теплоты, которое он отдавал этой комнате, она могла почувствовать лишь лежа в своей кровати между простынями в особенно холодные ночи.

Дверь справа вела в крошечную ванную комнату — представить только: комната с одним туалетом! — слив от него выходил по стене рядом с маленькой печкой. Около потивоположной стены стоял холодильник, маенький обеденный стол и два стула. В жилой зоне место дивана занимала двойная кушетка, а напротив огня согревалось кожаное кресло с деревянными подлокотниками, покрытое пледом с индейскими рисунками. Вся эта мебель была сделана из теплого темного дерева.

Для ребенка, выросшего в закрытом бункере, это облие теплоты и дерева было ошеломляюще непривычным… но все же чудесным.

Женщина подошла к телефону и набрала номер. Через несколько секунд оа сказала в трубку:

— Это Ханна… Мне нужно тебя увидеть.

Догадываясь, что ее предали, Макс медленно передвигалась по комнате, осматривая предметы обихода, попадавшиеся на ее пути (они все были для нее странными, но в них не было ничего отталкивающего).

К ее удивлению, несмотря на замешательство, Макс чувствовала себя в этой маленькой комнатке по-домашнему, чего никогда не было в Мантикоре.

Ей было трудно понять это чувство, проходящее через нее как сладкая болезнь, в то время как она смотрела на подсвечники, книги, картины и другие предметы, такие для нее чуждые.

— Послушай, — говорила Ханна. — Она просто ребенок… но у нее проблемы дома и ей нужно безопасное место.

Макс задавалась вопросом, будет ли у нее когда-нибудь такой прекрасный дом, ее собственный. Она думала о такой вот комнате, в которой человек мог бы жить сам по себе, и вдруг комната внезапно показалась просторнее.

— Слушайте, — Ханна была явно раздражена. — Я все объясню, когда тебя увижу… Спасибо. Пока.

Ханна повесила трубку, когда Макс потянулась и дотронулась до индийского пледа, наслаждаясь его структурой. Ни одно из шерстяных одеял в Мантикоре никогда не казалось ей таким успокоительно мягким…

Ханна подошла, взяла большое одеяло и обернула его вокруг плеч Макс. Ребенок немедленно почувствовал тепло,

разливающееся вниз по его телу до голых ступней, она глубоко вдохнула, стараясь втянуть в себя сладкий запах женщины, который сохраняло одеяло.

— Я вернусь так быстро, как только смогу. — сказала Ханна, надевая свое теплое пальто. — Чувствуй себя как дома.

Макс ничего не ответила, эта фраза была для нее такой чуждой, будто бы была произнесена на языке, которого она еще не знала. Она и женщина посмотрела друг другу в глаза и Ханна вышла в холодную ночь и потянула дверь, закрывая ее за собой.

Стоя у окна с одеялом на плечах, Макс ждала. Она стояла и смотрела в окно на протяжении нескольких часов. Несмотря ни на что это все еще была вражеская территория. Она не была уверена, какое расстояние они преодолели на гражданской машине, но тем не менее Макс знала, что Мантикора еще не была настолько далеко.

Она также знала, что Лайдекер и это странное учреждение, называемое Мантикорой никогда не перестанет искать ее… всех их.

Наконец, хоть и неохотно, Макс решила, что Ханна передумала возвращаться, либо была схвачена. В любом случае оставаться здесь было опасно. Ей понравилось это место… если бы ей было знакомо такое понятие, она возможно полюбила его. Человеческие чувства, спрятанные в ней так глубоко вдруг зашевелились — теплота, дерево, доброта женщины.

Но она остается здесь уже слишком долго.

Открыв дверь, она бросила долгий взгляд на пустынную улицу, и, повернувшись, еще раз оглядела эту теплую комнату. Макс очень хотелось остаться, побыть в тепле, не быть солдатом хотя бы некоторое время, но она знала, что это невозможно.

Мысли о выживании и адаптации перекрыли эти новые чувства.

Она бросила одеяло в дверной проем и пошла вперед через снег.

Восход солнца застал Макс медленно бегущей от усталости, которая казалось догоняет ее. Даже ночная рубашка казалась уставшей.

Ей нужно было найти место, чтобы переждать дневные часы, другое теплое место. Холод истощал ее силы даже больше, чем постоянный бег. Пот заморозился в крошечные белые бусинки на ее бровях и коротко подстриженных волосах, и еще более плотным и без того грубый материал ее рубашки.

Макс знала, что когда солнце поднимется выше, у Мантикоры не будет больших сложностей с поимкой босой девятилетней девочки, одетой только в серо-синюю больничную рубашку. Из ее

тренировок она знала достаточно о внешнем мире, чтобы понять, что она и ее братья будут описаны властям как беглецы из некого заведения вроде психиатрической больницы.

Ее генетические особенности обеспечивали ей некоторую защиту, но она начинала проигрывать в борьбе с истощением.

С тех пор как она покинула домик, она пробиралась по лесу, лишь изредка слыша рев снегоходов и рык вертолетов, все время продвигаясь на юг. Она по прежнему не имела понятия где находится, ни тем более куда шла, выживание было ее единственной целью.

Она знала, что была еще слишком близко к своему прежнему дому, чтобы почувствовать себя в безопасности, и ей нужно было создать между собой и Лайдекером и людьми из Мантикоры настолько большое расстояние, насколько это было возможно.

Лес впереди нее вдруг поредел и в отдалении показалась большая площадка, заполненная транспортными средствами того же типа, что привозили продовольствие в Мантикору.

Все что она видела раньше это одни или максимум две такие машины одновременно. Теперь же возможно даже пятьдесят из них находились в ста ярдах от нее, настоящий лес огромных машин. Некоторые приближались, некоторые отдалялись, освобождая место для новых в этом бесконечном параде.

Макс долгое время смотрела, как грузовики паркуются, их шоферы слезают вниз и исчезают в отдаленном здании, о котором у нее было лишь затрудненное представление. Некоторое время спустя, водители возвращались, проверяли задние двери своих фургонов, забирались обратно в кабину, затем некоторые уезжали, а другие просто сидели с включенным двигателем, изучали карты, читали или отдыхали.

Ребенок знал, что даже если бы фургон не был прогрет, любой из них обеспечил бы лучшую защиту, чем была у нее сейчас и дал бы ей место, где можно прятаться в течение дня.

Они также представляли множество потенциальных опасностей.

Она ведь может спрятаться в грузовике, который отвезет ее обратно в Мантикору. Так как она не имела представления о размерах мира за пределами Мантикоры, то это казалось вполне возможным.

Или же, если она не сможет взломать трейлер, она может быть поймана одним из водителей, который обязательной сообщит властям. И исходя из того, что она знала, это легко могло привлечь полковника Лайдекера.

Ледяной воздух обжигал ее, но девочка не была уверена, что ей следует сделать. Но как солдат, она знала, что бездействие

тоже не выход.

Макс терпеливо набладала, как еще два трейлера приехали и уехали с разных концов. Она приподнялась на корточки и приготовилась двигаться. Она может незаметно пройти в тени деревьев ярдов тридцать или около того… но после этого, Макс должна будет прелодолеть открытый участок под ярким солнцем, и спрятаться будет абсолютно негде…

Когда следующий трейлер въехал задним ходом и припарковалася — длинный оранжевый прицеп с черной полосой — Макс начала двигаться. Она бросилась вперед как бегун, преодолевающий препятствия, пронеслась мимо последних деревьев и на полной скорости пересекла открытое пространство.

Ее оглядела парковку в поисках свидетелей своего рывка, но не нашла их, перед выстроился ряд фургонов, делая ее незаметной для водителей, сидяших в кабинах своих машин. Она приблизилась к выбранному трейлеру с нулями на дверях, биение ее сердца замедлилось… … Тонкая металлическая нить соединяла две части замка. Не было никакого способа открыть дверь не ломая металл, а это дало бы водителю понять, что кто-то вторгается в его фургон. Если бы она сломала замок, то была бы поймана — вот что она смогла понять, даже не видя этого устройства никогда прежде.

Она продолжала двигаться, временами скрываясь под трейлерами, это обеспечивало хоть какое-то прикрытие. Прячась, словно испуганное животное, она пыталась прикинуть свой следующий шаг.

Неужели все трейлеры оснащены этими устройствами? После осмотра дверей, она поняла, что нет такого способа открыть дверь снаружи, чтобы не привлечь внимания водителя. Черт возьми, думала она, используя запрещенный слова, которые использовал полковник Лайдекер, когда был расстроен или зол.

Может, решила она, у одного из этих трейлеров другой механизм двери…

Вылезая из-под трейлера, она все еще осторожно оглядывалась в поисках случайных свидетелей, проскальзывала под следующий трейлер, потом под следующий, и еще один, и наконец у пятого трейлера она обнаружила отодвигающуюся дверь, не такую как у остальных, открывающиеся наружу.

Даже лучше, на этот раз на замке не было маленькой металлической печати, но водитель все еще мог обнаружить присутствие Макс, если она не сможет закрыть дверь изнутри…

Но рискнуть стоило Дверь была не заперта, но открывалась с трудом и громко заскрипела, как раненое животное, Макс нырнула под трейлер и отчаянно оглядывала стоянку, пытаясь

найти того, кого мог привлечь звук.

Ничего.

Она вернулась к двери и сдвинула ее еще на шесть дюймов, — достаточно, чтобы протиснуться вовнутрь — и отступила назад. Без подготовки Макс прыгнула на три с половиной фута на бампер трейлера, проворно приземлилась, беззвучным и каким-то размытым движением проскользнула под дверью.

Дверь все еще была отрыта и с улицы пробивалось скудный серый свет, так что она смогла осмотреть свое новое убежище.

Задняя часть трейлера была пуста, в то время как в дальнем конце на пяти деревянных поддонах стояли картонные коробки высотой с девочку. Позади них находилась деревянная корзина, дохолившая Макс почти до шеи. Внутри друг напротив друга два кресла от трактора.

Это не была кабина, но должна была.

Макс закрыла дверь, потянув за ремень, прикрепленный к двери изнутри. Резапертая дверь могла привлечь внимание, но оставшийся внутри ремень может быть опасным знаком того, что дверь была закрыта кем-то находящимся внутри.

Темнота поглотила трейлер. Здесь было не так уютно, как в одеяле у огня, но Макс определенно почувствовала себя лучше в отсутствии пронизывающего ветра. Стоять босыми ногами на холодном полу из дерева и стали, было все же лучше, чем на снегу. Макс не боялась темноты — небольшая часть кошачьей ДНК, добавленная в ее, давала возможность видеть даже в абсолютной темноте.

Забравшись в корзину, Макс устроилась внизу, пытаясь оглядеться сквозь пруться корзины. Она находилась в этом положении начеку околь получаса.

Затем с наружи она услышала приглушенное «Сукин сын!» Макс слышала, что Лайдекер тоже говорил так.

Дверь завизжала как свинья, у который отрезают ногу, водитель держал ремень. Это был низкий лысеющий человек с куглым черепом, голова и плечи его лишь немного возвышались над бампером трейлера.

Широкоглазый, с носом похожем на очищенную луковицу, доминировавший на его лице, парень тряс своей круглой головой и оглядывал трейлер, и ничего не особого не увидев, пробормотал что-то вроде «чертовы дети» и закрыл дверь.

Макс услышала, как щелкнул замок, и позволила себе легкую улыбку.

В следующий момент, хлопнула водительская дверь, включилась передача, зарычал двигатель и машина тронулась в

путь.

Через некоторое время (Макс не знала, долго ли, потому что все-таки заснула), она почувствовала, что машина останавливается, затем машину тряхнуло, будто она во что-то врезалась. Она услышала звук воздушного тормоза и последовавший за ним хлопок водительской двери. Выпрыгнув из корзины, Макс приготовилась…

Щелкнул открывающийся замок, дверь с уже знакомым скрежетом открылась, и внутрь трейлера хлынул дневной свет.

Прежде чем водитель и высокий мужчина, оба одетые в джинсы и тяжелые пальто, преградили ей путь, Макс проскользнула между ними.

— Что за черт! — пробормотал водитель, рефлекторно отступая назад и прикрываясь руками, неумышленно осободив ей путь.

Макс изящно приземлилась на погрузочную площадку, и ее голые ступни почувствовали холодный бетон после относительно теплого пола трейлера. Она сделала шаг навстречу удивленным мужчинам и, повернувшись, спрыгнула на покрытую снегом землю. Мужчины бежали и кричали на нее, а Макс понеслась вдоль рядов трейлеров к далекому забору.

Она могла слышать раздражение двух мужчин позади нее, и снова на лице Макс появилась небольшая улыбка: они не собирались ловить ее.

Семифутовый сеточный забор, ограждающий стоянку, был ничем по сравнению с забором Мантикоры, она забралась на него, как паук по стене. А паре немолодых мужчин с избыточным весом было далеко до вертолетов и снегоходов.

Она сбежала предже чем, мужчины преодолели половину двора. За забором проходила двухполосная щебеночная дорога, а через дорогу, Макс увидела что-то вроде завода.

Утро все еще не кончилось, солнце подсказало ей, что время около полудня, а небесный компас говорил, что запад лежит по левую сторону от нее. Не имея никакой объективной причины, она выбрала это направление, прыгнула на дорогу и побежала по ней изо всех сил.

Макс следовала принципу «дело ради дела», пытаясь не позволить новым ощущениям отвлечь ее. Однако вид реальных вещей, так непохожих на те, что она видела в учебных фильмах, взволновал и пробудил ее. Она продолжала работать руками и ногами и, наконец, оставила позади промышленную зону и оказалась в жилом районе.

Дома.

Оказавшись в населенном пункте (здесь живут гражданские,

полумал молодой солдат), она притормозила, и, наконец, позволила себе оглядеться. Эти постройки вовсе не походили на домик Ханны. Они были гораздо больше и находились близко друг к другу, они смутно напомнили Макс замки из книг Мантикоры.

Несмотря на то, что большинство построек были белыми, иногда встречались голубые или желтые — это была радуга для ребенка, выросшего в серо-синем мире — и все они казались двухэтажными и имели по гаражу. Несколько машин было припарковано вдоль улицы, все с вайомингскими номерами, как у Ханны прошлой ночью. Но она не увидела ни одного человека и задавалась вопросом где же они.

Звук мотора вверху улицы позади нее заставил Макс укрыться в пространстве между двумя домами. Она обошла дом слева, возвращаясь на место где стояла раньше, в то время как автомобиль проехал вниз по улице, не обратив на нее никакого внимания.

Машины сильно отличались от тех, что она видела в Мантикоре, и когда она посмотрела на название, она смогла разобрать одно слово: авалон. Она не имела ни малейшего понятия, что это значит. Девочка знала, что люди Мантикоры передвигаются на машинах, которые называются тахо и хамви, а этот белый авалон не был похож на них.

Макс прикинула насколько далеко она сейчас от Мантикоры и насколько далеко ей надо оказаться, чтобы быть в безопасности. Хотя ее чувству времени помогало солнце, о расстоянии же она не знала ничего. Небыстрым шагом она двинулась вперед, зная что ее рубашка привлечет внимание, и ей нужно снова найти укрытие до темноты… и чем раньше, тем лучше.

Зайдя за угол, она оказалась на новой улице. Макс не смогла бы отличить ее от предыдущей, дома выглядели одинаковыми, будто были построены по одному проэкту, машины тоже казались такими же, и казалось, что вокруг не было людей, кроме нее и водителя только что проехавшей машины.

Макс прошла вдоль нескольких участков, и вдруг заметила вялое движение на следующем дворе на другой стороне улицы.

Ребенок… … примерно ее возраста играл во дворе. Вид этого ребенка заставил Макс задуматься о ее братьях, чувство нарастало в ней, чувство заботы и грусти, она задавалась вопросом, смог ли кто-то из них сбежать.

Она могла никогда не узнать, что случилось с Джонди и другими — она боялась, что Зак был убит — и она не знала, как ей найти их, если вдруг им удалось сбежать.

Но стоя на углу и смотря на этого ребенка, играющего в

снегу, Макс дала клятву, которая будет формировать ее характер в последующие годы: она никогда не перестанет искать своих братьев и сестер…

Никогда.

Глава 2. НОЧЬ ТИТАНИКА

КЕПКА

ЛОС-АНЖЕЛЕС, КАЛИФОРНИЯ, 2019

Вися на тонкой нейлоновой веревке на уровне восьмого этажа над ночным Лос-Анжелесом, Макс думала о Куске пирога…

Веревка, связывающая ее со зданием, была обвязана вокруг ее осиной талии. Несмотря на то, что холодный ветер носился по городу, более холодный, чем можно было бы ожидать в начале марта, это никак не отражалось на Макс, погода не имела для нее особого значения. Ее гибкое, спортивное тело было обтянуто черным комбинезоном, дающим достаточно тепла ее генетически улучшенному телу. К тому же ее тренировки в Мантикоре в холодные вайомингские зимы, не могли сравниться ни с какими погодными условиями, с которыми она могла столкнуться в Лос-Анжелесе. Ее темные шелковистые волосы, сильно отросшие с тех пор, как она сбежала, были спрятаны под черной шапочкой, и она казалась анонимной бесполой фигурой, решившей притвориться человеком пауком.

Как и музыка, которая была здесь однажды создана, звукозаписывающая компания, разработавшая технологию псевдосложенного диска (сюда она вскоре проникнет), имела длинную историю. После Импульса, группа гангстеров забрала это здание вместо невыплаченных лицензионных платежей в результате переговоров, которые по слухам были ни чем иным как настоящей бойней.

Уличный сброд, обосновавшийся в старом Главном Здании Звукозаписи, превратил его в крепость, готовую противостоять любым атакам… вплоть до Большого Землетрясения 2012 года. После этого здание когда-то похожее на стопку дисков, стало напоминать слоный торт, верхние четыре слоя которого смазал большим пальцем облизывающий глазурь Бог.

Второе поколение гангстеров, занявших здание, — теперь оно было извесно как Кепка — особая группа преступников с рождения были теми, кому Макс планировала испортить вечер. Выводок, так они себя называли, будет покупать, продавать и обменивать что-угодно, покуда это является незаконным.

Например, прямо сейчас у Выводка были в распоряжении планы системы безопасности Голливудского Музея Наследия,

находившегося в Нагорье — переделанном офисном здании (некогда принаддежавшем могущественному «агенству» — так сказали Макс; шнионы, предположила она), там хранилось множество сохранившихся настольгических экспонатов из города, основным бизнесом корого (до Импульса и Большого Землетрясения) были развлечедния.

Макс знала, что Выводок планирует обчистить музей, и она и ее единомышленники собирались предотвратить это… не изчувства гражданской ответственности, просто хотели заработать себе очки.

После нескольких лет борьбы секторная полиция наконец отступилась от Выводка, заперев их в зоне, ограниченной старой 101 на севере и востоке, Кахенгой на западе и бульваром Сансет на юге. Голливудское шоссе, старое 101, проходило вокруг Кепкии и на нем все еще иногода наблюдалось периодическое движение, машинами управляли люди, достаточно смелые (или безумные), чтобы пересечь территорию Дорожных Кабанов.

Вися с северной стороны здания, так же бесстрашно и обыденно, как ребенок качается на качелях на заднем дворе, Макс смотрела вниз на мерцающую абстракцию, которой было 101, и безразлично наблюдала, как Дорожные Кабаны преследуют какую-то несчастную душу, имевшую глупость пытаться убежать по шоссе. Она легонько улыбнулась и тряхнула головой, как опрометчиво, подумала девушка, висевшая на стене башни.

Смотря на север в сторону Горы Ли, Макс могла различить пятидесятифутовые буквы, которые теперь почти скрылись в лесу, их белизну можно было различить даже глубокой ночью. Можно было прочитать ГО ВУД, когда Макс приехала в Голливуд в 2013, спустя год после того, как Землетрясение разрушило большинство из того, с чем не справились постимпульсные беспорядки. В последний визит Макс город еще больше превратился в пристанище мусорщиков и уличных бродяг.

Она проверила часы: время пришло.

Создав точку опоры на оконном карнизе, Макс опустилась на живот на стальной тента над седьмым этажом. Она повернулась на животе и медленно поползла к краю, ее голова была опущена вниз, чтобы заглянуть в окно.

Но она не увидела ничего кроме темноты.

Тихо, она отсчитывала секунды до того, как начнется диверсия Муди.

Муди — глава китайского клана, группы, к которой принадлежала и Макс — занял место в жизни Макс (хотя она никогда не создавала эту эмоциональную связь умышленно) в роли отца, с которой однажды был смещен полковник Лайдекер.

Пожилой мужчина по меркам этого времени — пятдесят пять, может даже шестьдесят — у Муди были проникновенные зеленые глаза, подстриженная седая бородка и усы, в которых встречались черные пятна, его длинные серебрянные волосы были зачесаны назад и обычно собраны в длинный хвост. Тон кожи говорил о том, что он редко видит дневной свет, а его нос — извивающийся ряд холмов на равнине лица — свидетельствовал о множестве переломов, в то время как тонкая розовая линия его губ держала мысли этого человека под замком. Его черная одежда: черная кожаная куртка, черная майка, черные джинсы — вдохновили Макс на ее собственный похожий стиль одежды.

Члены Китайского Клана были ворами и назывались так не потому что имели китайское происхождение, а скорее потому что они жили в месте, которое раньше было Китайским Театром Манн, самым большим из многих брошенных кинотеатров. Импульс и Землетрясение объединились, чтобы прикончить киноиндустрию, кинокомплексы по всей Америке пустовали, их конструкция, была слишком специфической, чтобы использовать с пользой, хотя некоторые были превращены в ночлежки, крепости, публичные дома, и даже иногда в больницы.

Образовавшийся Китайский Клан занял театр в первые дни после Импульса, и юная банда Муди пресекла все попытки полиции и конкурирующих банд выселить их.

Пять, спокойно думала Макс, четыре… три, ее большие темные глаза сосредоточились на окне… два… один…

Взрыв качнул мир, яркий оранжевый столб пламени поднялся с восточной стороны здания как огненный призыв к небесам!

Грохот, раздавшийся секундой позже, напомнил Макс об артиллерийских взрывах во время военных учений в Мантикоре, и даже когда взрывная волна перекатывалась по зданию, она на секунду почувствовала холод, пронизывающий ее до костей.

Второй взрыв, на этот раз на восточной стороне, взметнул в небо пламя, будто оражевые и синие голодно облизывающиеся языки.

Отталкивая воспоминание, Макс смогла различить движение за затемненными окнами седьмого этажа. Дверь распахнулась и свет из корридора внезапно осветил комнату и членов Выводка, выбегающих в холл, как будто они было под обстрелом.

Они были не так уж и неправы, наблюдая за огнями, горящими ниже. Идея Муди о диверсии казалась Макс слишком простой для штурма цитадели Выводка. Теперь дигаясь быстро, так как не была уверена надолго ли фейерверки Муди отвлекут внимание бандитов, Макс опустилась на подоконник седьмого этажа и начала работать. Используя нож для стекла, она

начертила круг, достаточно большой, чтобы пропустить ее тонкую фигуру, она ударила по нему, и затем схватилась за край, чтобы удержать равновесие и перерезала веревку, державшую ее.

Маленькая воровка освободилась от веревки, предоставив ей висеть перед окном, затем прыгнула головой вперед в дыру, и приземлившись на матрасы, сваленные на полу, перекувыркнулась и сразу же заняла боевую позицию.

Комната была пуста, если не считать запаха, который оставила после себя дюжина немытых парней, спавшая в этой комнате, служившей некогда офисом для одного человека. Из мебели, которая раньше делала эту комнату местом, где занимаются бизнесом, остался только стол. Он находился слева от Макс, на нем лежал матрас, другой был снизу, один его конец был подвернут так, что голова человека, отдыхавшего на нем, находилась там же, где некогда были ноги рабочего. В Выводке это видимо было способом защиты от землетрясения.

Подходя к двери на цыпочках, Макс прислушивалась к звукам, которые могли бы ей сказать, что она на этаже не одна. Информацию о системе безопасности Муди получил от посредника в Выводке, обменявшего ее на взятку от Китайского клана, рискуя навлечь на себя гнев собственной банды.

Согласно сведениям, Михаил Кафельников, известный своей жестокостью, лидер Выводка, хранил план системы безопасности музея в сейфе на этом этаже в его личном офисе в дальнем конце холла.

Здание, тихое как могила, казалось опустело, поскольку Выводок стекал вниз, чтобы проверить где были взрывы. Двигаясь к холлу, Макс своим гиперслухом улавливала любой звук: скрип пола, потрескивание обуви, даже что-то настолько несущественное, как дыхание охранников… ничего.

Ничего кроме отдаленного потрескивания пламени и поднимающихся с нижних этажей голосов.

Макс приподняла бровь и перешла в непродолжительй бег, который принес ее на порог офиса Кафельникова.

Она хотела еще раз убедиться, что этого зловещего сукина сына не было внутри, она снова прислушалась, но ничего не услышала, попробовала открыть дверь… заперто.

Макс думала о том, чтобы взломать замок — у нее были и инструменты, и знания, но потом она решила, что ее весьма ограниченное время лучше провести в самом офисе. Отступив на шаг, она ударила возле замка, дверь раскололась с ужасающим треском и распахнулась.

Время — деньги, думала она, двигаясь по пустой комнате.

Пустой от людей, по крайней мере. Это было нечто среднее

между офисом, квартирой… и арсеналом. Слева, вдоль всей стены располагалась стойка с ружьями, винтовками, автоматами и дробовиками. На полках сверху лежали коробки с гранатами, взрывчаткой и огромный выбор пистолетов. Это возможно могло ей помочь, но с тех пор, как Лайдекер стрелял в одного из ее братьев по Х5 той ночью в барраке, у Макс было стойкое отвращение к огнестрельному оружию. Она ненавидела грязные штучки тогда, ненавидит их и теперь.

У стены напротив пушек, справа от Макс, стояла ужасающая круглая водяная кровать, покрытая шелковыми простынями. Напротив нее, как строгий родитель, стоял высокий стальной холодильник. Сама стена представляла собой огромное окно, сквозь которое проникал лунный свет цвета слоновой кости. В центре кабинета прямо перед Макс стоял массивный овальной формы стол, позади которого расположилось троноподобное кожаное кресло. Широкоэкранный телевизор, приподнятый как алтарь, справа (и позади) стола был повернут к кровати. Позади кожаного трона, написаный маслом портрет Кафельникова (не очень хороший) занимал почти всю стену.

Осматривая эту комнату и все барахло, девушка думала, ну и эго у этого ублюдка Кафельникова…

Информатор Муди сообщил, что сейф, в котором находятся планы системы безопасноти, прямо за картиной. Если сейф окажется таким же большим как портрет, думала Макс, то его замок должен быть размером с покрышку.

Обходя стол, она достала из кармана раскладной нож и нажала на кнопку, лезвие выскочило с резким щелчком. Она нашла металлическую корзину для мусора, перевернула ее вверх дном, в результате чего мусор рассыпался, поставила корзину на пол, и, встав на нее, заглянула в самодовольное лицо русского бандита. Затем изобразив собственную самодовольную улыбку, Макс воткнула нож в нарисованное маслом сердце Кафельникова и разрезала холст кверху, как если бы картина сама по себе кричала в агонии.

Сейф быд там, где и должен, и замок был нормального размера. Несмотря на всю сложность плана Муди, эта часть работы казалась опытной юной воровке рутинным грабежом. Убрав нож, Макс настроила свой слух, приложила ухо к металлической двери и начала поворачивать замок.

Менее чем через пятнадцать секунд Макс открыла сейф, еще через пять она уже нашла планы музея, а в сдедующую секунду она спрятала их под свой комбинезон. Большая куча наличных в левом углу была настолько заманчивой, что тоже исчезла в ее карманах.

Муди не нужно знать об этом, она назовет это бонусом.

Теперь, закончив свои поиски, она собралась уходить. В этот момент она почувствовала первую собаку.

Она слышала, что Выводок держит собак, чтобы ловить злоумышленников, но Муди опроверг эти слухи.

Но огромный черный зверь с блестящими глазами и зубами-лезвиями, мерцающими в лунном свете, не был слухом. Собака, какая-то помесь добермана, двигалась вперед, пригнувшись к полу, ее мускулы перекатывались как тени под гладкой шкурой. Животное издало низкий горловой рык, показывая свою обеспокоенность.

— Милый щеночек, — Макс пыталась успокоить собаку, ее рука была протянута к ней в жесте предлагающем мир, показывая пустую неугрожающую ладонь.

Собака зарычала.

И этот охранник был не один…

Онамогла слышать шаги их лап в холле, и еще четверо появились в корридоре и вошли в комнату — вытренированные, не мешающие друг другу — почти по-военному рыча и удерживая свои позиции. Каждый был почти таким же большим, как их лидер, слюна капала их пастей, они скалились и рычали, этот звук сливался в безобразный квартет с их лидером, державшимся ближе.

Макс выпрямилась в полный рост. Ее мягкие уговоры провалились, поэтому она рявкнула высоким строгим голосом:

— Сидеть!

Собачий лидер гавкнул, будто бы хотел сказать: «Пошла ты!» Макс сделала глубокий вдох:

— Выбор за тобой! Я не хочу делать этого, но ты напрашиваешься…

И кошка приготовилась встретиться с собакой, принимающей боевую позицию.

Первая собака прыгнула, Макс уклонилась, и доберман с визгом врезался в стену. Вторая и третья собаки пытались напасть на нее, разделившись и обойдя ее с разных сторон, — сложный обманный собачий маневр — в тот момент, когда животные бросились Макс запрыгнула на стол подальше от визжащего комка лап, когтей и хвостов.

Одна из двух оставшихся в дверном проеме собак, бросилась на Макс. Девушка крутанулась и пригнулась вниз, голова животного повернулась, пытаясь укусить Макс. приземлившись на пол собака перекувыркнулась и отступила, так как последняя собака перешла в наступление.

Выбегая в холл, Макс попытась закрыть за собой выбитую

дверь, но она не смогла бы сдерживать животных долго, девушка знала, что собаки будут преследовать ее по пятам. Их яростный лай говорил о том же.

Она побежала к лифту, желая, чтобы его двери открылись до того, как она окажется там, и… они открылись.

Она оказалась лицом к лица с Кафельниковым и половиной дюжины ребят их его Выводка. Они смотрели с такой же яростью как и собака, в особенности Кафельников.

Подожди, пока увидишь свой портрет, подумала Макс.

Высокий и худой, русский иммигрант тем не менее был достаточно мускулистым, с коротко подстриженными светлыми волосами, проникновенными голубыми глазами и чувственными розовыми губами. Он был одет в коричневую кожаную куртку длиной ко колен, оранжевую шелковую рубашку, расстегнутую у горла с золотыми ценями, черные кожаные штаны и черные ботинки змеиной кожи.

Как удачно заметил Муди, Кафельников пропогандирует стиль и образ жизни предимпульсной рок-звезды, которой был когда-то его отец, или по крайнем мере так говорили. Сын возможно имел музыкальный талант, но избрал криминальный путь, который лучше оплачивался, и это было очень своевременно, учитывая, что индустрия развлечений погибла.

Русский мог бы показаться Макс привлекательным, если бы не разгневанное выражение на лице, которое выдавало все его наклонности. Привлекательный насколько это возможно для смертоносного маньяка.

— Кто ты такая? — спросил застывший на секунду русский. Изучая маленькую фигурку в маске, русский сказал — Это девчонка… просто девчонка…

Его парни, закивали, соглашаясь с ним, и в этот момент от взревел:

— Кто эта маленькая сучка?

Прежде чем она смогла каким-либо образом ответить (и слова бы не были ее первым приоритетом), она, Русский и его ребята дружно обернулись на звук, донесшийся их холла… … и стая собак, наконец прорвавшаяся через разбитую дверь, бежала к ним по корридору, сверкая клыками, высунув языки и брызжа слюной.

Повернувшись к Кафельникову, Макс сказала:

— Я пришла погулять с собачками, ты меня звал. Разве не помнишь?

Он находился в замешательстве каких-то полсекунды, пока Макс не нанесла в грудь Русского такой удар, что воздух вышел из него со свистом, и он рухнул обратно в лифт, сбивая своих

подчиненых как кегли в боулинге.

Не задерживаясь, чтобы насладиться плодами своих усилий, Макс побежала по корридору, собаки бросились за ней. Когда она снова ворвалась в комнату, в которую она ранее пробралась, собачий вожак был менее чем в двух футах позади нее. Подняв руки над головой, будто ночь впереди, была озером, куда она ныряла, она проскользнула через дыру в окне, жалея, что она не сделала ее больше, рычащая собака была позади нее.

Схватившись за ожидающую ее веревку, она полетела по широкой дуге прочь от здания. Собака, недооценив размер дыры, врезалась в оконное стекло, взвизгнула, и скрылась в офисе, исчезнув из вида. Остальные собаки, увидев неудачу своего вожака, остановились перед окном, их головы то и дело пропадали из поля зрения Макс, поскольку она лаяли и клацали челюстями. Одна собака даже высунула голову в отверстие и, пытаясь дотянуться до девушки, кусала воздух.

Но в этол время, Макс взбиралась по веревке, и собачий лай превратился в рык, так как они в бессильном гневе наблюдали, как она скрывается на крыше.

Она услышала голоса позади себя. Все еще поднимаясь вверх по веревке, она посмотрела вниз и увидела бледное злое лицо Кафельникова, высунувшего голову из дыры в окне, печальная жертва, положившая голову на гильятину.

— Я убью тебя, сучка! — выкрикнул он.

— Я так не думаю! — ответила она, спокойно и самодовольно.

Его ответ был бессловесным, и он ударился головой, и возможно даже порезался об стекло.

Ухмыльнувшись, она продолжала карабкаться, зная, что люди Русского уже на полпути к крыше, чтобы перехватить ее. Оглянувшись вниз, она увидела, что голова Кафельникова исчезла, ее заменила голова парня из Выводка, которого она видела в лифте. Худой парень с длинными темными волосами пытался дотянуться до веревки, но как только он дотронулся до нее, Макс проворно оттолкнулась от стены здания, вырывая конец из его пальцев. Он почти выскользнул.

— Сучка! — завопил он, его глаза расширились от гнева.

У этих парней очень ограниченный словарный запас, подумала Макс, продолжая лезть вверх.

Парень внизу выскользнул наружу и прыгнул в ночь. Он ухватился за веревку, и этот рывок чуть было не сбросил Макс вниз. Удивленная его смелостью, она чувствовала вес парня на другом конце веревки и знала, что их обоих она не выдержит…

— Веревка не выдержит! — крикнула она вниз, поддразнивая

парня.

— Пошла ты, девчонка!

Словарный запас казался зловеще ограниченным…

Чувствуя себя теперь не такой уверенной, она стала забираться еще быстрее, двигаясь к крыше, парень, поднимавшийся по веревке за ней, не осознавал опасности, которой подвергал их обоих. Взглянув на оставшиеся десять футов, она могла увидеть натянутую веревку, перекинутую через погнувшийся от тяжести металлический край крыши. Сверкающие в небе звезды будто освещали ее путь, пока их не заслонило лицо… … Кафельникова.

Открыв с противным щелчком раскладной нож, лидер Выводка произнес:

— Тупая сучка… Я говорил, что убью тебя!

— Я действительно устала от того, что вы, парни, так меня называете, — сказала она. — Ваши манеры отстой…

Не имея никаких альтернатив, учитывая тот довесок снизу, Макс продолжала карабкаться, сокращая расстояние между собой и Выводком на крыше.

Кафельников наклонился, и нож начал скользить по тонкой веревке.

— Еще пара секунд… и никто не будет называть тебя сукой, будь уверена, дорогуша… Никто не сможет назвать тебя никак иначе, чем мертвой!

Русский перерезад веревку, ее нити лопались, его ужасное бледное лицо над ней приближалось и приближалось…

— Босс, нет! — заскулил тощий парень под ней, но было уже поздно.

Нож Кафельникова перерезал веревку.

Макс разжала руки, веревка и тощий парень летел с глаз долой, словно кричащий человек верхом на змее.

Но предже чем отпустить веревку, Макс подтянулась и бросила себя вверх и ухватила обеими руками за отвороты куртки Кафельникова. Как только сила тяжести подействовала на них обоих, два члена Выводка и удержали, едва удержали, его и Макс, чуть было не перевалившихся через ограду на крыше.

Так она и висела, держась за его куртку, лицо Кафельникова было в нескольких дюймах от ее — они могли бы поцеловаться, если бы его дыхание (кажется это были сардины?) не было таким отталкивающим. Два бандита, пытающиеся уберечь своего бесстрашного лидера от падения, держали его руки, мешая ему освободиться от Макс.

Но сила тяжести непреклонно приближала их к краю. В панике Кафельников попытался освободиться из рук своих

помощников, чтобы оторвать руки Макс от куртки, но его верные ребята были достаточно сильны и продолжали оттаскивать своего босса от края.

Казалось, что тощий главарь Выводка и красивый воришка упадут в ночь вместе, но Макс взглянула на Русского и улыбнулась.

Глаза Кафельникова расширились в удивлении и гневе — возможно он подумал, если бы только она была одной из моих ребят! Затем Макс нанесла удар головой, сломав ему нос и практически вырвав его из рук бандитов.

Русский взвыл, разбрызгивая кровь. Высвободив одну руку, он потянулся к лицу Макс, но она просто отпустила его… … и он скрылся из поля зрения с крыши, захватив с собой двоих приспешников.

Макс смотрела в ночное небо на падающую звезду, наслаждаясь свежим воздухом на своем лице. Она не только сделала то, зачем сюда пришла, но и сломала нос главарю Выводка- неплохо для одного вечера, во всяком случае пока.

Пролетая мимо седьмого этажа, она дернула металлическое кольцо на своем костюме, которое раскрыло купол над крошечным турбинным вентилятором. Он заполнил купол теплым воздухом, что обеспечило ей восходящий поток для легкого спуска и относительно мягкого приземления.

Она надеялась не использовать для посадки территорию Кепки, поскольку могла приземлиться прямо в руки в руки бандитов Выводка, выгнанных взрывами на улицу. План состоял в том, чтобы отсидеться на крыша, пока тротуары не опустеют, так как Выводок вернется в здание выяснять, что было украдено. Тогда она спланировала бы на землю.

Но этот план сорвался. Помощи ждать было не откуда — Муди и Китайского клана не было поблизости, чтобы смотреть, как она будет удирать по улице, что совсем не удивило Макс… В конце концов их задача была обеспечить диверсию. Они сделали достаточно и скрылись. Она спланировала на землю, выключила вентилятор и отстегнула купол.

Потом она повернулась, чтобы увидеть спешащих к ней бандитов, страшных болванов в изорванных джинсах. Первый упал от удара ногой с разворота по голове, второй — от прямого в пах, третий получил удар справа.

Потом она побежала, гангстеры преследовали ее. Повернув за угол, она оказалась несущейся по Вайн Стрит с половиной Выводка на хвосте. Она добежала до середины улицы, ее ботинки топали по мокрому асфальту. Отодвигая канализационный люк, Макс задумалась, почему улица была влажной — сегодня не было

дождя, его не было уже неделю. Как только Макс почувствовала, что люк отъехал в сторону, Макс остановилась и приняла бойцовскую стойку.

Увидев серебряные нити, вырывавшиеся их люка, и почувствовав, как запах бензина, который нельзя спутать ни с чем, жжет ей ноздри, Макс вдруг поняла, почему улица была мокрой…

Она повернулась и побежала изо всех сил — а их было очень много. У себя за спиной Макс услышала шипение воспламеняющегося газа. Кто-то из выводка закричал, но она решила, что это был крик страха, а не боли. Муди не позволил бы им приблизиться настолько, чтобы попасть в огонь… вероятно.

Идея была в том, чтобы остановить преследователей, а не спалить их, хотя из-за нескольких обожженых сна у Макс или у Муди не поубавится. Оглядываясь на бегу через плечо, Макс увидела стену огня, отделившую ее от преследователей, которые отступали обратно в ночь, возвращаясь домой в их башню разбитых надежд.

И она увидела Муди, исчезающего в люке, как будто его здесь и не было. Призрак, посещающий место, которое когда-то было самой известной улицей Голливуда.

— Спасибо, — сказала она ночи и исчезла.

Менее чем через час, ориентируясь по планам системы безопасности, Макс отключила электронные замки и первый ряд лазеров на первом этаже здания, бывшего когда-то офисным центром и теперь служившая пристаницем Музея Голливудского Наследия. Ее цель находилась в конце второго этажа в закрытой комнате, и ее охраняло больше лазеров, ловушек и специальных сигнализаций, чем все здание в целом.

Всего два охранника патрулировали музей по ночам, и один из них уже спал за своим столом на первом этаже.

Предполагалось, что в музее не было ничего действительно ценного, только демонстративная ностальгия, но Макс, спасибо Муди, знала больше. Множество выставок объектов американской киноистории демонстрировалось только богатым коллекционерам предимпульсных вещей. Но ни один из вульгарных артефактов не мог сравниться с настоящей драгоценностью, ожидающей ее в конце корридора.

На первом этаже разместилось множество вещей той эпохи, которую плакаты расположенные здесь же называли «Золотые Годы Тишины». Трость, котелок и черный фрак комика по фамилии Чаплин, несколько арабский костюмов, которые женоподобный актер Валентино носил в паре немых фильмов, и даже двигатель поезда, плакат рядом с гордостью заявлял, что он

прибыл из фильма Бастера Китона «Генерал».

Беззвучно поднявшись по последним ступеням лестницы на второй этаж, Макс попала в корридор, вывеска в котором звала посмотреть «Золотые Годы Студии». Для места со столькими «золотыми годами», подумала Макс, здесь должно было бы быть побольше настоящего золота. Крадучись по корридору вдоль стены, кошачьи глаза Макс заметили другого охранника, крупного парня в дальнем конце зала, ее обостренный слух уловил щелканье его ботинок по плиточному полу.

Она продолжила движение, скользя между фигурами из мюзикла «Поющие под дождем», четверкой манекенов одетых во льва, топорного робота, чучело и девочку с косичками в сине-белом клетчатом платье, держащую маленькую собачку. Последняя группа называлась «Волшебник страны Оз», но Макс не могла понять как эти странные персонажи могут быть связаны с волшебством. Единственными волшебниками, которых она знала был Гарри Поттер с друзьями.

То, что ждало ее в комнате в конце корридора, не имело ничего общего с «Золотыми Годами Студии», но это была самая охраняемая комната в здании… поэтому, конечно же, здесь хранились самые ценные экспонаты.

Макс наблюдала за тенью охранника, которые проверил дверь в конце зала и исчез на лестнице, продолжить свой обход на другом этаже. Макс немного подождала, прежде чем двигаться дальше. Она прислушалась к звуку закрывающейся двери и к удаляющимся шагам охранника — он спускался вниз — по металлической лестнице.

Тогда она бесшумно пробежала (это все золотые годы тишины, подумала она) последние пятьдесят футов к заветной двери, обошла сигнализацию, набрала код на цифром замке и сделала глубокий долгий вдох.

Замок и сгнализация были самой легкой частью. Ловушки, активировавшиеся только тогда, когда музей был закрыт, находились на полу, и лазеры под прикрытием ультрафиолетовых лучей пересекали комнату. Расстояния между лучами были меньше фута. Бросив послединий взгляд на план пола, которые ей предоставил Кафельников, Макс, запомнив его, сунула план в карман и приготовилась действовать.

Она открыла дверь, проскользнула вовнутрь и прикрыла ее за собой. Комната была без окон и очень тихая, что напомнило ей бараки Мантикоры после отбоя. Здесь было полдюжины витрин, и во всех них находились предметы из фильма «Титаник».

В высокой витрине в углу стоял манекен, одетый в старомодное прозрачное белое платье, в такой же витрине в

противоположном углу содержался манекен привлекательного молодого мужчины с детским лицом в смокинге.

Три длинные витрины образовывали треугольник в центре комнаты. В одном было подержанное серебро, в другом — модель корабля, в третьем находились фотографии с кадрами фильма.

В дальнем конце комнаты в ящике из плексигласа под лучами прожектора, притягивал взгляд ее приз: гигантский голубой бриллиант в серебряной цепочке, инкрустированной бриллиантами поменьше.

Макс знала немного о фильме, который очевидно был очень известен. Телевидение было ограничего и сильно контролировалось в постимпульсную эру, и, в любом случае, ее не заботила беллетристика… какой в этом смысл? Немногие люди в придуманных историях жили более интересной жизнью чем она.

Но она знала, спасибо Муди, что в предимпульсные дни все знали о великом голубом бриллианте, «Сердце океана», которой был просто основой фильма, это действительно было реально. Ожерелье стоимостью десять тысяч долларов принадлежало режиссеру, который пожертвовал его Музею Голливудской Славы.

— Его истинная ценность — сказал ей Муди — известна немногим, поэтому он привлекает воров… таких как мы. А для публики… для тех, кого до сих пор волнует глупый старый фильм… магии этой вещи достаточно, чтобы быть самостоятельной достопримечательностью.

Забавно, подумала Макс. В этом городе, в котором когда-то создавались мечты, один из самых главных экспонатов был своего рода подделкой… потому что был настоящим.

Сейчас Сердце Океана лежало всего в двадцати пяти футах от нее.

И если она сможет заполучить его и выбраться отсюда целой, то Китайский Клан достаточно денег, чтобы содержать его в течении нескольких лет.

Ее дыхание замедлилось, так как она приготовилась к финальному рывку к своему призу. Она положила в рот огромный кусок жевачки и начала ее пережевывать, медленно и методично. Достав из рюкзака две вакуумные присоски с ручками, Макс взяла каждую к руке нейлоновыми ремешками т посмотрела на потолок. У нее было менее чем два фута открытого пространства между потолком и верхним лучом.

Девушка прыгнула прямо вверх, вытянув руки, присоски прилипли к потолку со звуком неумелого поцелуя. Сделав глубокий вдох и выдох, Макс подтянулась наверх, пока ее шея не прижалась к потолку, она держала себя наверху только усилие

рук.

Даже для солдата с ее уникальными талантами напряжение было очень сильным.

Затем она медленно подняла ноги и вытянула их перед собой, как будто выполняла балетное упражнение. Теперь она сидела с наклоненной на бок головой, она свисала с потолка, и он нее до лучей оставалось каких-то шесть или семь дюймов. Передвигаться по комнате в таком положении не было ерундовым делом.

Бросив взгляд на оферелье, она ухмыльнулась. Без крови нет славы, подумала Макс, а этот голубой камень будет серьезным, серьезным достижением не только для нее, но и для всего клана.

Отсоединив одну присоску, она продвинула себя вперед насколько могла и снова прилепила ее с легким чмоканьем. Она проделала эти действия со второй присоской и оказалась на расстоянии фута от приза. Мышцы ее плеч горели от напряжения, но вместте со своим дыханием она мысленно дробила боль и выдворяла ее из своего сознания.

Немногие в мире могли проделать такое. Макс имела эти способности с детства.

Пот катился по ее лицу на майку, так как она стремительно преодолевала расстояние по комнате, на ходу жуя жевачку. Она проделала манипуляции с присосками девять раз и ей оставался и не только ее плечи горели, но и бицепсы, трицепсы, квадрицепсы, подколенные сухожилия и пресс были охвачены своим собственным пламенем.

Голос в ее голове, который немного походил на полковника Лайдекера, напоминал, что боль была платой за успех.

Замолчи, мысленно приказала она, и продолжила движение вперед.

Наконец, после того, что показалось ей вечностью, хотя на самом деле заняло только шесть минут, она оказалась прямо над Сердцем Океана.

У нее в запасе было около полутора футов от каждой стороны плексигласового ящика. Как будто путь сюда не был достаточно трудным, теперь работа станет действительно хитрой. В этом замкнутом пространстве она должна удалить квадратный фут пластика, забрать ожерелье, не подняв тревого, и затем вернуться с помощью присосок обратно.

Без проблем.

Высвободив одну руку из присоски, Макс подтянула колени наверх, затем медленно откатилась назад, позволяя ногам подняться вверх, в то время как ее голова опускалась к ящику. Ее тело свернулось в комок, не превосходящий по размерам

пляжный мяч, она просунула одну ногу в пустой ремень присоски.

Убедившись, что нога держится крепко, она вытащила другую руку из ремня и вставила туда вторую ногу. Теперь она висела вниз головой, на расстоянии фута от оферелья со сверкающим камнем.

Действуя быстро, Макс открыла замки с обоих сторон ящика, сдвинула плексигласовую крышку и прилепила к ней жевачку, которую достала изо рта. Затем она перевернула ее так, что ее верх стал низом… и опустила ее прямо на пол.

Это была часть, о которой она волновалась больше всего.

Ее руки были не достаточно длинными, чтобы дотянуться до пола. Яшик должен был пролететь последние несколько футов, и жевачка должна была приклеить его к полу и не дать отскочить к один из инфракрасных лучей.

Задержав дыхание, Макс отпустила ящик так мягко, как это было возможно. Он упал на ковер с глухим, едва различимым стуком, затем качнулся к лучу… … но удержался и остановился.

Первый этап завершен.

Вытащив из кармана нож, Макс приблизилась к стенду с драгоценностью. Только один провод связывал ожерелье с сигнализацией, но ей нужно было работать очень аккуратно, чтобы не повредить его.

Кровь прилила к голове, и она чувствовала, что ее лицо начинает гореть, как от вспышки чудовищного гнева… еще немного и все будет хорошо… хорошо…

Вися вниз головой, Макс сожалела, что в ее генетический коктейль не добавили ДНК летучей мыши, тогда этот трюк не был бы таким утомительным для нее. Тщательно счищая пластиковую оплетку провода, она оголила около двух дюймов блестящего медного провода, затем убрала нож, и достала собственный провод с двумя зажимами на концах. Прикрепив зажимы к обоим концам очищенного участка, достала кусачки и, снова задержав дыхание, перерезала провод в середине зачищенного участка.

Она не дышала несколько секунд… но сигнализация не сработала, лазеры не нацелились на нее и и ловушки не активировались.

Освобождая ожерелье от провода, Макс пристально смотрела на огромный голубой камень, и впервые за вечер широкая улыбка появилась на ее лице. Она взяла ожерелье, чувствуя настоящее восхищение если не его историей, то ценностью, и послала ему воздушный поцелуй… … и в тот момент, когда она это сделала, сработала сигнализация.

И ад разверзся перед ней.

— Черт! — прошептала она, хотя ее запас «запрещенных слов» был гораздо ошибирнее того, который она когда-либо слышала от полковника Лайдекера.

Воровка осознала, что ожерелье также лежало на датчике давления — мера предосторожности, которая по какой-то причине не была обозначена на планах системы безопасности, украденных у Выводка. Сирена сигнализации выла как стая обозленных гусей, этот звук, решила Макс, теперь будет отвратителен ей даже в самых невинных обстоятельствах.

Не считая этих…

Первый лазер впился в стэнд, где хранилось ожерелье, и взорвал его, взметнув столб деревянных щепок и обрывков бархата, как раз в тот момент, когда Макс увернулась с его пути. Несмотря на ловушки на полу, которые теперь вероятно были активированы, она вырвала свои ноги из ремней присосок и упала на ковер, избегая лазеров дырявящих стены комнаты вокруг нее.

По крайнем мере она жива, здесь не было заряда…

Схватив большую плексигласовую полку, прижимая ее как большой квадратный футбольный мяч, Макс сделала кувырок вперед и приземлилась на корточки, в тот момент, когда лазер выстрелил ей в голову.

С молниеносной нечеловеческой скоростью она отклонилась влево, успев почувтвовать тепло вспышки на своей щеке и услышать шипение сгорающих волоской в ноздряв, сразу же наполнившихся запахом паленого.

Прыгнув изо всех сил, она приземлилась за один из стендов в центре комнаты в то время, как один из лазеров, пережевывая пол неподалеку от того места, где она стояла, привел в действие один из зарядов. Они очевидно предназначались не для того, чтобы убивать, а просто покалечить.

Это было облегчением, подумала она…

У нее было всего несколько секунд, прежде чем лазеры снова на нее нацелятся. Подняв плексигласовый ящик, она бросила его через весь зал к двери. Она попала в цель, но звук падения утонул во взрыве другой мины, и ящик разлетелся в облаке черного дыма.

Прыгая в безопасность образовавшейся воронки, Макс знала, что все планирование, все стратегии разлетелись вместе с той коробкой… с этого момента ей просто нужно не терять голову и поймать удачу. Уворачиваясь и пригибаясь, она побежала к двери. К ее великому удивлению, она не превратилась в кровавое месиво после следующего взрыва, число мин, видимо, было минимальным, чтобы не допустить повреждение здания.

Она повернула ручку и поняла, что дверь заблокировалась, когда включилась сигнализация — еще одна деталь, отсутствующая в плане системы безопасности.

Лазеры приближались, их мишень теперь стояла неподвижно, и прицельться было проще, ориентируясь на тепло тела и (или) движение. Еще один выстрел, она отклонилась достаточно, чтобы он прошел мимо нее и попал прямо в закрытый дверной замок, вылетевший в холл.

Макс выбила то, что осталось от двери и прыгнула в корридор, затем спряталась за стеной, а лазеры продолжали беспорядочно палить в корридор.

Два охранника бежали к ней, и она поняла, что они дезактивировали мины в корридоре, думая, что она заперта в выставочном зале. У каждого была дубинка и шокер.

Ближний был мускулистым парнем лет двадцати пяти, на лице обозленная маска. Другой был тем парнем, которого Макс видела проверяющим двери, он был старше лет на двадцать и фунтов на сто тяжелее, выглядел он испуганным.

Мускулистый нацелил свой тазер и выстрелил, но Макс нырнула под дротик, перекатилась вперед и поднялась, ее правая рука схватила его за шею, подняла от пола и бросила его через весь зал. Без сомнений, когда он очнется, будет долго недоумевать, как такая маленькая «девчонка» сделала это с такой легкостью.

Пухлый старался выглядеть внушительным, но судьба напарника, заставила задрожать его подбородки. Он не прицеливаясь выстрелил тазером, а затем застыл, глядя как Макс подходит к нему. Голос в его голове возможно подсказывал ему достать дубинку, но другой голос напомнил, как мало ему платили, и он просто стоял, трясясь как желе.

Макс погладила его по щеке и мило улыбнулась.

Затем она побежала прочь из зала.

Воровка слышала позади себя вой сирен, когда покидала музей через главную дверь, но пока прибудут копы, она будет уже далеко… … и Сердце Океана было благополучно спрятано в ее рюкзаке. Макс не могла дождаться, когда вернется в театр и покажет его Муди.

Она бы чувствовала себя королевой воров, если бы не была… «девчонкой».

Глава 3. ДОМ ДЛЯ МАКС

ДОРОГА

КАСПЕР, ВАЙОМИНГ, 2009 ГОД

Наблюдая из-за угла, девятилетняя Макс — инородная фигура в этом жилом квартале в тонкой сине-серой мантикоровской рубашке, развевающейся по ветру, и с голыми ступнями на холодном бетоне тротуара — пыталась осознать чем был маленький ребенок.

Но генетически созданный солдат при исполнении не имел понятия, чем занимается ребенок женского пола, катая снежный шар по белому двору, делая шар больше с каждым шагом.

Сфокусировавшись, Макс смогла лучше рассмотреть ребендка на противоположной стороне улицы — девочку, чьи длинные темные волосы выбивались из-под красной кепки. Она была старше Макс, по крайней мере на год или на два, с полными губами, коротким носом и широко посаженными глазами под тонкими размашистыми бровями.

Загипнотизарованная, как будто попала в мечту, Макс наблюдала, как девочка катит свой снежный шар обратно. Круглая белая теперь почти доходила ребенку до талии, а Макс по-прежнему не могла понять, что она делает.

Вернувшись на угол и спрятавшись за машиной, Макс еще раз взглянула на девочку, а затем серо-синей тенью скользнула через улицу. Теперь, находясь на той же стороне, что и девочка, Макс незамеченной обошла угол дома и пересекла дворы, приближаясь к третьему дому, во дворе которого играла девочка. Подобного поведения Макс до сих пор не видела, — что это была за стратегия? — ей нужно было взглянуть поближе.

Когда Макс обошла третий дом и заняла наблюдательную позицию позади вечнозеленого растения, девочка все еще работала в снегу. Ночная рубашка Макс и ее голубые ноги вдруг стали несущественными по сравнению с дико разноцветной одеждой другой девочки: красная кепка, зеленые рукавицы, розовая куртка, голубые джинсы и желтые канареечные ботинки.

Макс увлеченно наблюдала, как девочка в красной кепке решила, что шар уже достаточно большой, откатила его на середину двора и опустилась на тротуар, чтобы начать новый. Девочка спресовывала снег в шар, пока его можно было держать,

затем она стала его катать, как уже делала раньше.

Когда девочка закончила, второй шар был ненамного меньше предыдущего и почти доходил ей до талии. Девочка попробовала поднять шар и установить его поверх первого, но не смогла оторвать его от земли.

Зная, что она должна отступить и избегать любого контакта, что ей надо найти убежище, еду и более теплое облачение, если она хочет двигаться дальше, Макс не могла пошевелиться, скованная чем-то отличным от холода. Что-то в этой девочке держало ее, и Макс продолжала наблюдать…

Не важно как сильно старалась девочка, казалось, она не сможет поставить один шар на другой. Не осознавая, что она делает, Макс вышла из укрытия и направилась на помощь другому ребенку.

Одним из немногих человеческих инстинктов все еще сильных в ней, несмотря на все усилия Мантикоры, была потребность помогать своим «братьям и сестрам»… И эта девочка, почти одного с ней возраста, затронула эти нити родственной связи с членами отряда X5.

Когда Макс появилась, девочка выпрямилась, и ее рот открылся в очевидном изумлении. Макс, не сказав ни слова, просто подошла с другой стороны шара и схватилась за него снизу. Снег казался ее руками холодным, но это ощещение было бодрящим, совсем не неприятным, и кожа на ее руках, куда не доставали короткие рукава ее ночной рубашки, начала покрываться гусиной кожей.

Девочка в красной кепке мгновенно поняла план и двинулась на помощь. Вместе две маленькие девочки — ведь несмотря на все тренировки и генетические вмешательства, Макс была маленькой девочкой — подняли снежую глыбу на вершину первой.

— Подержи это минутку, — попросила девочка в красной кепке, в отличии от Макс ее мучила одышка, — сможешь?

Макс покорно кивнула, держа руки на шаре, чтобы он не скатился вниз.

Восстанавливая дыхание, девочка в кепке сказала:

— Я… я собираюсь… закрепить это снегом… чтобы не упало. Знаешь?

Макс снова кивнула, по-прежнему не понимая, что происходит.

Девочка в сомнении глянула на Макс:

— Правда?

— Что ты здесь делаешь? Какие цели преследуешь?

— Цели?.. Мы строим снеговика, глупенькая.

— О. Что-то типа… ловушки?

Девочка нахмурилась:

— Разве Фрости напоминает тебе утку? (игра слов decoy-duck) — Нет!.. Это памятник?

Другая маленькая девочка никогда не думала о чем-то подобном.

— Ну… да. Типа того.

— Но статуи выплавляют. Они долговечные.

— Естественно он однажды расплавится. Но ведь пока что холодно.

— Но если статуя расплавится, в чем же смысл?

— Это весело!

Это слово Макс слышала это слово раньше, но оно использовалось в другом контексте, такова была особенность тренировок в Мантикоре.

— Неужели тебе не весело помогать? — спросила девочка, замедляя дыхание. — Как, кстати, тебя зовут?

— Макс.

— Макс? А разве это не имя для мальчика?

— Нет. Я девочка.

— Еще бы! Я вижу… Я Люси. Люси Баретт.

Девочка продолжала спресовывать и разглаживать снег, пока они разговаривали. Макс быстро училась, повторяя ее движения.

— Твое имя Люси. Привет, Люси.

— Привет, Макс. Тебе не холодно?

Макс пожала плечами:

— Немного.

Девочка в кепке объяснила, что Фрости теперь нужна голова, Макс принялась за дело, и они вылепили шар поменьше.

— Ты больна, Макс?

— Больна?

— Ты выглядишь так, как будто сбежала из больницы или вроде того.

— О. Нет. Я в порядке.

— Хорошо, — сказала Люси, внося финальные штрихи в третий шар. — Ты живешь здесь рядом?

Макс помогла поднять «голову» на верх снежной статуи.

— Твои родственники тоже здесь, Макс?

— Родственники?

— Где твоя мама? Моя мама пришла бы в ярость, если бы я вернулась домой без курточки, ботинок, перчаток или шапки.

— Мама? — Макс придерживала последний шар, пока Люси прикрепляла его, чтобы он не сдвинулся с места, если она отпустит.

— У тебя же есть мама, правда? Или ты живешь с папой?

— Папой?

Люси достала морковку из одного кармана своей зимней курточки и два кусочка угля из другого. Затем она сделала из них рожицу, — Макс поняла, что это было необходимо — и они стояли и тщательно изучали свое творение.

Старшая девочка внимательно посмотрела на Макс и спросила полушутливым тоном:

— Ну ты же не появилась из мусорного ведра, правда?

— Мусорного ведра?

Девочка в кепке нахмурилась:

— Ты что из другой страны?

— Я американка. — Макс знала это точно.

— Хорошо, у тебя нет мамы?

— У меня никогда не было мамы.

— Как такое может быть?

— Люси… Я даже не знаю, что такое мама.

Девочка в кепке начала смеяться.

— Я сказала что-нибудь смешное? — спросила Макс раздражаясь, но не понимая почему.

Люси смеялась вовсю:

— Ты… ты серьезно? Ты не знаешь, кто такая мама?

Внезапно став очень необщительной, Макс пробормотала:

— Нет.

— Хорошо… А как ты думаешь ты появилась?

Макс хотела сказать, что сбежала из Мантикоры и ехала на грузовике, затем…

Но она не сказала этого. Она могла не знать и жизни внешнего мира, но поняла, что Люси имела ввиду что-то другое.

Со слабой усмешкой Люси задала другой вопрос:

— Ты ведь родилась, правда?

И на этот вопрос у Макс не было ответа.

Теперь Люси шагнула вперед, шлифуя снег и сглаживая статую.

— Вот почему ты так одета? Потому что некому о тебе позаботиться?

Макс не могла понять как после всех этих тренировок в течении девяти лет, когда она так много и тяжело училась, эта девочка в красной кепке могла задать столько вопросов, на которые у Макс не было ответов.

Они двинулись к неровным каменным ступеням у дома и сели. Люси спросила:

— Ты ведь не местная, да?

Наконец вопрос, на который она знала ответ:

— Нет.

— Я тоже. Моя мама навещает мою тетю. Мы здесь со вчерашнего дня. Мне здесь нравится, потому что папы нет рядом… Но мы скоро уедем домой.

— Но муравей это насекомое, — сказала Макс. (aunt — ant) Люси засмеялась:

— Нет муравей это муравей! Ты ведь шутишь? Тетя Вики — это сестра моей мамы, — ее смех опять сменился любопытством, — Макс, ты сбежала? — ну… да. Я сбежала. — Вопросы теперь не казались сложными.

Люси сняла свои варежки.

— Вот, держи.

С благодарностью Макс натянула их. Они были мокрыми от снего, но это было все же лучше, чем ничего, и, даже больше, она оценила теплоту жеста Люси. — Спасибо.

— Так, Макс… У тебя нет дома. — Это было утверждение, не вопрос.

— Нет, Люси.

— А у меня нет сестры.

— У меня есть сестры. И братья.

— Правда? Где?

— Мы… Мы разделились.

— Сломанный дом… Я знаю много таких историй.

Макс сильно в этом сомневалась.

Люси смотрела на дом, в гостинной было большое панорамное окно, потом ее глаза переместились обратно на Макс, и новая мысль блеснула в них:

— Так значит у тебя нет ни одежды, ни крыши над головой, ни еды, верно?

Опять Макс поняла, что ей нечего сказать. Но теперь, когда ее руки были в тепле, она поняла, насколько опустилась температура ее тела. Она начинала дрожать и пыталась не давать стучать своим зубам.

— Макс, моя мама очень хорошая. Она хочет, чтобы у меня была сестра, но у них с папой не получается.

— Почему?

— Не знаю. Но я знаю одну вещь: моя мама может тебе помочь.

Сбитая с толку, Макс сказала:

— Люси, я все еще на знаю, что такое мама. — Она встряхнула головой, Макс не нравилось, к чему все это шло.

Выглядя смущенной, Люси мгновение это обдумывала. Она рассеянно поднялась со ступенек и вернулась к работе над снеговиком, сглаживая его там, где увидела неровности. Макс

присоединилась к ней, стоя так же тихо, как Фрости.

Наконец, продолжая разглаживать выпуклости на снеговике, Люси произнесла:

— Мама это человек, который дал мне жизнь, и тебе тоже.

— Твоя мама дала мне жизнь?

Люси засмеялась, остановилась и встряхнула головой.

— Нет. не моя мама… Твоя мама, кем бы она ни была, или может… была… дала тебе жизнь. У тебя же есть пупок?

— Не знаю.

— Пупок?

— Конечно у меня есть пупок.

— Хорошо, его ты использовала для связи со своей мамой, когда родилась. Это доказано. Неважно знаешь ты ее или нет, у тебя есть мама, правильно, — Люси кивнула. — У всех есть.

— Так… мамы всегда девочки?

— Женщины, — Люси сказала это серьезно, казалось приняв это близко к сердцу. — Когда мы вырастем, мы станем женщинами, и мамами тоже.

Макс это не очень понравилось:

— А это обязательно?

— Ну… Зачем ты задаешь такие сложные вопросы, Макс?

То что была вещь, которую Люси не знала, показалось Макс ободряющим, она уже не чувствовала себя такой неосведомленной.

— В любом случае, — сказала Люси, поглаживая снеговика в последний раз, — Моя мама может помочь. Она может дать тебе еды, а тетя Вики поищет какую-нибудь старую одежду…

Еще люди — это было плохо… разве нет? Внезапно Макс испугалась, что никогда не остановилась бы и не заговорила с этой маленькой девочкой.

— Нет, — сказала Макс. — Я справлюсь. Адаптируюсь и выживу.

— А?

— Не говори никому, что видела меня, ладно?

Люси казалась озадаченной.

— Люси, пожалуйста. Не заставляй меня…

— Не заставлять тебя что?

Убить тебя, подумала Макс.

В глазах Люси зажглось понимание:

— Это потому что ты убегаешь, правда? Ты боишься, что мама отправит тебя обратно!

Макс медленно кивнула. Она дотронулась до руки девочки и сжала ее.

— Пообещай мне, Люси!

Голая рука Люси дотронулась до рукавицы Макс.

— Макс они были жестоки с тобой? Я имею ввиду, откуда ты сбежала… они были строгими?

Перед своим мысленным взором Макс увидела Еву, погибшую от пули Лайдекера.

— Они были строгими, — сказала Макс.

— Они были жестки к тебе там?

— Очень жестоки.

Люси забыла о своей маме и пыталась разгадать загадку Макс:

— Что же они сделали?

— Они забрали меня от моей мамы, — сказала Макс, осознав свое положение, — и сказали, что ее никогда не существовало.

— Они правда так сделали?

Макс увидела, что неподалеку проезжает машина, и прыгнула обратно за дерево, Люси присела на корточки.

— Они правда так поступили? — повторила она.

— О да, — сказала Макс. — И теперь они преследуют меня. Ты тоже можешь быть в опасности, находясь рядом со мной… Вот почему никто не должен знать, что я здесь.

Люси казалось теперь поняла, что за опасность упомянула Макс, но это только взволновало ребенка.

— Слушай, Макс… У меня есть идея. Мы можем спрятать тебя. Ты можешь поехать с нами. Мы живем далеко, очень далеко… Те кто тебя ищут никогда не догадаются искать там.

Чувство теплоты возникло в груди Макс, что-то, чего она раньше не чувствовала: надежда.

— Но если мы сделаем это, ты же должна будешь сказать маме?

— Доверься мне — она захочет тебе помочь.

Макс энергично затрясла головой. Она доверяла Лайдекеру.

— Мама любит детей, она поможет тебе и увезет от людей, которые тебя преследуют. Смотри, она пыталась удочерить сестру для меня, но ей отказали.

— Удочерить?

— Взять ребенка, мама которого умерла или типа того. Но мой папа… Они сказали, что она не «подходит» или… неважно, она сделает все, что угодно, чтобы у меня была сестра.

Сомневаясь, Макс все же сказала:

— Спасибо, но мне надо идти.

Она сняла варежки и протянула их Люси.

— Ты не можешь идти — ты замерзла в этой пижаме! Ты дрожишь!

Макс пожала плечами.

— Я лучше замерзну до смерти, чем вернусь обратно.

Она повернулась и направилась за дом.

Люси поймала ее, схватив за руку.

— А что, если это будет только наш секрет, твой и мой?

Скептицизм отразился на лице Макс.

— Честно, — сказала Люси. — Ты можешь спрятаться в машине, и когда мы приедем домой, ты будешь очень далеко отсюда.

— Правда?

— Чтобы убежать еще не придумали ничего лучше!.. Мы сделаем это, если ты сможешь вести себя тихо.

— Я всегда веду себя тихо, — пожала плечами Макс.

— Ты такая. Договорились?

Люси протянула руку вперед, этот жест Макс видела в Мантикоре, она пожала руку девочки.

Украдкой бросив взгляд на дом, Люси последовала к улице, туда, где стоял старый универсал. Они подошли с дальней стороны, и Люси сказала:

— Когда я открою дверь, быстро забирайся внутрь. Там на заднем сиденье есть одеяло… залезай под него и оставайся на полу за сиденьями. Только тихо как мышь!

— Я могу быть еще тише. — Для слуха Макс мыши были ужасно громкими.

— Мама всегда заставляет меня сидеть сзади, — сказала Люси — с пристегнутым ремнем. Мы сможем шептаться, если будем осторожны… И если я смогу достать у тети Вики закуску в дорогу, мы сможем разделить ее. Я утащу что-нибудь для тебя!

— Закуску?

— Еду, Макс! Ты ведь ешь, прада?

Улыбка проскользнула сквозь ее страх.

— Да, и прошло много времени с тех пор, как я делала это в последний раз.

Люси кивнула:

— Хорошо. Я тебе принесу что-нибудь… Это потрясающе! Постройку снеговика можно послать к черту!

Глаза Макс расширились, когда она услышала запрещенное слово от этого ребенка.

— Теперь залезай в машину, — приказала Люси, — и спрячься под одеялом.

Люси открыла дверь, и Макс, привыкшая следовать за лидером группы, сделала все, как ей сказала девочка. Внутри машины вообще-то было холодно, но гораздо теплее, чем на улице. По крайнем мере она была не на ветру и под одеялом, так что Макс практически сразу же начала согреваться.

Меньше чем через час дверь багажника открылась и Макс была близка к панике… Но мама Люси и не взглянула на одеяло, она поставила в багажник два чемодадна, один из которых практически коснулся носа Макс… и дверь закрылась.

Макс слышала, как мама порощалась с тетей Вики, которая тоже громко прощалась с Люси.

— Пристегни ремень, — сказала мама.

— Да, ма, — ответила Люси, и ее вес опустился на сиденье перед Макс.

Тихонько оттолкнув чемодан, Макс перевернулась и осмотрелась в своем маленьком мире: Люси сидела высоко, рядом с ней было свободное место. Она забралась под сиденье, ее голова лежала на полу. Она подняла взгляд на Люси, которая смотрела на нее сверху. Другая девочка сдерживалась, чтобы не завизжать от восторга. То, что для нее было большим приключением, для Макс являлось упражнением на выживание.

— Ты в порядке, Люс? — спросила мама.

— Да. Все хорошо.

Двигатель завелся и машина тронулась в путь.

— Скоро здесь станет теплее, дорогая.

— Хорошо, я немного замерзла.

— Ты себя чуть не заморозила, пока лепила этого глупого снеговика.

— Тебе не понравился Фрости, мама?

— Он получился очень милым, дорогая.

Через некоторое время, когда температура стала оптимальной, Люси глянула на Макс, и та кивнула ей.

— Мы уже достаточно согрелись, мама.

— Мы?

— Моя новая подруга… ммм… Макс… ммм… ты не видишь ее? Она сидит справа от меня.

Мама издала сдавленный смешок:

— Еще один невидимый друг?

Люси пожала плечами.

— Милая, не слишком ли ты уже взрослая для этого?

Еще одно движение плечами.

— Макс будет последней.

Подшучивая таким образом еще некоторое время, Люси подсовывала Макс печенье, пока мама смотрела за дорогой. Макс жевала так медленно, как только могла. Макс слушала разговор матери и дочери, — ничего подобного она не слышала ни от взрослых, ни от детей в Мантикоре… — и мама казалась ей… милой. Она чувствовала себя пришельцем в мире, в которыйй попала.

Наконец разговор стих, и из автомобильного радио понеслась музыка кантри, которую Макс уже слышала в магнитофоне у ночного обслуживающего персонала Мантикоры. В конечном счете Люси заснула, и через некоторое время Макс последовала за ней.

Когда Макс проснулась, машина не двигалась.

Напрягшись, она выглянула из-за сиденья и не увидела ног Люси. Она отползла к багажнику машины и обнаружила, что чемоданы тоже исчезли. Она прислушалась, но смогла различить только тишину, разрезаемую ревом моторов и ночными звуками.

Макс снова осталась одна. Медленно она вылезла из-под одеяла. Свет за окном говорил, что сейчас середина ночи. Она догадалась, что Барреты вероятно находились за дверью с номером, находившейся прямо перед машиной, которая была припаркована на участке, отмеченном белыми полосами на асфальте.

Выбравшись из машины со всей осторожностью, которую привили ей многочисленные тренировки, девятилетняя Макс встала на асфальт и размяла затекшие ноги. Нахождение в сложенном положении за креслами потребовало от Макс большого напряжения мышц и костей, но с другой стороны ей было тепло, сухо и очень приятно от того, что Мантикора оставалась далеко позади. Ей не нужно было много спать, но Макс должна была копить силы, не зная, что ждало ее впереди. Убедившись, что ее никто не видит, девочка начала исследовать окрестности, не выпуская универсал из поля зрения.

Погода здесь была теплее, чем в месте, которое они покинули, и снег практически исчез, оставаясь то тут, то там. Машина находилась на парковке около двухэтажного бетонного здания U-образной формы. Нумерованная дверь с Бареттами находилась как раз на конце U. Около двадцати машин стояло на парковке и большинство из них были с номерами штата Юта.

Девочка нашла стеклянную дверь с надписью «лобби» и, приглядевшись, увидела внутри свет. Она попыталась открыть дверь и поняла, что она не заперта, но когда дверь начала открываться, зазвонил звонок. Выпрыгивая наружу за припаркованную машину, Макс видела через окно, как светловолосый парень в белой футболке и темных штанах вышел из задней комнаты, посмотрел через стойку на дверь, пожал плечами и пошел обратно.

За стойкой, в центре лобби, Макс увидела стол, на которой стояла большая корзина с фруктами. Ее живот с нетерпением заурчал. Она снова посмотрела на дверь с тем ужасающим звонком.

Ее обучение убедило ее, что непреодолимых препятствий не бывает. Она долгое время рассматривала проблему, и ее взгляд возвращался к фруктам гораздо чаще, чем она того хотела. Ей нужно лучше себя контролировать. Кем она была, ребенком? Наконец, она решила, что здесь должен быть другой вход, и начала обходить здание.

В левом крыле здания она нашла то, что хотела: другую дверь, открывающуюся электронным ключом. Казалось, что человеческой охраны не было, и это облегчало задачу.

Она вернулась к машине Барретов и попыталась найти то, что было ей нужно. Она не нашла отвертки, зато в бардачке обнаружился маленький складной ножик.

Он должен подойти.

Через пять минут она сняла крышку с электронного замка, перерезала провода, вошла в холл и направилась к лобби, где ее ждало вознаграждение в виде корзины с фруктами. Ныряя обратно в холл, она быстро сьезла два банана и апельсин, оставляя кожуру, как свидетельство набега голодного животного.

Макс также нашла ванную комнату и напилась воды из-под крана, прежде чем двинуться обратно к машине, зажав в руке банан и два яблока.

Она съела свои фрукты, прежде чем вернулись Люси и ее мама, затем скользнула под одеяло, и они снова двинулись в путь.

Люси хотела ей что-то сказать, но Макс затрясла головой, не желая рисковать. С полным желудком бойцу отряда X5 было лечге совладать с этим странным миром, и Макс свернулась под одеялом и заснула.

Восемь часов спустя, когда машина остановилась и Люси с мамой снова исчезли, Макс выбралась из своего укрытия и обнаружила, что находится с краю солнечного света тепла и пальм.

Ученые фильмы показывали ей места вроде этих и раньше, но это была абстракция — она никогда не видела ничего подобного лично. Стоя рядом с машиной она позволила солнцу ласкать ее лицо, руки и ноги. Она не могла припомнить ничего настолько теплого в своей жизни, и ей это нравилось.

Макс стояла перед маленьким каркасным домом, меньшим чем тот, у которого она встретила Люси. Машина была припаркована во дворе, между ней и улицей. Насколько хватало глаз отходила длинная щебеночная дорога с одноэтажными домами по обе стороны от нее.

Где-то в стороне она услышала детский смех. Думая, что Люси может быть с ними, она успела сделать шаг, прежде чем

женский голос остановил ее:

— Ты должно быть голодна.

Макс повернулась и увидела маму Люси, придерживающую дверь…

— Ммм…

На добром взрослом лице, напоминающем лицо Люси, играла теплая как солнечный свет улыбка.

— Все нормально, дорогая. Люси рассказала мне о твоей проблеме.

Первым порывом Макс было бежать, просто бежать. Но еще одна женщина, с которой она встретилась за воротами Мантикоры, — Ханна — помогла ей. И, как Ханна, женщина не казалась враждебной — она назвала Макс «дорогая» таким же нежным тоном, как обращалась к своей дочери.

В этот момент она придерживала распахнутую дверь перед Макс.

— Может ты войдешь? — спросила мама Люси с широкой улыбкой. — Может поешь что-нибудь?

Макс осторожно приблизилась к женщине, бросая первый взгляд на «маму», она не могла представить, чтобы все «мамы» выглядили вот так. Около пяти футов пяти дюймов и ста двадцати пяти фунтов с темными высоко собранными волосами у мамы Люси были такие как у дочери широко посаженные голубые глаза, полные губы и такие же длинные брови. Она была одета в светло-голубое платье с маленькими розовыми цветочками.

— Я не должна — наконец заключила Макс.

— Слушай, Макс… Ты ведь Макс?

Макс кивнула.

— Это сокращенно от Максин?

— Я так не думаю.

Улыбка женщины померкла, но не исчезла, и она все еще продолжала держать дверь открытой.

— Послушай… Макс. Люси сказала мне, что тебе некуда пойти, и что люди, с которыми ты жила до сих пор обидят тебя, если смогут найти. Верно?

Еще один кивок.

— Значит тебе нужно новое место, чтобы жить, разве не так?

— Макс смотрела вдоль улицы, как будто ответ был где-то там, но почему в этих одинаковых домах должен был быть ответ лучший чем здесь?

Наконец, Макс кивнула в третий раз.

— Тогда… Может быть ты останешься с нами?

Она пожала плечами. Макс не знала, что ответить на это.

— Ну, заходи, милая… Поешь чего-нибудь, и мы поговорим.

Все обсудим.

Макс посмотрела в другую сторону, вверх по улице, и не нашла потенциально лучших вариантов в том направлении. Она сделала осторожный шаг к дому. Из-за открытой двери она могла почувствовать запах ростбифа, разносящийся по дому и манящий к себе…

Желание поесть настоящей еды преодолело ее осторожнось, и Макс вошла в дом.

Гостинная была маленькой. Хотя она была большее гостинной Ханны, эта была менее привлекательной. Застарелый запах сигарет висел в воздухе, источником его, казалось, было старое вылинявшее кресло слева от Макс, напротив которого стоял стол с пустыми банками из-под пива нем. И это не придавало комнате свежести.

Однако, аромат жарящегося мяса подавлял запах табака, и Макс проследовала за мамой Люси в маленькую столовую с деревянными столом и четырьмя такими же стульями. Хотя еда и выглядела такой же как в Мантикоре, выглядела она значительно лучше: ростбиф, пюре, соус и свежеиспеченные булочки.

Люси, выглядевшая виноватой и возможно испуганной, сидела за дальним концом стола, и ее мама подошла к ней и выдвинула стул для Макс, когда та подошла.

— Папа Люси не придет к ужину, — сказала она. — Он работает водителем грузовика.

Макс кивнула. Ей было интересно похож ли он на того человека, в трейлере которого она пряталась.

— Он будет дома завтра. Ты любишь ростбиф, Макс?

Сглатывая слюну, Макс ответила:

— Да, очень.

— Отлично, тогда приступим. Люси, дай ей руку… Давайте свом тарелки.

Высоко подняв тарелку, Макс начала есть, думая, что никогда не пробовала ничего настолько вкусного.

— Итак, дорогая, где именно в Каспере ты родилась?

Макс повернулась к маме:

— В Каспере?

— Ну знаешь, это город, в котором ты встретила Люси.

— Нет, я родилась не там, — сказала она с сомнением, глубоко внутри Макс колебалась: она ведь не знала ничего о матерях и рождениях до вчерашнего для, так что кто может сказать?

— Исходя из того, что сказала Люси, — говорила мама — и твоего халата, ты сбежала из учреждения… типа детского дома?

— Что такое… детский дом?

— Это место, дорогая, где дети живут без родителей.

— Да. Да, это был детский дом.

— И они там были жестоки, дорогая?

— О да.

Мама Люси передвигала вилкой по тарелке свою еду, но ничего не ела. Ее глаза были влажными, и, задумавшись, она раскачивалась из стороны в сторону.

Затем она сказала:

— Мы пытались получить такую милую маленькую девочку как ты через… официальные структуры. Но они нам не позволили. Мой муж… у него проблемы с выпивкой. Мне кажется, ты должна это знать.

Почему у всех нет проблем с выпивкой?

Затем мама пробормотала:

— Ты хотела бы остаться с нами?

Все еще продолжая жевать, Макс посмотрела на нее.

— Вы с Люси могли бы стать сестрами.

Макс глянула на Люси, которая настойчиво кивала с широкой улыбкой на лице.

— У нас не может больше быть детей, у меня и отца Люси, и, Бог знает, теперь у нас есть еще один шанс.

Макс пристально посмотрела на женщину:

— А вдруг кто-нибудь узнает?

Глаза мамы вспыхнули:

— Нет! Они не могут узнать, дорогая… иначе они отправят тебя туда, откуда ты сбежала.

Макс встряхнула головой.

— Я этого не хочу.

— Ты дочь моей далекой кузины Бет.

— Я?

Мама улыбнулась:

— Теперь да… Мы твоя приемная семья. Ты ведь останешься с нами, Макс?

Зная, чего хочет женщина, Макс кивнула. Здесь и сейчас, вот так просто, она обрела новый дом.

Люси заговорила впервые после того, как они сели за стол:

— А мы сможем уладить это с папой?

— Я смогу его убедить. Не переживайте, девочки. Он может быть… трудным… но он знает, как это важно для меня. До тех пор пока Макс желает быть здесь… Не так ли, Макс?

Макс кивнула.

— Хорошо, тогда у нас не должно быть проблем. Тем временем, я прослежу, чтобы вы хорошо поели, а потом мы достанем тебе какую-нибудь одежду.

Взглянув вниз на свою заляпанную ночную рубашку, Макс поняла, что это неплохая идея.

Мама просияла:

— Теперь давайте убедимся, что вы не покинете стол без пирога — это лимонное безе.

Макс никогда прежде не пробовала такого экзотического блюда, оно было невероятно, безумно вкусным.

Следующей ночью, Макс обнаружила, каким человеком был папа, и он не был ни на каплю так хорош, как мама. Папа (по крайней мере этот) был большим хулиганом со спутанными волосами, гнилым дыханием, грязным ртом и порочным характером. О, папа мог быть милым, но только тогда, когда не пил.

Что было не часто (и Макс наконец-то поняла, что такое «проблемы с выпивкой»).

После десяти минут рядом с Джеком Барретом, Макс знала, что ошибалась, думая, что Лайдекер плохой. Лайдекер был деловитым, холодным, но не звероподобным, Лайдекер был чудовищем, этот «папа» — монстром.

В эту первую ночь, мистер Баррет вошел в дверь и пронесся мимо жены с приветствием: «Дай мне пива», затем он уселся в свое глубокое кресло, закурил и перевел взгляд на Макс (в розовой футболке и джинсах), которая стояла рядом с Люси напротив его кресла.

— Кто это, черт подери?

Открывая ему банку с пивом, миссис Баррет сказала:

— Это Макс. Поздоровайся с мистером Барретом, Макс.

— Здравствуйте, мистер Баррет.

Папа проигнорировал Макс:

— Какого черта эта военая сирота делает здесь?

Как он узнал, что она была сиротой? И солдатом?

Вытирая свои руки о передник, миссис Баррет проговорила:

— Будь милым, Джек… Ей нужно где пожить какое-то время.

Он впился взглядом в миссис Баретт:

— Еще один чертов рот, который нужно кормить?

— Джек, я хочу этого.

— Джоанна!

— Я многое терплю, Джек. Если тебя это не устраивает, возвращайся в пустой дом — никакой еды, Джек. Никакой стирки. Вставай сам и доставай свое пиво.

Он уставился на нее так, будто жена была в огне:

— Не болтай…

— Ты можешь ударить меня, Джек… но я уйду. В этот раз на самом деле. Ты знаешь, что это значит для меня.

Он отвернулся. Щелкнул пультом от телевизора и глотнул пива.

Миссис Баррет повернулась и в гневе ушла.

— Пойдемте, девочки.

— Те так быстро! — проревел мистер Баррет. Он снова повернулся к Макс — Ты!

— Да, сэр.

— Что ж… в любом случае, ты вежлива. Немного худая… может ты станешь как Люси через год или два… Ты собираешься помогать здесь, отрабатывать твое содержание?

Макс кивнула.

— Вот эта — он пальцем указал на дочь — половину времени бездельничает.

— Я всегда помогаю! — сказала Люси.

Мистер Баррет потянулся на своем кресле и стукнул дочь — звук от удара разнесся по дому как выстрел.

Рот Люси был в ужасе открыт, слезы хлынули по лицу, но она не издала ни звука.

— Не перечь своему отцу.

Между всхлипываниями Люси пробормотала:

— Да, сэр.

— Так-то лучше.

Макс сделала шаг вперед.

— Не бейте ее.

Джек ударил ее сильнее, боль прострельнула через ее челюсть, зубы, через каждую ниточку ее существа. Она сдержалась, чтобы не ударить в ответ, может все семьи так себя ведут. Она всегда сможет убить его позже.

— Ты хочешь остаться здесь, — орал Джек — хочешь свой угол и кровать? Тогда держи свой поганый рот закрытым, пока с тобой не заговорят.

Ее щека все еще горела, но Макс стояла тихо, смотря на Джека Баррета.

Он ударил ее снова.

— Не пялься на меня и, когда я обращаюсь к тебе, ты должна выказывать мне проклятое должное уважение. Например этим «да, сэр» дерьмом, и мы поладим.

Боль еще раз прошла через ее тело, и в этот раз в уголке глаза образовалась слезинка, но Макс не дала ей упасть.

— Да, сэр.

— Теперь она может остаться, Джек? — сказала миссис Баррет.

— Ребенок может остаться. Пока.

— О Джек, спасибо! — И она поцеловала своего мужа в щеку,

и он оттолкнул ее в сторону.

Мама (как Макс теперь стала обращаться к ней, и думать о ней) проводила ее в спальню, где она обнаружила Люси.

— Оставайся у Джека на хорошем счету, — посоветовала мама, — и не обращай внимания, когда он… в плохом настроении.

Позже Люси сказала:

— Я надеюсь, что ты не думаешь, что здесь хуже, чем там, откуда ты сбежала.

Лежа в собственной теплой постели, Макс обдумала это. Быть побитой лучше, чем быть застреленной.

— Все хорошо — сказала Макс.

Это было в феврале. Было еще насколько ударов и даже настоящих избиений в марте, апреле и мае. Иногда мистер Баррет заходил в комнату посреди ночи и уводил Люси с собой. Девочка выглядела испуганной, но когда возвращалась, говорила, что по крайнем мере отец ее не бил.

Макс была неосведомлена о сексуальной стороне жизни и не понимала, что происходило на самом деле, но она знала, что это было что-то плохое. Что же касается избиений, то для дома Барретов они были обычным делом, и, чтобы вписаться, Макс не сопротивлялась им.

Было начало марта. Джек (как Макс мысленно называла его, к ней никогда не приходила мысль назвать его папой) достаточно сильно толкнул ее, и когда Макс поднялась на ноги, и он собрался нанести еще один удар, она перехватила его руку и сломала ему два пальца, прежде чем он смог выдернуть руку.

Но навредить Джеку было ошибкой.

Макс была лишена еды на неделю, но это не сильно сказалось на ней — она тренировалась переносить лишения. Но когда Джек вернулся домой из травмпункта, он так сильно избил Люси, что девочка не могла ходить два дня.

— Если ты еще хоть один раз поднимешь на меня руку, — сказал Джек Макс — твоя сестра за это заплатит.

Отныне Макс делала то, что ей говорили, и Джек был достаточно умен, чтобы держать свои руки подальше от своей новой «дочери». По крайней мере до того июньского дня, когда весь мир изменился навсегда…

Восьмое июня 2009 года казался обычным днем, как множество других, школа закончилась неделю назад, и Макс с Люси наслаждались летними каникулами без школьных занятий. Макс удивительно хорошо вписалась в школьную жизнь и чувствовала бы себя хорошо, если бы не припадки, которые были обратной стороно ее генетических преобразований, пока

школьная медсестра не нашла очень редкое и отпускаемое без рецепта лекарство, — триптофан — которое уменьшало припадки и контролировало их.

Джек следил, чтобы они были заняты по дому, в последнее время он был еще злее, чем обычно. Доджерсы — единственное, что он любил в этой жизни — проигрывали, и это давало ему больше поводов бить Люси и маму.

Этим июньским вечером сестры были в его распоряжении. Он расположился в своем кресле с пивом и сигаретами и наблюдал за тем, как Доджерсы сильно отставали, 3–0. Миссис Баррет укрылась в спальне, оставив Макс и Люси удовлетворять потребности Джека и принимать на себя удар его гнева. Джек сегодня уже поднимал руку на Люси, и девочки сидели в тени, делая все возможное, чтобы не раздражать его снова.

Наконец игра начала налаживаться: у Доджерсов были люди на второй и третьей подаче и только один выбыл. Макс упела немного выучить правила бейсбола, так как была обязана ждать, когда Джек смотрел его. Для своей же собственной безопасности девочкам пришлось тоже стать болельщицами Доджеров. Если команда выйграет, то Джек не станет распускать руки.

Когда электричество вырубилось, как раз после девятой подачи, Макс схватила Люси за руку и потащила ее в подвал, где они укрылись под лестницей, в то время, как Джек неиствовствовал. Пока они теснились под лестницей, слезы катились по щекам Люси, а Джек метался по дому, чтобы «надрать их задницы», Макс приняла решение.

Как только все эти люди заснут, она сбежит отсюда. Но все поменялось и этой ночью спать не пошел никто, хотя девочкам удалось избежать избиения…

Устав от поисков, он успокоился и вспомнил об игре Доджеров. Джек Баррет поднялся наверх и включил портативное радио, которое работало от батареек. Он был раздосадован, что не может найти игру в эфире, но когда его затуманенный алкоголем разум прояснился, он подозвал миссис Баррет и девочек к себе.

— Случилось что-то ужасное — сказал он более спокойным голосом.

На самом деле, его голос звучал как голос испуганного ребенка.

Они все собрались вокруг радио и слушали.

— Это система аварийного оповещения — сказал голос. — В двенадцать часов пять минут пополудню, по восточному времени, террористы взорвали атомную бомбу над Атлантическим океаном. Это вызвало электромагнитный импульс, который вывел

из строя все электроприборы на восточном побережье.

Миссис Баррет прижала к себе Джека и обеих девочек.

— Потеряна связь к востоку от Миссисипи, и пока нет никаких сроков восстановления контакта с этими районами. Угроза другой террористической атаки на западной половине страны все еще сохраняется, и гражданам настоятельно рекомендуется оставаться в своих домах до следующего сообщения.

Маленькая семья оставалась вместе в течении следующих двух с половиной часов. САО продолжали транслировать это сообщение снова и снова, не давая новой информации. Наконец Джек почувствовал себя усталым и беспокойным. Он оторвал Люси от матери и прорычал:

— Принеси мне пива.

Люси пошла на кухню и вернулась с банкой пива, открывая ее для него. Но она выскользнула из ее рук, когда Люси пыталась передать ее отцу, и пиво разлилось по ногам Джека, впитываясь в его промежность.

Он подпрыгнул и встал перед ними, ее лицо исказилось от гнева, банка перелетела через всю комнату, а его штаны выглядели так, будто он только что описался.

Макс засмеялась.

Смертельно бледный Джек двинулся к ней, его рука была поднята, но поскольку Макс уже решила сбежать, не было никакой причины терпеть издевательства больше. И когда отец подошел к ней, она пригнулась, нырнула вперед и обхватила его ноги снизу, босая его мешком на пол.

Он выл от гнева, пока пытался встать, но Макс выставила локоть, сломала ему нос и вернула отца на пол.

Джек вопил от боли.

Находя этот звук странно удовлетворяющим, Макс отвернулась от него и двинулась к двери, но для Джека борьба еще не была закончена, и он пополз за ней. Повернувшись, она насела ему удар в голову, который поверг его и оставил лежащим на полу без сознания.

Бросив последний взляд на удивленных Люси и миссис Баррет — ее сестра и мама, казалось, не знали радоваться им или расстаиваться — Макс прошептала:

— Спасибо.

И она в послдений раз вышла из этого потертого маленького домика. Она не знала куда направится, но знала, что сюда не вернется никогда.

В последующие дни Макс — как и остальные — узнала из остатков СМИ, что произошло.

Импульс разрушил все кроме жизни. Каждое электронное и моторизированное устройство от Нью-Йорка до Де Мойна отключилось, когда эта штука взорвалась. В секунды электронные и телекоммуникационные сети, транспортная и банковская системы, медицинские и аварийные службы стали музейными эксонатами.

Минуту назад Соединенные Штаты Америки были супержержавой, где каждый имел работу, деньги, еду и мог удовлетворить любые свои потребности. в следующий миг американский состав покачнулся и сошел с рельсов… Ни работы, ни денег, ни еды, люди должны были добывать все это самостоятельно.

Больше никакого движения наверх, никакой Нью-Йоркской Фондовой Биржи, никаких школ… жизнь всей восточной половины страны страны остановилась. Все, в чем люди были уверены еще вчера, пошатнулось, и никто не мог сказать, сколько продлится$… и даже возможно ли… восстановление страны после этой катастрофы.

Даже при том, что в ночь, когда Макс покинула дом Барретов, последствия Импульса еще не достигли Калифорнии, боец отряда X5 почувствовала себя в одной прохудившейся лодке с остальными. Генетически улучшенный или нет, девятилетний ребенок мог не много в этом перевернутом вверх тормашками мире, так что Макс быстро обратилась к мелкому воровству. И прекрасно справлялась самостоятельно какое-то время, крадя достаточно, чтобы наесться, и устраиваясь на ночлег там, где находила место.

Хотя разрушение Востока было практически молниеносным, Запад через некоторое время тоже почувствовал последствия. Но так как Западное побережье догнал кризис восточного, поимки таких фуражеров как Макс становились все более редкими.

И Макс удалось наладить одинокую жизнь в Лос-Анжелесе. И хотя люди разделялись на небольшие группки, чтобы защитить себя, Макс продолжала жить преступной жизнью, найдя себе убежище на территории Гриффин Парка, откуда она выходила только, когда нужно было пополнить запасы. Для Макс те три года, которые она прожила в парке были как большое полевое испытание Мантикоры.

С одним существенным отличием — она была свободна.

Всякий раз, когда она начинала грустить о состоянии своей жизни, только одна мысль могла вернуть ее назад. Она хотела узнать про остальных, — если еще кто-то оставался за пределами Мантикоры, — скучали ли они по ней так же, как она по ним… … непокорная Ева, застреленная Лайдекором, наверняка мертвая,

ставшая катализатором их побега; акробатка Брин; Зак, их лидер и ее старший брат; Сет, мальчик, который был пойман той ночью, и которого увела охрана; и ее лучшая подруга и сестра Джонди…

Эти и другие братья, казалось, постоянно занимали ее мысли, но она продолжала двигаться вперед. Становясь взрослее, сильнее и умнее, Макс знала это поможет ей найти братьев в постапокалиптической Америке, где бы они ни были.

Это была цель, которую она должна достигнуть, не тратя время, думая о том, что могло бы быть. Она должна стать достаточно сильной, чтобы найти братьев и позаботиться о них.

Но они не были единственными, по кому Макс скучала. Люси и та ситуация, в которой она ее оставила, продолжали беспокоить Макс — другая ее сестра в мире Джека Баррета. Тогда, в двенадцатилетнем возрасте, когда она вернулась к дому Барретов, чтобы спасти Люси, она нашла его брошенным.

Всю дорогу до ее дома в парке слезы катились по ее щекам, когда она думала, что Люси скорее всего исчезла из ее жизни навсегда. Найти ее братьев было достаточно трудной задачей, но как найти обычного ребенка как Люси? Почти невозможно.

Тремя неделями позже в начале мая случилось Большое Землетрясение.

Мощностью восемь с половиной баллов по шкале Рихтера, землетрясение началось в середине ночи, убив тысячи людей в их собственных постелях, унеся гораздо больше жизней в Калифорнии чем Импульс. Пожары пылали недели, здания были разрушены и сметены с горных склонов, дороги обрушились, унося с собой полуночных водителей.

Маленькое убежище Макс в парке устояло, но вместе с милиоонами новообразовавшихся бездомных, защита собственного угла вместе с попытками добыть достаточное для выживания количество еды, стало практически безнадежным занятием. Она прожила так год, но раздобыть пропитание становилось все сложнее и сложнее, и она была вынуждена убраться из своего дома.

И как множество молодых девушек задолго до нее, Макс отправилась в Голливуд, хотя ее целью не было стать кинозвездой, ее путешествие закочилось выбором определенного жизненного пути… … пути, который привел ее прямо к Муди и Китайскому Клану.

Глава 4. ВСПЫШКА ИЗ ПРОШЛОГО

КИТАЙСКИЙ ТЕАТР

ЛОС-АНЖЕЛЕС, КАЛИФОРНИЯ, 2019 ГОД

Когда Макс шла через цементный внутренний дворик в бывший Китайский Театр Манн, Муди вышагивал в дверях в ожидании. Ей хотелось бы думать, что он волновался за нее, но Макс знала: причиной всех его переживаний было Сердце Океана.

В холле все еще сохранились стеклянные буфетные стойки со старых времен, но теперь вместо еды они предоставляли место для сна подросткам. Ковер когда-то был красным, но теперь имел потертый розовый оттенок. Серьезно поврежденый Землетрясением потолок продержался семь лет, и не было никакой причины думать, что он не продержится еще семь. Стены уже были украшены не постерами, а граффити, некоторые, как старые наскальные надписи, изображали историю Клана, другие — только неприличные картинки.

— Ты в порядке, детка? — спросил Муди мягким и плавным тоном, но с тенью восхищения в нем.

Его длинные серебристые волосы были собраны сзади в привычный хвост, одет он был в черный свитер, черные брюки, черные носки и черные кроссовки.

— Ты имеешь ввиду, достала ли я твою безделушку?

— Ты так плохо обо мне думаешь, детка? Ну и — достала?

— Ты ведь за этим меня послал, не так ли?

Широкая хищная улыбка возникла на его лице, обнажив крупные белые зубы (то, как он следил за собой, по предимпульсным стандартам было выше всяких похвал).

Прежде, чем разговор мог продолжиться, Фреска высунулся из двустворчатых дверей, ведущих в старый главный зал театра.

В возрасте лет тринадцати, Фреска был высоким и тощим с длинными прямыми рыжими волосами и бледной кожей, усыпанной веснушками. Он подошел к ним в своей древней футболке с надписью «WEEZER» (ни один ребенок в Клане не знал, что значит это слово, что доставляло удовольствие Фреску) и порванных джинсах, которые были скорее белые, чем синие.

— Как дела, Макс? — прощебетал Фреска.

У парня в его неуклюжем теле было достаточно энергии, чтобы осветить небольшой город. Неподвижность брала его

только тогда, когда он спал, и только потому, что он делал это на самой верхней койке, на вершине высокой буфетной стойки: если бы он двигался во сне, то просыпался бы на полу.

— Мне нужно кое-что обсудить здесь с Мудманом, — сказала она легко, — потом я собираюсь проветриться, Фреска, может раздобуду что-нибудь поесть.

— Здорово! Можно мне присоединиться? Можно?

Парень не был даже на колесах.

— А кто сказал, что я куда-то собралась? — спросила Макс, пытаясь не улыбаться, но не выдержала.

Фреска усмехнулся в ответ, ковыряя большим пальцем ноги, вылезающим из порванного кроссовка, ковровое покрытие. Она знала, что он в нее влюблен с того момента, как встретил год назад, когда присоединился к Клану.

Будучи с Муди в течении почти шести последних лет, Макс была старейшиной, главным лейтенантом Мудмена и лучшим вором в Клане («Мастер забытого искусства грабежа», говорил Муди), что было не малым подвигом, учитывая, что все двадцать восемь членов клана были опытными уличными ворами.

— Что, Фрес, — спросила Макс — Хочешь прогуляться?

Фреска зажег сигарету и начал трястись.

— Макс, это было бы… это будет превосходно. Всю ночь ждал, когда ты вернешься!

Она кивнула:

— Муди и я должны уладить несколько вопросов… Потом мы можем идти, окей?

— Я буду ждать прямо здесь, — пообещал рыжеволосый.

Муди, спокойно стоявший все это время (Фреска тоже был его любимчиком), полел вперед. Не дойдя до двустворчатой двери в зал, он открыл боковую дверь слева и начал подниматься по лестнице, направляясь в комнату Макс, которая когда-то была аппаратной киномеханика.

Макс удивилась, почему они идут именно туда. Муди обычно обсуждал дела в своем собственном кабинете, в котором раньше был офис управляющего. Не то, что бы она никогда не заходил к Макс… но это казалось необычным.

Но и Сердце Океана было необычной добычей.

Высокий мужчина в черном повернул ручку и вошел в комнату, будто она принадлежала ему, не ей. Дверь Макс всегда была заперта. Жизнь в здании, полном воров делало замки необязательными, если не абсурдными. Но все равно Макс знала, что сможет справиться с любым, кто проникнет в ее комнату.

Девушка проследовала за своим наставником в скромную комнатку, и он закрыл дверь позади них. Кроме офиса и жилых

комнат Муди, эта оклеенная клеенкой комната была самой большой частной комнатой в здании. Неисправный проектор был заброшен в угол, разрушающийся музейный экспонат, не достойный учреждения, которое только что ограбила Макс. Из окошка в стене был виден зал, где спала большая часть Китайского Клана.

Там внизу находились ряды кресел, за исключением первых шести, которые были давным-давно удалены и заменены предметами, лучше удовлетворявшими потребности Клана: раскладушками, сооруженными на скорую руку перегородками, маленькими походными кухоньками и другими предметами, разбросанными по огромному залу в маленьких жилых закутках. Киноэкран с символикой Китайского Клана на огромном граффити, до сих пор доминировал на стене за сценой, с которой Муди обращался к своим потертым, но надежным войскам.

Аппаратная, не смотря ни на что, была самой большой комнатой, когда-либо принадлежавшей Макс. Ее ранние воспоминания запечатлели барраки Мантикоры, комнатку, которую они делили с Люси, и яму в земле, едва достаточную для одного человека, в Гриффин Парке.

Десять на шестнадцать, с собственной ванной, комната казалась Макс огромной, все для нее одной. Естественно, ванна казалась бы ей большей роскошью, если бы водопровод работал на более регулярной основе. Театр был заброшен из-за трещин в потолке после землетрясения, и даже был намечен городом на снос, до тех пор, пока кто-то не украл заказ на работы и, учитывая все другие проблемы города, Манн казалось затерялся в этой неразберихе.

Водоснабжение, и без того нерегулярное в Голливуде, работало в театре еще реже, особенного после того, как Муди дал зеленый свет на местные власти и представителей сетей водоснабжения.

Кровать Макс, спасенная из разрушенного старого Отеля Рузвельта через дорогу, была роскошным королевского размера ящиком на полу с матрасом сверху. Походный фонарь, трофей со времен жизни в Гриффин Парке, стоял в голове кровати рядом с небольшой стопкой книг, главным образом научной литературы (из областей, которым Муди хотел обучить ее), и томиком в мягком переплете с загнутыми углами «Приключений Гулливера», единственного романа, который у нее был, также подаренным ей Муди. Ее новый мотоцикл Кавасаки Нинзя 250 был прислонен к стене. Также в комнате было кресло, тоже прихваченное с развалин Отеля Рузвельта, оно примостилось около проэкционного окошка. Другая ее собственность, маленький

черно-белый телевизор, стоял на крохотном столике слева от кресла.

Муди глянул вниз на книги.

— Снова путешествуешь к лиллипутам, Максин?

Муди прекрасно знал, что Максин не было ее настоящим именем, но это было эффектное прозвище.

Она улыбнулась:

— Ничего не могу с собой поделать — я как парень.

Ее наставник захихикал:

— Ты и Гулливер, ваши жизни не так уж и отличаются, знаешь ли.

— Да, я замечала.

Муди усадил свое долговязое тело в кресло, Макс осталась стоять.

— Ну, Максин… задание — это было сложно?

Макс рассказала о вечере, стараясь избегать мелодраматичных описаний, Муди все же был впечатлен.

Встряхнув головой, он сказал:

— Кафельников будет… разочарован тобой.

— Я надеюсь, что он не знает, кто сдал, что план безопасности у него. Этот предатель будет умирать медленно, готова поспорить.

— Очень медленно… Но наш русский друг мог хорошо разглядеть тебя, знаешь ли.

— И как он меня узнает? Я никогда не встречалась с этим парнем.

— Ты недооцениваешь свою славу в определенных кругах.

Макс нахмурилась:

— Каких кругах? Я ничего не знаю об этих «кругах».

Руки Муди лежали на подлокотниках кресла так, как если бы это был трон, а он был королем (последнее было в сущности верно). Он приподнял бровь:

— Ты думаешь, что другие кланы не общаются между собой? Что эти… нечеловеческие подвиги остались незамеченными?

— Меня это не волнует — сказала она, пожав плечами.

— А должно бы. Ты создаешь им определенные проблемы все эти годы, не так ли?

Улыбка медленно растянула полные губы Макс:

— Девочки должны делать то, что должны.

Взгляд Муди, казалось, был направлен вовнутрь.

— Этот план много значил для Выводка. Они рассчитывали заполучить ту безделушку, что лежит у тебя в кармане. И они примут это поражение близко к сердцу. Кафельников будет долго и тщательно искать, кто же навредил ему.

Наконец она вытащила ожерелье из кармана.

— Эту старую штуку?

Глаза Муди стали почти такими же большими как камень.

— Бог мой, Максин… От него даже дыхание перехватывает.

Макс поднесла камень к тусклому свету и долго изучала его.

— Это довольно круто, я думаю.

Пожав плечами, она передала его.

— Довольно круто… — повторил Муди, забирая камень. — Если они выйдут на нас… а это случится… У нас появится настоящий враг.

— Они попытаются разрушить это место, а мы снова надерем их задницы.

Поворачия камень в руках, Муди, казалось, не слышал ее.

— Это ожерелье может кормить Клан целых год.

— Ты придумал неплохой план, за исключением тех собак. По слухам, они покусали кого-то.

Он встряхнул головой, его хвост закачался.

— Мои извинения… В любом случае план бесполезен без правильного осуществления. Это было ключом… И только один человек в городе мог справиться со всем… Что, моя дорогая, ты и сделала.

— Ничего особенного — сказала она, в очередной раз пожав плечами.

Поднявшись, он положил камень в карман и подошел к ней. Он обнял Макс и поцеловал ее в щеку, как делал это много раз раньше… только сейчас еще губы задержались на мгновение дольше.

— Ты сделала это, моя дорогая… сделала все хорошо.

— Спасибо — сказала Макс, вдруг почувствовав неловкость.

Странно, но перед ее мысленным взором помелькнул образ мистера Баррета, входящего в спальню после полуночи, чтобы забрать Люси.

— Я пожалуй пойду к Фреску, он наверно уже обмочил свои штаны. Я пообещала перекусить с ним, вы знаете.

Муди не двинулся, его руки до сих пор лежали на плечах Макс.

— Если они придут… если посмеют вторгнуться в нашу цитадель… помоги им Бог, когда ты применишь свои силы в бою.

— Спасибо.

Она выскользнула, не желая его тревожить, но все еще чувствовала, что что-то было не так. Она еще что-то пробормотала извиняющимся тоном, выскользнула из комнаты и направилась вниз по лестнице. Макс могла слышать шаги Муди по ступенькам у себя за спиной, но не повернулась, чтобы

посмотреть, где он.

Фреска, как горгулья, сидел на краю буфетной стойки, уже надев свой приведеный в порядок Доджерский жакет. Его собственность, жакет был единственной связью Фреска с его прошлой жизнью… какой бы они ни была. Одежда в которой он был, когда пришел в Клан, была сожжена, старое имя забыто, а новое выбрано из меню с другой стороны барной стойки. Только этот поношенный Доджеровский жакет и остался.

Правило Клана, предложенное Муди и принятое всеми, гласило, что прежняя жизнь ничего не значит, не существует. Время начинается с того дня, как ты вступаешь в Клан.

— Двинули — сказала Макс, проходя мимо него.

Фреска спрыгнул и, следуя ее предложению, последовал за ней, как щенок, взволновынный присутствием своего хозяина… хозяйки?

Они покинули театр и прошли по отпечаткам рук стародавних кинозвезд, оставленных на Голливудском Бульваре, двигаясь на встречу встающему солнцу. Макс никогда не была на Голливудском Бульваре до Землетрясения, но обитатели некоторых районов, с которыми она разговаривала, рассказывали, что Бульвар был частью города, не сильно пострадавшей от Землетрясения.

— Куда мы имем? — спросил Фреска.

— А куда ты хочешь пойти?

— Как насчет вафельной на Ла-Бреа?

— Конечно. Вафли это хорошо. Не имею ничего против вафель.

Фреска захихикал, как будто Макс была душой остроумия, она улыбнулась себе, и они пошли дальше.

Бельгийский Вафельный Дом был на углу Ла-Бреа и Хавторна, достаточно далеко от Манна. В здании когда-то были все окна, но Землетрясение разбило их, и фанера, временно заменившая их, осталась навсегда. Фанера, разрисованная граффити, теперь стала визитной карточкой заведения. Клиентам даже предоставляли маркеры, чтобы в то время, пока они ждут свои заказы, они могли внести свою лепту в оформление. Кабинки были все еще покрыты винилом, но были изрядно изношены. Вялое утреннее движение говорило о том, что только девять или десять патронов находилось в том месте, где Фреска и Макс прогуливались.

Они заняли два места за стойкой, так что Фреска мог смотреть телевизор, вмонтированный в стену рядом с окошком для передачи пищи из темной кухни.

Спутниковая новостная сеть, с историями из заголовков в

получасовых циклах, была на этот час единственной альтернативой на телерынке, по сравнению с предимпульсным разнообразием более чем двухста каналов сейчас осталось полдюжины, причем все они были под контролем федерального правительства. SNN и два местных канала — вот и все, что осталось на востоке, на ближнем востоке сохранился SNN и пара разрозненных передач, таким образом Западное побережье по-прежнему оставалось центром телевизионного мира… только мира значительно уменьшившегося.

— Я собираюсь заказать вафли, — сказала Макс.

Фреска усмехнулся:

— Ты платишь?

Макс одарила его широкой улыбкой:

— Что же ты такого сделал, чтобы я угощала тебя завтраком?

— Ну… Я просто думал… ты провернула большое дельце, и хочешь, ну я не знаю, отпраздновать. Разделить свое богатство.

— С чего ты взал, что я буду это делать?

Фреска, казалось, был уязвлен ее подшучиваньем.

— Я не знаю… Я просто… вроде надеялся… ну знаешь…

Она взяла его за руку:

— Расслабься, приятель. Ты же знаешь, что я не позволю тебе голодать.

Он просиял, и будто, чтобы положить конец обсуждению, в животе у Фреска заурчало.

Официантка подошла к ним с неторопливостью жертвы инсульта, передвигающиеся на ходунках. Ей было за далеко сорок, может и пятьдесят, она была тощей как солома с напряженным узким лицом. Она не была рада видеть их.

— Спасите меня — только не говорите, что вам нужно меню.

Фреска тряхнул головой:

— Нет, мне не нужно. Я буду две вафли и большое шоколадное молоко. О, еще бекон, пожалуйста.

— У нас уже неделю, как нет бекона.

— А сосиски есть?

— Есть.

— Окей! Двойную порцию.

Макс глянула на него изподлобья.

— Насколько большой приз, ты полагаешь, я сорвала?

Его лицо осунулось:

— Ой, Макс, прости, я, ух…

— Шучу. Я шучу.

— Вы можете поболтать в другое время, — сказала официантка, и она не шутила. — Вам нужно меню?

— Вафли, сосиску, кофе с молоком — заказала Макс.

Официнтка вздохнула, будто это было для нее бременем, которое она едва ли могла вынести, повернулась и ушла. А Макс и Фреска принялись смотреть новости. Макс ими не интересовалась, Муди дал ей понять, что новости контролируются, и доверять им не стоит, а Фреска с наслаждался сюжетами о пожарах, стрельбе и прочих разрушениях.

Пока Фреска повернулся к экрану в ожидании новой катастрофы, Макс воспроизводила в памяти свою встречу с Муди. Казалось, что он подталкивал ее к шагу, который она не готова была сделать… шагу к личным отношениям. Как если бы король Клана был в поисках королевы…

О, он был очень осторожен, никаких прямых намеков, но она могла видеть людей… чувствовать давление.

Кроме того она знала, что он был прав начет Кафельникова, Выводка и некоторых других банд, которые она грабила в течение этих лет. Она строила свою репутацию, привлекая внимание, и это сделало ее неудобной. Может пришло время двигаться дальше…

И хотя Клан стал ее семьей, это ее не удержит. Она теряла семью и раньше, иногда казалось, что потеря близких и переезды были единственными вещами, которые она делала регулярно… Единственной постоянной чертой ее жизни было непостоянство.

Она глянула на Фреска. Ее уход разобьет сердце этого рыжеволосого увальня, но в конечно счете он успокоиться и найдет более подходящий ему по возрасту объект страсти. И кроме того она заберет с собой немного напряженности из Китайского Клана, что тоже не плохо.

Официантка появилась с их едой, глядя так, будто была до крайности возмущена их потребностью есть. Фреска немедленно утопил свои вафли в сиропе и масле, и начал их проглатывать так, словно неделями не видел еды. Может официантка права, жующий Фреска производил немного отталкивающее впечатление…

Макс отхлебнула кофе и принялась за еду, хотя она никогда не была голодна после больших операций. Фреска высосал все шоколадное молоко и заказал второе. В телевизоре закончился рекламный блок, и начался новый цикл новостей. У большеглазой испанки, читающей новостные заголовки, были прямые темные волосы, высокие скулы и поношенный цвета древесного угля деловой костюм.

— И в Лос-Анжелесе, где нарастают территориальные войны между Крипсами и Выводком, мэр Тимберлейк заявил, что к концу года число полицейских на улицах увеличится вдвое.

Макс подняла взгляд, чтобы увидеть курчавого мэра,

разговаривающего с толпой граждан на ступенях Муниципалитета, провозглашающего старые лозунги. Макс, как и любой другой житель Калифорнии, знала, что все эти обещания можно послать в задницу. У кланов и бригад были свои люди в полиции в отношении практически три к одному, и единственной надеждой было объявление военного положения и привлечения Национальной Гвардии.

И может так вскоре и случится… И это было еще одним поводом отправиться в путь, подумала она.

Тем временем испанка приступила к новой истории:

— Полиция Сиэтла предпринимает меры для поимки подпольного кибер-журналиста, известного как Зоркий. Он хорошо известен по вторжениям в эфир со своими выпусками «новостей». Зоркий разыскивается полицией региона, штата и на национальном уровне.

Макс смотрела без интереса, политика утомляла ее.

— Это любительское видео было снято в Сиэтле вчера вечером, — подолжала вещущая, — оно запечатлело сообщника Зоркого, сражающегося с полицейскими. Полиция также разыскивает этого молодого мятежника.

На любительской видеосъемке было снято, как молодой светловолосый парень в джинсах и куртке, окруженный полицейскими, борется за жизнь.

Прямой удар в пах и полицейский падает перед ним, но даже прежде, чем он коснулся земли, парень делает прыжок назад, поднявший его на восемь футов в воздух, и приземляется позади офицера, который только что был перед ним. Когда полицейский поднял дубинку и повернулся к парню, тот вывел его из строя прямым ударом в горло.

Оставшиеся копы выстрелили в юного бунтаря из тазеров, парень отпрыгнул с их пути в последний момент, так что один офицер подстрелил своего напарника. И пока коп, запустивший тазер замер в удивлении, парень повернулся и два раза ударил его в голову, прежде чем он упал.

Оставшийся офицер вынул пистолет и разрядил в парня обойму, он уклонялся и уворачивался, пока у полицейского не закончились патроны. Когда последний пролетел мимо парня, он подошел к копу и нанес ему полдюжины ударов слева и справа, прежде чем позволил общественному служащему без чувств рухнуть на землю.

Макс сидела с широко открыми глазами, пораженная как и жертвы парня.

Несмотря на то, что она успела съесть крохотную часть своего завтрака, еда хотела вырваться из ее желудка. Она только что

стала свидетелем нечеловеческих трюков, на которые способны только несколько человек в мире. Все люди, способные на это, которых она знала, обучались и тренировались в Мантикоре…

Видео было не четким, снятым с далекого расстояния, но она была уверена, что видела не Зака, но парень, вырубивший пятерых копов, однозначно был одним из ее братьев. Он был смутно похож на Сета, но Сет не выбрался той ночью… ведь так? Картинка была настолько размытой, что даже Макс со своим обостренным зрением, ничего не могла утверждать с уверенностью.

Этот подаренный судьбой парень должен был быть одним из ее братьев… должен? Кто еще был способен на такое? Или были другие места, подобные Мантикоре, воспитывающие суперсолдат?

— Макс. Макс!

Она повернулась и посмотрела в упор на Фреска.

— Что?

— Почему… почему ты плачешь, Макс?

Она заморгала. Макс не знала, что с ней происходило, но это действительно слезы текли по ее щекам.

— Ничего, Фрес, — сказала она. — Как дела с твоей едой?

— Я скоро лопну.

— Тогда почему ты не перестанешь есть?

— После того, как ты устроила мне этот банкет? Я бы никогда так тебя не обидел, Макс!

Она ничем не могла ему помочь, но улыбнулась сквозь слезы. Пока она сидела и смотрела, как он поглощает пищу, Макс знала, что ее план был ясен: девушка должна делать то, что должна.

Но она знала, что когда уедет, ей будет очень на хватать Фреска.

— Ты готов идти, вафельный мальчик?

Он втянул последний глоток шоколадного молока.

— Да, да, я готов отправляться… И спасибо, Макс. Я очень давно так не ел… С тобой точно все хорошо?

— Что-то мне в глаз попало, — сказала она. — Но теперь все хорошо.

— У тебя всегда все замечательно, Макс.

Когда они поднялись, к ним подошла официантка, и Макс оплатила счет, включая чаевые.

— Приходите к нам еще, — сказала официантка, и это казалось своего рода угрозой.

Пока они шли обратно к театру не особенно торопясь, разум Макс несся в бешеном ритме.

Она всегда задавалась вопросом, как она будет искать своих братьев, и вот за завтраком один из них нашел ее. Сколько

времени у нее уйдет, чтобы добраться до Сиэтла, и как она преодолеет все контрольные пункты? Что подумает Муди о ее отъезде? Он ведь почти предложил это ранее, не так ли?

Или Муди хотел, чтобы она осталась с ним?

Бензобак мотоцикла был более или менее полон, но сможет ли она раздобыть бензин в дороге? И даже, если сможет, его цена съест все ее сбережения. Вопросы одолевали ее как назойливые насекомые.

Когда они приблизились к театру, Фреска снова спросил:

— Ты точно в порядке, Макс?

Она положила руку ему на плечо и поцеловала в щеку, звук ее поцелуя был как сладкий удар. Когда она его отпустила, Фреска покраснел, тысячи его веснушек слились в одно большое сияющее пятно. Она знала, что сейчас в его голове крутились те же мысли, что и в ее после вялого поцелуя Муди… Только Муди не казался смущенным, он был рад, даже… взволнован.

Ох…

Ее побуждения были абсолютно невинными, и это заставило ее задуматься, были ли таковыми побуждения Муди…

Манн медленно просыпался, члены Клана шевелились и выстраивались в очереди, чтобы принять ванну, разносились приятные запахи готовящегося завтрака. Макс оставила все еще красного Фреска у его стойки и направилась в главный зал искать Муди.

Скошенный пол был устелен спальными мешками и кроватями, спасенными из руин Рузвельт-Отеля, на натянутых между стенами веревках висело белье. Несмотря на ароматы завтрака, запах застарелого пота и немытых тел висел в воздухе, и все же в памяти еще не стерся запах свежего попкорна.

Это была разномастная шайка Муди, но все они были семьей, Макс уже одолевала некоторая ностальгия по ним, и все они любили старика.

Заместитель Муди Габриэль, афроамериканец около тридцати, будил детей, когда она вошла.

— Мудман у себя? — спросила Макс.

У Габриэля была копна черных волос, карие глаза и страусиная шея. Он поднял глаза к киноэкрану.

— Да, и он счастлив как моллюск. Что же такое вы сделали прошлой ночью, Макси?

— Небольшое дельце. Немного того, немного этого… типа съэкономили время днем.

Он нахмурился, но усмехнулся.

— Не правда. Не знаю, что бы мы без тебя делали, девочка.

Макс почуствовала себя виноватой.

Габриэль посмотрел вниз на Нинер, шестнадцатилетнюю девочку, которая была с Кланом около месяца.

— Вытаскивай свою задницу из кровати, — прорычал Габриэль. — В реальном мире для тебя есть работа.

Продвигаясь вырисовывающемуся в гулине зала экрану, Макс думала о Нинер. Милый ребенок, немного напоминает ей Люси. Макс надеялась, что однажды, когда она уйдет Фреска и Нинер могли бы соединиться. Это было бы хорошо для них обоих.

Макс направилась к двери слева от экрана, где единственный охранник Типпетт блокировал проход в аппартаменты Муди. Шесть на четыре, около двухсот сорока фунтов, сплошь покрытый татуировками и пирсингом, в предимпульсжые дни он был задним полузащитником. Сейчас ему было около пятидесяти, он все еще имел черный пояс по карете, и Типпетт был единственным человеком в Клане, который мог совладать с Макс. Когда он однажды состязался с ней, то смог продержаться восемь секунд. Теперь, когда она знала все его приемы, могла уложить его за пять.

— Привет — сказала Макс.

Типпетт улыбнулся, показывая тонкий ряд пожелтевших от табака зубов. Большой и смуглый, явно в примесью африканской крови, он мог напугать любого… кроме Макс и Муди. Даже Габриэль выказывал Типпетту повышенное уважение.

— Милашка, — сказал он. — Хочешь устроить несколько раундов?

— Нет. А ты?

— Черт, нет! Ты наверно хочешь увидеть босса.

— Мне нужно видеть босса.

— Девчонке, надравшей мне задницу, не нужно просить дважды! — и охранник отошел в сторону.

Аромат ладана в корридоре всегда приносил Макс наслаждение после жуткого запаха в зале. Офис Муди располагался за второй дверью слева по оклеенной бледно-голубыми обоями стене. На следующей двери красовалась табличка «Кабинет Муди». Крошечная комнатка за ней была пуста, не считая заряда С4.

Она постучала во вторую дверь и твердо произнесла:

— Макс!

Дверь ответила приглушенным «Входи!» Она обнаружила Муди за его столом, разговаривающим по мобильнику. Он махнул рукой, чтобы она вошла и села на стул напротив него, что она и сделала.

Стена слева от нее, смежная с ловушкой, была полностью заваленной мешками с песком, чтобы защитить офис Муди, когда

ловушка захлопнется. Старый стол был металлический и сопровождался двумя неподходяшими к нему металлическими стульями, одним для Муди и двумя с противоположной стороны. В стене справа был дверной проем, и занавес их фиолетовых бусинок отделял жилые комнаты Муди от офиса. Несколько старинных кинопостеров, — Шон Коннери в «Голдфингере» и Клинт Иствуд в «Грязном Гарри» (оба неизвестны Макс) — найденнные где-то в театре, были развешаны то тут, то там.

— Не оскорбляй меня! — рычал он в трубку, хотя спокойное выражение его лица резко контрастировало с тоном. Он глянул на Макс, закатил глаза и изобразил рот пальцами руки, открывая и закрывая его: бла, бла, бла…

Пятнадцатью секундами спустя Капризный сказал в телефон:

— Я знаю, что это кровавое давление, но этот бриллиант больше, чем твое глазное яблоко, тупой ты сукин сын.

Он нажал на кнопку отбоя.

— Вот почему я всегда ненавидел эти сотовые телефоны, — сказал он таким спокойным голосом, будто заказывал чай. — Ты не можешь отложить его в сторону и спокойно провести переговоры.

Макс подняла голову:

— Кто это был?

— Это был тот, кто, если я сделал все правильно, сейчас же перезвонит. — Через пять секунд телефон зазвонил, и Муди улыбнулсяю — Попался.

Макс и раньше наблюдала, как Муди ведет переговоры, и знала, что он всегда получает, что хочет. У него были обаяние, чутье и первоклассное чувство такта.

— Да, — сказал Муди в трубку.

Он слушал в течении нескольких секунд.

— Хорошо, может быть то, что ты сказал о моей матери, было правдой, — говорил Муди, — но этого мы никогда не узнаем, потому что она давно умерла… Но одна вещь насомненна: моя цена — справедливая цена.

Он снова слушал, улыбаясь и подмигивая своей протеже.

— Роскошно, — наконец произнес он. — Где и когда? — Муди что-то быстро записал в блокноте. — Приятно с тобой работать, как и всегда. Ничего так не люблю, как удачную сделку. — И он снова отключился.

Брови Макс поднялись:

— Ну и какова цена?

Его белозубая улыбка могла бы осветить комнату, большую чем эта.

— Не утомляй себя деталями, Максин. Будет достаточно

сказать, что Клан может переместиться в такое место, где потолок не грозится рухнуть ему на голову… хотя будет сложно покинуть это место. Несмотря на разруху, оно стало нашим домом после всего.

Она это хорошо понимала.

— Моя дорогая, ты не улыбаешься. Что-то не так? Это из-за сообщения о том, что мы покидаем этот дворец?

Внезапно Макс почувствовала, что не может говорить. Всю дорогу из ресторана она репетировала эту речь, но теперь, когда пришло время ее произнести, она не могла подобрать чертовых слов.

— Ты знаешь, что можешь взять и больший куш? Возможно даже сможешь возглавить свой собственный подклан.

Макс сделала глубокий вдох и медленный выдох, как учили в Мантикоре. Она чувствовала себя как перед взрывом бомбы, хотя ей придется делать это еще много раз. Сконцентрировавшись, она начала снова:

— Муди, я хочу уйти.

Он отклонился на стуле, скрестил пальцы и вежливо улыбнулся.

— Куда, моя дорогая, и надолго ли?

Глядя на потертое ковровое покрытие пола, Макс проговорила:

— Я думаю, это к лучшему.

Улыбка Муди исчезла:

— Пожалуйста, не дразни меня, Максин! Для нас все должно обернуться хорошо. Ты можешь стать королевой здесь.

Она подняла на него взгляд.

— Мне жаль. Я тебе благодарна, ты многому меня научил, но… Я просто никогда не хотела быть королевой. Я просто хотела быть…

— Кем? — спросил он, в его голосе было раздражение и что-то еще… разочарование? — Ты просто хотела быть кем?

Это становилось все сложнее, чувства кипели у нее внутри, напряжение сковывало ее внутренности.

— Свободной, — наконец проговорила она.

Его расстройство нарастало вместе с тоном его голоса:

— А ты не… свободна здесь?

Она потрясла головой.

— Конечно я свободна здесь. Но дело не в Клане. Дело во мне. Муди… — она дотронулась до своей шеи, трогая штрихкод — … ты знаешь. Я такая не одна.

— Да — согласился он, успокаиваясь.

Макс продолжала:

— Сегодня утром я получила информацию о том, где может находиться один из моих братьев. Я не уверена. Но мне надо проверить самой.

Вздох Муди был бесконечным.

— Я всегда опасался, что этот день придет. Я всегда… боялся его.

— Теперь ты понимаешь?

Его темные глаза были печальны, и он слегка пожал плечами.

— Неужели тебе не достаточно семьи… здесь?

— У меня здесь большая семья. Клан всегда будет моей семьей, но…

— Но?

Макс посмотрела на пол, потом на Муди, их взгляды встретились.

— Они были моей первой семьей. А в вашу семью я пришла сама.

— И мы приняли тебя.

— Это правда. И ты был добр ко мне. И я преуспела здесь.

Он медленно кивнул.

Она встряхнула темным волосами.

— Мы уже говорили об этом, Муди. Ты знал, что я всегда хотела найти своих братьев.

Он долго смотрел на нее. Затем устало произнес:

— Я знаю, что был несправедлив, Максин… Но я не хочу потерять тебя.

— Я когда-нибудь вернусь. Может не насовсем, но навещу. Навещу свою семью.

Это заставило его улыбнуться, но это была меланхолия, ничего больше.

— Твое присутствие усилило Клан, Макс.

— Спасибо, — сказала она, вставая. — Но с суммой, которую ты получишь за Сердце Океана, все будет нормально.

Поднимаясь, он произнес:

— Скорее всего, это правда… но твой уход будет ощутим. — он обошел вокруг стола и остановился напротив нее. — Ты можешь подождать до завтрашнего обмена? Я могу использовать резерв.

Она сожалеюще покачала головой:

— Я думаю, что он в беде, и мне нужно найти его как можно скорее.

— И куда ты направишься.

— Я просто поеду, Муди. Куда я собираюсь имеет значение только для меня.

Муди принял это кивком.

— У тебя достаточно денег?

— У меня есть запасы. Их не хватит на всю жизнь, но они доведут меня туда, куда я направлюсь… Муди, мне жаль.

— Максин, не извиняйся, что следуешь за своим сердцем… никогда. Такие инстинкты — единственная чистая вещь, оставшаяся в этом грязном мире.

Ее улыбка была теплой, а взгляд любящим.

— Ты был адским учителем.

— Правда? — он поднял что-то со своего стола — фото. — Узнаешь?

Она посмотрела и с легкостью ответила:

— Трафальгарская площадь Модриана. Пиет Модриан.

Его улыбка была восхищенной, и она могла сказать, что восхищался не только ее приятной внешностью.

Тряся фотографией, ее наставник произнес:

— Большинство кретинов, живущих в этом городе, считают, что Модриан — это предимпульсный отель и ничего больше. Но ты знаешь его картины, все… — … большинство… — … все, и сколько они стоят, и как они защищены, и где их достать.

— Это ты научил меня быть хорошим вором.

— Я отшлифовал тебя, дорогая. Ты была хорошим вором, когда вступила в Клан… Теперь ты лучшая.

Он вернулся обратно к столу, открыл ящик и достал стопку купюр, перетянутую резинкой. Он бросил ей пачку, она поймала, прикинула — черт! тут по крайней мере пять кусков! — и бросила пачку обратно.

— Муди, я же сказала тебе — у меня есть запасы.

Смущенная улыбка рассекла лицо Муди.

— У тебя есть немного денег, я уверен. Но я всегда придерживал часть твоей добычи… на случай, что этот день когда-нибудь настанет. По правде сказать, я делаю это для всех вас.

— Не правда, — просто сказала она.

— О… нет. Но звучало красиво. — Он кинул ей связку обратно. — В твоем случае это так. Потому что я заботился о том, чтобы ты была рядом со мной.

Больше, чем просто была, подумала она, но произнесла:

— Я их не хочу, Муди. Отдай их детям.

Он затряс головой:

— Тебе они нужны больше, чем нам. У нас намечается самый большой куш в истории. Мы будем больше чем в порядке.

Поднимая связку, она спросила:

— Никаких сильных чувств теперь?

Его глаза и ноздри затрепетали.

— Конечно есть сильные чувства, дорогая, это то из чего состоит жизнь, из сильных чувств… но без гнева, и не без капельки любви. Иди, Максин, найди своего брата, и если захочешь, можешь возвраться с ним. Тогда у вас обоих будет семья.

Тем временем Макс сдерживала слезы, льющиеся по ее щекам. Она обошла стол и обняла Муди. Это длилось очень долго.

Когда она наконец отстранилась, Макс спросила:

— Ты скажешь всем? — она указала рукой на театр. — Я ненавижу чертовы прощания.

— Уверена, что не хочешь сделать это сама?

Она встряхнула головой.

— Господи, нет! Я плачу, когда говорю тебе… как, ты думаешь, я сделаю это перед ними?

Он осторожно засмеялся:

— Ах, Максин, моя Максин… для генетически улучшенной машины для убийств ты не кажешься слишком тредой.

— Тогда помоги мне сохранить свой имидж. Попрощайся с детишками за меня.

Ухмылка тронула щеку Муди.

— Думаю, эти переговоры мне было суждено проиграть.

Они обнялись в последний раз.

Прежде чем уйти, Макс позвола Фреска в аппаратную и попросила его присмотреть за ней, пока она отправится в «маленькое путешествие».

— Могу я пойти с тобой? — даже его веснушки, казалось, поблекли.

— Нет, ты мне там не нужен. Но ты мой парень, не так ли?

— Я? То есть… Я!

Она пожала плечами.

— Хорошо, тогда пригляди за моим барахлом. Я возьму только мой байк.

— Нет проблем.

Она заговорчески положина руки ему на плечи:

— И ты должен сделать еще одну вещь для меня.

— Что угодно.

— Приглядывай за Нинер. Она кажется хорошим ребенком, но она еще зеленая… Ей нужен мужчина, который будет за ней приглядывать.

Фреска, казалось, немного вырос из-за того, что Макс назвала его мужчиной.

— Не беспокойся об этом.

— И еще, Фрес, возьми это. — Она протянула ему пачку

купюр, которую дал ей Муди.

Его глаза стали размером с яйцо.

— Ты ведь шутишь, правда?

— Положи их в карман и никому не говори, что они у тебя есть, или где ты их достал.

— Почему?

— Потому что каждому нужна заначка… и это твоя.

— Круто — сказал он не дыша, его большой палец перелистывал купюры.

— И всегда помни, Фрес, ты мой брат, тоже.

Он был в замешательстве.

— Тоже? У тебя есть другой брат?

— Возможно, — сказала она. — Я дам тебе знать.

Они обнялись, затем она сказала:

— Пора трогаться.

— Тогда трогайся сейчас — ответил он.

Она вывезла свой байк и уехала.

Глава 5. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОБЕЗЬЯННИК

ШОССЕ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ТИХОГО ОКЕАНА

ЭУРИКА, КАЛИФОРНИЯ, 2019 ГОД

Как ядовитые грибы, она разрастались по всей стране после Импульса, эти деревни ветхих лачуг, куда люди — немного больше чем настоящие беженцы — приезали жить, а чаще — умирать. Названный Джеймстауном — в честь Майкла Джеймса, президета США в то время, когда грянул импульс, — деревни были в двадцать первом веке аналогом Гуверсвиллей времен Великой Депрессии прошлого века, многочисленных сообществ, названных в честь другого менее знаменитого президента.

Этот Джеймстаун, расположенный на восточном побережье в Эурике, Калифорния, образовался после Лос-Анжелесского Землетрясения 2012 года. То, что началось с нескольких картонных лачуг, переросло в последствии — следуя новым государственным тенденциям — в настоящий город за прошлые семь лет, здесь были бары, торговые центры, церковь и даже школа. Занимая акры, которые принадлежали заповеднику Секвойя, Джеймстаун использовал вольеры для животных в своих целях.

Хотя большая часть заповедника была превращена в человеческое жилье, обезьянник давно был переделан в бар с аналогичным названием, и в нем работали люди, по крайнем мере технически. Оградой «Обезьяннику» (который неоновая вывеска называла баром) была большая роща величественных деревьев, которую большинство людей, — даже того сорта, что приездажают вот в такой Джеймстаун, — предпочитало ночью обходить стороной. Несмотря на то, что деревушка была вполне миролюбивой, лес был центром плохих вещей, происходящих здесь: обычных… убийств, изнасилований, грабежей. Лесной растительности никогда не доставало удобрений благодаря потоку разлагающихся тел.

Через дорогу от «Обезьянника» военные палатки, поставленные вокруг старых зданий зоопарка, давали приют сотням путешественников, которые оставались здесь на срок от трех дней до трех или четырех месяцев в зависимости от их

возможности — финансовой или физической — двигаться дальше.

Последние несколько недель палаточный лагерь был домом для банды варварских байкеров СоКол, остатков печально известной предимпульсной банды Ангелы Ада. Новые Геллионы относились к своему названию серьезно, купались в славе своих предшественников и пытались жить так, чтобы соответствовать этому имиджу каждый день, на каждой дороге.

Фигура, прогуливающаяся по этим мерзопакостным постимпульсным трущобам, как если бы это была безобидная уличная ярмарка, принаддежала подтянутой, красивой, грудастой темнокожей женщине с высокими скулами, широким носом и огромными карими глазами, подчеркнутыми голубыми тенями. Ее темные брови были изогнуты в иронической уверенности, и это было не выражение, и ее объемные косички были украшены несколькими розовыми полосами.

Для одинокой женщины в подобном городе, «Чудачка Синди» МакИчин не показывала страха… более того, она его не чувствовала.

Кожаные штаны облегали ее фигуру как вторая кожа, угольно-черные, с оранжевой полосой обнаженного живота наверху, она едва нуждалась в маленькой маечке, которая обнажала подтянутый животик, вершины грудей и плечи, словно бросая вызов. И не удивительно, что множество мужчин приняло этот вызов, на эту женственную фигуру устремилась пара липких взглядов байкеров, выходивших из Обезьянника.

Вы, ублюдки, можете смотреть, думала она, на ее ногах были туфли на шпильке, но двигалась она так легко, будто танцевала. Вы никогда не видели никого, похожего на Чудачку Синди, но не смейте трогать, варварские отродья…

Пересекая улицу, сотрясая данными ей Богом прелестями, Чудачка Синди чуть было не врезалась в пару байкеров, выходящую из «Обезьянника».

Привычная нахмуренность толстого мужчины мгновенно сменилась плотоядной ухмылкой, когда он увидел округлые формы, с которыми он почти столкнулся. У него были длинные спутанные темные волосы, которые мылись время от времени, носил он рваных джинсовый жилет с обязательными джинсами и ботинками. Несмотря на тяжелый пивной живот руки байкера могли толщиной соперничать с растущими неподалеку секвойями, каждый бицепс был обвит вытутаированными змеями, которые волновались при сгибании рук.

— Моя вина — протянула Чудачка Синди.

Парень обвил свою змеиную руку вокруг своей спутницы,

тощей, маленькой бывшей королевы выпускного бала, одетой в джинсы и кожаный жилет с цепями, с длинными светлыми волосами, усталыми голубыми глазами и душным воздухом вокруг нее. Наркотики и алкоголь до сих пор не отняли у нее остатки привлекательности.

Чудачка Синди улыбнулась женщине, та улыбнулась в ответ.

Большой пьяный байкер подумал, что улыбка предназначалась ему и сказал:

— Я мог бы принять твои извинения, Коричневый Сахарочек, — и сделал шаг к Чудачке Синди… что было ошибкой.

Первым, что он потерял, была болндинка. Выскользнув из-под обвитой змеей руки, королева бала, бросила ему:

— Будь проклят ты и твой Харлей! — и скрылась в палаточном городке, оставив байкера пялиться на Чудачку Синди.

— Эй, детка, — произнес он с все той же плотоядной усмешкой, его речь была немного нечеткой. — Трое это толпа, в любом случае.

Чудачка Синди положила руки себе на бедра и отклонила назад голову с афрокосичками:

— Ты что правда подумал, что я улыбнулась твоей жирной заднице?

Его лоб напрягся, поскольку он пытался думать.

Чудачка Синди продолжила свои наставления:

— Я улыбнулась сладкой цыпочке, которая пошла туда, — длинный палец указал направление, в котором ушла подружка байкера.

Его глаза расширились, а ухмылка поникла:

— Исус! Чертова лесбиянка!

Он сделал еще один шаг к ней, на этот раз угрожающий, но остановился, когда она приняла боевую позу.

— Будешь осуждать мои сексуальные предпочтения в другом месте… ты уверен, что хочешь туда? — спросила она.

Синди направлялась в Сиэтл, после того как не так давно ушла из армии. И женщина, ветеран она или нет, не проделала бы путь из Форта Худ, Техас, если бы не знала, как защитить свою задницу.

На секунду байкер решил отступить, но его эго взяло верх, и он достал складной нож. Нож с щелчком открылся, и в темноте сверкнуло лезвие.

Но с тем же успехом он мог начать играть в ножички, это не изменило бы реакцию Чудачки Синди, которая лишь слегка ухмыльнулась.

— Знай, что говорить, — сказала она, — проживешь дольше…

Велосипедист отодвинул несколько сальных локонов с глаз.

— Теперь ты должна извиниться, сука.

Она наклонила голову и стала разглядывать его, как если бы байкер был мелким шрифтом, который она пыталась разобрать.

— Знаешь, — начала она, — ты еще не сделал ничего, кроме того, что обзывал Чудачку Синди теми словами на букву «л» и букву «с»… и ты на полпути к тому, чтобы почувствовать мой ботинок в твоем отвратительном жирном заду.

Его глаза расширились на столько, что можно было увидеть белки, окружающие зрачки, и он употребил еще один эпитет — на этот раз на букву «б».

— Это раз… — сказала она. В этот момент он кинулся на нее, она отклонилась в сторону и нанесла удар из-за спины в ухо, когда он пролетал мимо нее, а затем пнула его под зад.

Это было вторым, что потерял байкер, его достоинство… если конечно оно было.

— Проклятье! — проревел он, хватаясь за краснеющее ухо, — Я отрежу твои чертовы патлы, черная сучка!

Ее ответ на это оскорбление был бессловесным: бойцовским прыжком она нанесла великолепно точный удар каблуком в его грязный рот.

Байкер рухнул как мешок с зерном, нож выскользнул их его разжавшишхся пальцев и закатился в кусты, будто пытался убраться подальше от этого места. Здоровяк снова попытался заговорить, но из его рта вырывались нечленораздельные звуки вперемежку с зубами, которые он выплевывал как нераскрывшийся попсорн. Кровь стекала по его подбородку на его голую волосатую грудь, оставляя цветные полосы.

— Ооо, — сказала Чудачка Синди, руки снова на бедрах, вздрагивая в притворном отвращении, — Теперь ты знаешь, как вывести девушку из себя… Ты хочешь еще как-нибудь меня назвать? Ты можешь прододжить это занятие… Конечно тогда мне придется тебя убить.

Байкер пытался встать на ноги, его глаза сузились от ненависти, и он поглядывал в кусты, туда где под листьями виднелся его нож.

— Нет, тебе не стоит даже думать об этом, знаешь ли. Твоя мама ведь не растила дебила? Ты ведь должен знать, когда тебе надерут зад?

Ответом на эту дипломатичность было:

— Пошла ты!

Она покачивала головой и подняла палец:

— Нет, сэр, без шансов, это не твой день… даже если доберешься до этой заветной штучки, ты будешь повержен.

С истерической яростью, байкер бросился в кусты, где его

ждал нож. Чудачка Синди преградила ему путь и встретила его ударом в голову. Байкер снова упал… и на этот раз остался внизу. При дыхании в его разбитом рту пузырилась смесь крови и слюны.

Небрежно повернувшись к палаткам, Чудачка Синди думала, где теперь тот кусочек рая, который звал ее к себе?

Блондинки не было видно.

— Черт, — сказала в пустоту Чудачка Синди. — Только я подумала, что у нас был момент.

Повернувшись обратно, она зашла через плетеную дверь в бар. Две вещи немедленно напали на нее: хриплый рев плохой рок-группы в дальнем конце зала — почти двадцать лет прошло с начала двадцать первого века, а альбомы Зизи Топ все еще на вершине — и аромат сандалового дерева, перебивающий запах обезьяньего дерьма. Чудачка Синди решила, что правильней будет дышать через рот — это значит, что она будет вписываться в группу.

Заведение было набито тем сортом сброда, который сделал дорогу своим домом. Смесь пота, дешевого алкоголя и зловонного дыхания была приглашением убраться отсюда поскорей. Но Чудачка Синди не лодырь, напомнила она себе, к тому же… Синди была выжжена. Она искала зелье прежде чем удовлетворила жажду, пиная задницу байкера. Так что она пробиралась к бару.

Группа продолжала терзать свои инструменты, а певец орал в раскачивающийся микрофон. Но Синди знала, что понадобится кто-нибудь с докторской степенью в области рок музыки, чтобы разобрать, какую песню Зизи Топ они в данный момент поганят.

Бармен — тощий бледный жалкого вида парень с большим количеством волос, чем мог удержать его ободок, и опухшими черными глазами, не оставляющих никакой надежны недовольному клиенту — подошел к ней.

— Пива! — прокричала она, сквозь грохот группы и шум толпы.

Он кивнул и отошел.

Она повернулась чтобы взглянуть на толпу, которая состояла преимущественно из байкеров. В последний раз она видела такое обилие джинсы и кожи на родео неподалеку от Форта Худ. Но здесь было по-другому… слава Богу. Даже байкеры были совершеннее дерьмоковбоев в Техасе. Чудачке Синди от них не доставалось, но она терпеть не могла жлобов.

Или жлобских групп как эта — два гитариста, басист, барабанщик и вокалист в поисках музыки. Они звучали как скрип мрамора по металлу вместе с парой спаривающихся кошек в

придачу.

Чудачка Синди все еще трясла головой в неверии, что в этот настоящий момент это было частью ее культурной и социальной жизни, когда бармен вернулся с бутылкой холодного пива. Она достала трехдолларовую купюру из своего бумажника — с президентом Джеймсом собственной персоной — и бармен вырвал купюру из ее пальцев.

— Черт! — выругалась она. — Не желаешь пойти и удовлетворить себя?

Бармен отошел.

— Неудивительно, что ты проклятый енот, — пробормотала она, — Держи свои чаевый, Принц Очарование! — хотя она знала, что он уже взял больше, чем требовалось.

Она потягивала пиво, надеясь растянуть его надолго. С этими ценами трезвость казалась правильным выбором. Кроме того эта публика и группа не стоили одного пива и пятнадцати минут ее жизни. Никто, кто разделял бы ее мировоззрения, казалось, не посещал этого заведения, и, если она не хотела повторения стычки с байкером, ей следовало допить пиво и убраться к черту из этого места.

Она продолжала пить и, несмотря на то что была Чудачкой Синди, вести себя сдержанно. Тем не менее, байкеры пялились на нее, заставляя чувствовать себя более заметной, чем ей хотелось бы.

Она не была напугана — черт, ничего не пугало ее кроме, может быть, самой жизни, но тридцать байкеров против одного отставного темнокожего солдата выглядели не очень заманчиво. Прикончив свое пиво, она повернулась к двери как раз в тот момент, когда байкер, которого она проучила, шатаясь (больше от ее ударов, чем от пива) вошел в дверь. Его рот был злобно исривлен, кровь продолжала стекать с подбородка, как у неаккуратного вампира.

— Теперь ты получишь свое, черная сучка, — проревел он, хотя слова получились нечленораздельными, так как был пьян, и у него не хватало нескольких зубов.

Группа продолжала играть, но каждая пара глаз в баре уже повернулась к двери, а теперь переключилась на Чудачку Синди. После этого ее уход точно не останется незамеченным…

— О, парень… Я думала, что разобралась с твоей жалкой задницей, — проговорила она и оглянулась на других посетителей, пытаясь заручиться их поддержкой. Раз драка была закончена, значит драка была закончена, не так ли? Идите вы со своими жалкими жизнями!

Но байкеры уже сжимали кольцо вокруг нее, обходя барную

стойку у нее за спиной, и оставляю пьяному толстяку путь, чтобы он мог добраться до Синди.

Опять жирный байкер двигался на нее, и снова в его руке был тот проклятый нож. Круг замкнулся, обеспечив компактную сцену для грядущего действа.

Так что она ударила первой, взяв со стойки пивную бутылку и разбив ее о голову ближайшего байкера, который мешком повалился на пол. Группа наконец-то заметила, что ее никто не слушает и перестала играть, обеспечивая ужасное, гробовое молчание.

Чудачка Синди нарушила эту тишину:

— Кто-нибудь еще хочет потягаться с Чудачкой Синди? — указав на себя обеими руками, она вышла в центр круга и, источая браваду, произнесла, — Тогда выходите в круг!

К несчастью для нее, они приняли это предложение.

Пространство было слишком маленьким, чтобы маневрировать, к тому же сзади была барная стойка, и хотя она уже сломала нос одному байкеру ударом справа и оправила другого на землю коленом в пах, это был только вопрос времени, когда байкеры повалят ее, распластав на полу как мертвую бабочку в альбоме коллекционера. Они держали ее тесно прижатой к полу, пока толстяк, поверженный ей на улице, не пробился к ней через толпу.

— Что же ты теперь не такая дерзкая, а, сука?

Она глянула на него, разыгрывая свою единственную карту:

— Ты испуганный котенок, боишься, что не справишься с девчонкой самостоятельно? Твои дружки обязательно должны держать ее?

Он наклонился и ударил ее, это прозвучало как выстрел в бетонных стенах бывшего обезьянника, ее голова взорвалась от боли, сопровождаемой яркими цветными пятнами.

— Я готов принимать твои извинения, сука…

Сплевывая кровь ему в лицо, Чудачка Синди сказала:

— Я просила, что бы ты не называл меня так!

Он поднял свою обвитую змеями руку, чтобы ударить ее снова, но прежде чем он смог нанести удар, маленькая ручка схватила его за запястье.

Девушка с оливковой коже, одетая в кожаную куртку и брюки, была миниатюрной, и на проскользнула сквозь круг байкеров, и никто даже не подумал остановить ее. Те кто заметили ее, просто восхищались ее гибкой чувственной фигурой, другие же были удивлены видом такого маленького существа, прогуливающегося по арене этого цирка.

Все замерли, включая противника Чудачки Синди, его ноздри

расширились, а глаза сузились, когда он поворачивался, чтобы посмотреть, кто посмел помешать ему, и чей стальной захват сдерживал его запястье.

— Уходи, — посоветовала ему девушка.

— Ты… должно… быть… шутишь, — проговорил байкер, его верхняя губа растянулась в беззубой улыбке.

Девушка улыбнулась в ответ. На полу, где ее все еще удерживали другие байкеры, Чудачка Синди купалась в лучах улыбки незнакомки, ожидая, что эта сладкая штучка скоро окажется рядом с ней на полу, и по ним пройдется ужасный байкерский поезд…

— Да, — с улыбкой сказала девушка, слегка пожав плечами. — Я тут просто шучу.

Все еще удерживая его запястье, одетая в черное девушка, нанесла удар сбоку, которые угодит байкеру под колени и отправил его на пол. Из своего неудобного положения, Чудачка Синди не смогла разглядеть то, что произошло потом.

Затянутая в кожу девушка превратилась в бестию, удар, поворот, снова удар, и снова удары, от которых байкеры разлетались в разные стороны. Внезапно поняв, что она свободна, Синди вскочила на ночи, в состоянии разглядеть только пятно, бывшее ее внезапной спасительницей, раздающей пинки и вырубающей одного байкера за другим, как в чертовом фильме с Брюсом Ли. Но жирный байкер, который все это затеял, поднимался на ноги, в руке у него все еще был нож.

Чудачка Синди выбросила маленький твердый кулачок в сторону его головы, в то время как девушка в коже нанесла удар сбоку, выбивая но из руки парня. Байкер был все еще на ногах, но шатался. Чудачка Синди дала ему коленом в пах, и его рот открылся в немом крике, который она остановила ударом справа.

И уже во второй раз за сегодняший вечер большой байкер с крошечными мозгами, едва в сознании упал на пол, выплевывая зубы как семечки.

Меньше чем за тридцать секунд, на ногах в баре осталось стоять всего несколько человек: группа, бармен и двое женщин. Остальные находились в разных стадиях бессознательности, стонали, сворачивались в клубок, несколько пыталось отползти в угол, чтобы истечь там кровью.

— Я Макс — представилась девушка.

— Чудачка Синди.

Макс подняла кулак и Чудачка Синди коснулась его своим, никто из не получил в драке ни царапины. Бармен улыбался — скорее всего кто бы не победил в этой схватке, его реакция была бы неизменной. Он поставил на стойку два победоносных бокала

пива и поднял ладони: бесплатно.

Поднимая тост, Макс произнесла:

— Ты можешь постоять за себя, девочка.

— Сестренка, — сказала Чудачка Синди, осматривая повреждения, — у тебя есть несколько стоящих приемов.

— Думаешь, нам стоит объединиться?

— Да, мы вроде утихомирили этот обезьянник, ты так не думаешь?

— Немного уныло?

— Не думаю, что эти люди впредь захотят развлекаться.

Небрежно перешагивая через жертв, две женщины покинули бар.

— Этим ублюдкам повезло, что ты пришла одна, — Чудачка Синди обхватила свои плечи.

Макс кинула на нее удивленный взгляд:

— Им повезло?

— О да, как раз перед тем, как ты сунула свой маленький носик, я собиралась надрать их задницы и нанести им серьезные повреждения.

Макс хихикнула:

— Ну тебе следовало сказать что-нибудь, и я не испортила бы тебе веселья.

— Как ты вообще узнала, что надо вмешаться?

— Не знаю, у меня вроде как нюх на неприятности.

— Чудачка Синди слышала о таком, особенно этот запах силен, когда их так много, как здесь.

Ночь внезапно показалась Чудачке Синди очень холодной, и она обняла себя руками. Макс скинула с себя куртку, оставаясь в светло-голубой обтягивающей майке без рукавов, и протянула ее Синди.

— Спасибо, — ответила та и надела куртку.

— Нам наверно не стоит болтаться поблизости.

— Брось всю эту ерунду, нам нужно получше приглядывать за своими задницами в этом Джеймстауне, иначе нам кто-нибудь по ним надает.

Макс остановилась перед стильным черным мотоциклом.

— Это моя тачка. Ты на колесах?

— Вот колеса Чудачки Синди, — она подняла вверх большой палец. — Мое барахло припрятано в лесу.

— Барахло?

— Ты думаешь, это единственная одежда Чудачки Синди? — ухмыльнулась она. — Нужно забрать несколько стильных вещичек из их леса.

— Ты сможешь найти свой склад в темноте?

— А папа римский срет в лесу? А медведи католики?

Макс засмеялась и забросила ногу на байк.

— Залезай Ч.С., мы заберем твои вещи и созданим расстояние между нами и тем байкерским мозговым центром.

— Чудачку Синди не надо просить дважды, — она села на мотоцикл позади Макс, ее руки обвились вокруг затянутого в кожу водителя.

Макс повернула ключ, байк взревел и, выпуская облако дыма, влетел в лес. Они забрали багаж Чудачки Синди из ее тайника и выехали на дорогу. Макс держала спидометр в районе сотни, делая беседу невозможной, пока они не остановились около маленького придорожного кафе на дальнем конце Национально Парка Редвуд.

В чистом по постимпульсным стандартам заведении было шесть кабинок вдоль одной стены, стойка с дюжиной стульев около нее и стена, во всю ширину которой располагалось окно в маленькую кухоньку. В этот час повар и официантка были единственными людьми в кафе, они расположились по разные стороны стойки, каждый читал свой раздел газеты. Одетый в белую футболку и джинсы повар встал, когда они вошли. Пузатый мужчина за сорок с глазами жука и сальными темными волосами, повар двинулся на кухню, не говоря ни слова. На официантке были темные брюки и коричневая блуза. Она была обладательницей коротких темных волос, птичьего тела и вытянутого коровьего лица. Она оставалась на месте, пока девушки не выбрали себе кабинку.

— Кофе вам обеим? — спросила она, вставая.

Они обе ответили:

— Да.

Официантка двигалась быстро, для человека, который был на полпути к кладбищу, она принесла им по чашке кофе и стакану воды.

— Вы готовы заказать?

— Пока этого достаточно — сказала Макс.

— Да, мне тоже — согласилась Чудачка Синди.

Кивнув, официантка вернулась на свое место к газете:

— Ложная тревога, Джек!

Парень из кухни вернулся и тоже занялся своей газетой, но на этот раз он остался на своей стороне стойки.

— Чудачка Синди хотела поблагодарить тебя за помощь сегодня ночью. — Она наклонилась вперед и погладила руку Макс. — Сестры могут уладить разногласия и выбрать чертову правильную сторону.

Тряхнув головой, Макс ответила:

— Не могу позволить сестрам получать каждый подлый удар от таких типов, как те отбросы.

— Все равно она не во вкусе Чудачки Синди.

— Опустившиеся байкеры.

— Задроты.

Макс глянула на нее.

Чудачка Синди объяснила, что послужило причиной разногласий с байкером — блондинка. С осторожностью глядя на Макс, она произнесла:

— Ты должна знать, кого взяла на борт.

— Не мое дело, — ответила Макс, — куда люди опускают свои весла.

Чудачка Синди улыбнулась, и Макс ей ответила. Так они сидели и пили свой кофе, позволяя тишине нарастать, каждая при этом чувствовала себя комфортно.

Наконец Чудачка Синди снова подалась вперед и спросила:

— Что же все-таки там такое было?

Макс сдержанно пожала плечами:

— Что было?

Чудачка Синди изобразила руками несколько движений Кунг-Фу.

— Эти аля Джет Ли и Джеки Чан штуки — что это было?

Еще одно пожатие. Избегая прямого взгляда, Макс произнесла:

— Тренировалась немного.

Другая девушка погрозила пальцем:

— Нет, девочка, нет, нет… Чудачка Синди была в армии, немного тренировалась и может постоять за себя… но ничего похожего на то, что было в том баре.

Макс пялилась в свой кофе:

— Давай просто скажем, что я хорошая ученица.

— Ты хочешь это просто оставить?

Макс подняла свою чашку с кофе двумя руками, будто согравала их.

— А ты не возражаешь?

— Все круто. Давай оставим это так.

На лице в форме сердца расцвела улыбка:

— Спасибо.

— Ты меня благодаришь? Это сильно.

— Ну если ты так говоришь…

— В любом случае, Чудачка Синди хотела сказать, что она теперь твоя должница.

Это, казалось, смутило Макс, и она бесцеремонно проговорила:

— Просто я приревновала, что все внимание доставалось тебе.

— Хорошо, ты теперь моя девочка, все, что тебе нужно, в любое время, Чудачка Синди все сделает.

Макс отсалутовала ей чашкой с кофе и серьезно сказала:

— Приятно это знать.

— Теперь ты моя подружка.

Макс нахмурилась и выглядела взволнованной:

— Я, ммм… думала, что ясно дала понять, что я не по этой части.

Чудачка Синди поперхнулась и рассмеялась, а Макс продолжала изучать ее.

— Быть подружкой это не… это, Макс, это значит держаться вместе, прикрывать твою спину, ну ты меня поняла… это значит быть связанными. Ты моя подружка.

Естественная улыбка появилась на хорошеньком личике Макс:

— Хорошо, теперь… ты моя подружка… тоже.

Это неловкое слово снова рассмешило Чудачку Синди, и на этот раз Макс уловила волну, и две девушки просто сидели и хихикали около минуты.

Затем Чудачка Синди выставила кулак, по которому Макс ударила своим.

Когда официантка заново наполняла их чашки с кофе, девушки притихли. Затем, когда она ушла, они продолжили болтать, перескакивая с темы на тему.

— Итак, — начала Синди, — куда ты направляешься?

— В Сиэтл.

— Не шутишь?

Макс посмотрела на нее с любопытством:

— А должна?

— Нет, девочка, я просто… Я сама направлялась домой.

— Сиэтл — твой дом?

— Один из них. Я прожила какое-то время в Изумрудном Городе?

Глаза Макс сузились в замешательстве:

— Изумрудном Городе?

— Да, так люди называли Сиэтл перед Импульсом. Ну знаешь… как в «Волшебнике страны Оз»?

На лице Макс было забавное выражение:

— Я слышала об этом…

— Ну конечно! — Чудачка Синди смотрела на Макс так, будто она говорила на языке эсперанто. — Кто не смотрел лучший фильм, который когда-либо был снят?

— Я — подтвердила Макс.

— В старые времена все дети видели этот фильм.

— Ну… у меня было своего рода защищенное детство.

— О, подружка, мы должны посвятить тебя в прекрасные вещи.

Усмехаясь, Макс сказала:

— Я согласна.

— Смотри, дорогая, давай договоримся: Чудачке Синди нужно в Сиэтл… а ты уже едешь в том направлении.

Макс посмотрела в свою чашку.

— Мне нужен проводник. Я вроде… встречаюсь там кое с кем.

— Чудачка Синди поможет тебе в этом. Чем раньше мы доберемся туда, тем раньше мы там будем… правильно?

Глаза Макс расширились, но она все же улыбнулась:

— Как я могу спорить с логикой?… Двинулись, подружка.

На лице Чудачки Синди вспыхнула улыбка:

— Подружка, Изумрудный Город еще не видел парочки таких прекрасных ведьмочек…

Двигаться внутри страны по автомагистралям между штатами было бы быстрее, но Макс все-таки принимала меры предосторожности, избегая всяческих возможных контактов с Мантикорой, так что они придерживались открытых прибрежных шоссе на неторопливой скорости восьмидесяти пяти — девяноста миль в час.

Они останавливались только, чтобы поесть, справить естественную нужду и заправить мотоцикл, что на восьмом или девятом баке пробило существенную дыру в ее бюджете, хотя Макс и знала, что так будет. Рев мотоцикла и ветра свели разговоры к минимуму, но две девушки каким-то образом поняли, что наконец нашли именно такого друга, которы был им так нужен.

Они не задавали множества вопросов о прошлом друг друга, инстинктивно обе знали, что у каждой есть личные тайны. Однако, они почувствовали связь и были уже на полпути к настоящей дружбе.

Последние пятьсот миль поездки пролетели незаметно, и вот Макс и Чудачка Синди мчались по улицам Сиэтла, все еще поразительного города, несмотря на нищету постимпульсной жизни.

— Все такое зеленое, — бросила Макс через плечо.

— Поэтому и говорят Изумрудный Город, Дороти.

— Дороти?

— Подружка, у тебя нет никакого чувства культуры.

— Я могла бы тебя удивить, Син…

На углу Четвертой и Бланшард, Макс остановила Нинзя перед указателем напротив заведения с названием Бакс Кафе. Вывеска выглядела так, будто раньше перед «Б» было еще четыре буквы, но скорее всего они отвалились.

— Кофеин зовет, — сказала Макс.

— Чудачка Синди тоже это слышит.

Внутри пара ослепительных женщин подходила в прилавку, за которым стоял грузный мужчина, ростом ненамного выше Макс, плотоядная ухмылка бродила по его заплывшему жиром лицу. За прилавком позади него аппетитная привлекательная блондинка примерно их возраста — одетая в розовые сапоги до колена, голубую миниюбку и розовый топ, обнажающий живот девушки и большую часть ее огромной груди — занималась приготовлением сэндвича.

— Дамы, не тратьте время на заказ: никаких фраппе, латте и капучино, — сказал он. И уставившись на Чудачку Синди, добавил — Я подаю подаю кофе таким же, каких люблю женщин: горячих и черных.

Парень казался очень довольным собой, произнося эту бессмертную фразу.

Макс была уверена, что Чудачка Синди сейчас подумывает о том, чтобы перемахнуть через прилавок к ублюдку и врезать по его лошадиной заднице, поэтому Макс вежливо предложила:

— Пойдем, подружка, туда где с нами будут вежливы.

— Да… для карлика этот угрюмец слишком мелочен.

Макс захихикала, блондинка за стойкой присоединилась к ней… но парень за стойкой не смеялся, он покраснел и разозлился.

Он хотел что-то сказать, но Чудачка Синди остановила его движением пальца и покачиванием головой:

— Не вини игрока, детка… ненавидь саму игру.

Макс и Чудачка Синди коснулись кулаками, а блондинка засмеялась в полный голос.

Парень за стойкой повернулся к ней:

— Знаешь, что действительно смешно? То, как сброд вроде тебя ищет работу здесь, вот этой действительно смешно.

Блондинка затихла.

— Эй, — позвала Макс, делая шаг к стойке.

— Отвали, — сказал парень за стойкой. — Это не твои проблемы. А ты… — он повернулся к блондинке — Ты начинаешь движение к лучшему будущему. Уноси отсюда свою жирную задницу!

Макс прыгнула через прилавок, приземляясь между блондинкой и парнем, который был поражен и немного напуган

этим внезапным движением.

— Найми ее обратно.

— А что ты сделаешь?

Макс подняла его за горло, его глаза вылезли из орбит когда он смотрел на Макс сверху вниз. Но он был слишком напуган и находился в очень некомфортном положении, чтобы удивляться, как такая маленькая девушка могла поднять его от пола, но этот факт не остался незамеченным ни Чудачкой Синди, ни блондинкой.

Блондинка коснулась руки Макс:

— Все в порядке… Он не может уволить меня, потому что я сама увольняюсь… Я устала работать на этого сексуально озабоченного маньяка.

— И правильно — поддержала ее Чудачка Синди.

Макс пожала плечами и опустила парня вниз.

Он, задыхаясь, с красным лицом, навалился на прилавок, когда три девушки вышли вместе на улицу.

— Меня зовут Кендра Мэйбаум, — сказала блондинка, протягивая руку.

Макс пожала ее:

— Макс Гевера, а эта милая дама — Чудачка Синди.

— Очень приятно, — сказала Чудачка Синди и тоже пожала руку Кендры.

— Как ты это сделала? — спросила Кендра. — Я имею ввиду, справилась с Морти.

Чудачка Синди, ухмыльнувшись, подняла брови:

— Девочка тренировалась.

Макс в этот момент осознала что должна следить за собой, с этого момента она должна быть предельно осторожна в присутствии Чудачки Синди.

— Тренировалась но без кофе, — сказала Макс. Ее особенности X5 должны быть скрыты лучше. — И мы еще даже не думали о том, где остановиться.

Кендра поинтересовалась:

— Вам нужно место, чтобы остановиться?

— Мы вроде как новички в городе, — объяснила Чудачка Синди.

— Уже около пяти минут, — добавила Макс.

Блондинка пожала плечами:

— Если вам не нужно много места, то можете остаться у меня. У меня есть квартира. В комнате могут разместиться двое, даже трое.

Чудачка Синди глянула на Макс, та поинтересовалась:

— Почему ты делаешь это для нас? Ты ведь ничего про нас не

знаешь.

Кендра указала на кафе:

— Ты заступилась за меня перед Морти.

— И это стоило тебе работы, — напомнила ей Макс.

Засмеявшись, Кендра ответила:

— Да, но это того стоило, видеть Морти, насмерть напуганного… и в любом случае эта работа отстой. Кроме того, это не единственный мой источник дохода.

— Работящая девушка? — спросила Чудачка Синди, взглянув еще раз на ее обтягивающий розовый том и крохотную юбочку.

Кендра поставила руки на бедра.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — ее тон не был обиженным, скорее удивленным.

Глаза Чудачки Синди расширились. Макс нахмурившись смотрела на подругу, которая ничего не сказала про вызывающий внешний вид бывшей официантки.

— Ну… ой, не знаю, девочка, просто это прозвучало так, будто ты… ну…

— О… Я много работаю… но не так. Я занимаюсь переводами, транскрипциями, обучаю языку. Я делаю кучу вещей, но не то, о чем ты подумала.

— Прости, Чудачка Синди не хотела тебя обидеть.

Кендра встряхнула головой:

— Не переживай. В любом случае, вам, девченки, нужно жилье, а у меня есть комната.

— Отлично, — сказала Макс. — А где?

— Не далеко.

— Можно дойти пешком? Я на это надеюсь, потому что нас троих мой байк не довезет.

— О да, — сказала Кендра с облегчением, — дойдем пешком.

Прогулка заняла около часа, Макс толкала вперед Нинзя, а Чудачка Синди несла свой рюкзак, но они не жаловались, все-таки крыша — это крыша. Но Макс не знала, что делать с Кендрой. Для девушки знавшей языки достаточно хорошо, чтобы делать переводы, блондинка выглядела пустоголовой вертихвосткой.

И все же симпатичной.

Наконец, когда Чудачка Синди посмотрела на Макс и закатила глаза, давая понять, что готова бросить эту затею, Кендра объявила:

— Мы почти на месте! Я же говорила, что это близко. — И она указала на жилой дом с двумя дверями через улицу.

Здание выглядело не очень внушительно, шестиэтажное, большинство окон было заколочено фанерой. И поскольку они

подошли достаточно близко, листок бумаги на двери стал слишком очевиден.

— Это место арестовано? — спросила Чудачка Синди.

Кендра передернула плечами:

— Не совсем арестовано, скорее… заброшено.

Они подошли к двери, и Чудачка Синди изучила уведомление на двери.

— Чудачка Синди не переводчица, но она читает по-английски, и здесь сказано «арестовано».

Кендра ободряюще тряхнула головой:

Это только для того, чтобы всякая, ну вы знаете, шушера держалась подальше.

— Сколько людей живет здесь? — спросила Макс.

— Около пятидесяти — ответила Кендра.

— Пятьдесят? — возмутилась Чудачка Синди. — Пятьдесят человек живут в арестованном здании? Слава Богу, что он держить шушеру полальше.

— Пойдемте, девочки, — позвала Кендра. — Вы увидете, что все не так плохо. Правда.

Когда трио поднялось на четвертый этаж на грузовом лифте, — Макс катила своего Нинзя — Макс и Чудачка Синди обнаружили, что Кендра была права. Как и все здание, квартиры были недоделаны: стены были голыми, а перегородкой между комнатами служила пластиковая пленка. Но здесь была проточная вода, две комнаты и приличная подержанная мебель. Они разместились в крохотной гостинной, Кендра устроилась на стуле, накрытом голубой простынью, а две другие девушки расположились на кушетке.

— Кендра, ты права, — сказала Чудачка Синди, откидываясь назад и устраиваясь поудобнее. — Хорошее убежище.

— И никто не беспокоит вас здесь? — поинтересовалась Макс.

Кендра поморщилась:

— Ну… Есть Истеп.

— Что за Истеп? — спросила Макс.

— Он коп. Собирает деньги с жильцов.

— Он вор?

Кендра улыбнулась:

— Я же сказала, он коп.

— Они подмяли весь Сиэтл, дорогая, — объснила Чудачка Синди Макс, затем задала вопрос Кендре — И каков тариф?

— Слишком велик — ответила Кендра.

— Мда, — вздохнула Макс, но спросила — А есть в этом здании пустые квартиры?

Кендра встряхнула своей белокурой гривой:

— Пригодных для людей нет. Крысы, дыры в стенах, отсутствующие потолки, нет воды и электричества… как вы говорите, у них есть проблемы. А все пригодные для жилья помещения заняты.

— Отлично — пробормотала Макс и повернулась к Чудачке Синди — Есть идеи?

— У Чудачки Синди есть подруга, у которой она могла бы остановиться ненадолго, — она возражающе затрясла головой. — Но у нее есть место только для одного… Мы должны придумать что-нибудь другое, подружка.

— Нет, не должны, — сказала Кендра. — Вы живете вместе?

Две девушки переглянулись.

— Совсем нет — ответили они в один голос.

— Так вы не пара?

— Мы друзья, — ответила Чудачка Синди.

— Просто друзья, — сказала Макс одновременно с Синди.

— Хорошо, — начала Кендра. — Макс, если Чудачке Синди есть где остановиться, почему бы тебе не въехать сюда? Мне бы не помешала помощь в уплате ренты Истепу… и было бы здорово иметь кого-то, с кем можно поговорить. У меня просто недостаточно места, чтобы мы могли разместиться здесь втроем.

— Звучит приемлемо, — сказала Чудачка Синди. — Моя подруга живет не так далеко отсюда, и в любом случае она вроде как ждала меня. Мы все равно будем видеться, подружка.

Макс переводила взгляд с Чудачки Синди на Кендру и обратно. Наконец, она проговорила:

— Круто. Давайте так и сделаем.

— Еще одна вешь, — сказала Чудачка Синди, — мы должны найти способ заработать денег.

Сморщив личико, Макс спросила:

— Ты имеешь ввиду работу?

— А что еще ты будешь делать, подружка… Воровать себе на жизнь?

Макс промолчала.

Кендра приободрилась, ей в голову пришла идея.

— Мы должны пойти поговорить с Тео!

Девушки повернулись к ней.

— Тео? — спросила Макс.

— Да, он живет рядом со своей женой Джасиндой и их сыном, славный ребенок, Омаром. В месте, где работает Тео, всегда нужны помощники.

Макс и Чудачка Синди переглянулись — при нынешней экономике это было редкостью.

Чудачка Синди проговорила:

— Хорошо, давайте не будем заставлять парня ждать… Чудачке Синди нужно немного денег, дорогая, чтобы позволить ей жить в высоком стиле, как она привыкла… Роскошно, как есть и дышать дерьмом.

Кендра следовала впереди и постучалась в дверь соседней квартиры. Оттуда высунулось крошечное лицо, где-то на уровне коленей, глаза были огромными и карими, а кожа темно-бронзовой.

— Омар, твой папа дома?

Восхитительное личико кивнуло.

— Мы можем войти?

Омар оглянулся через плечо, и женский голос произнес:

— Это ты, Кендра?

— Да, Джасинда, и со мной пара друзей. Они хорошие.

— Отлично, тогда проходите.

Отступая назад, Омар, ему было не больше пяти лет, открыл дверь трем девушкам.

Макс вошла в квартиру, которая была во многом похожа на жилище Кендры. Худая черная женщина в коричневой футболке и темных брюках стояла перед диваном, азиат — ниже чем его жена, с черными волосами, сияющими глазами и широкой улыбкой — стоял рядом с ней.

— Джасинда, Тео — представила Кендра, — это Синди и Макс.

— Чудачка Синди, — поправила девушка.

— Чудачка Синди. Им обеим нужна работа, и я подумала, что Тео может им с этим помочь.

Улыбка не померкла, когда он жестом пригласил девушек устраиваться на кушетке. Джасинда придвинула стул, и Омар забрался ей на колени, Тео стоял за ними, положив руку на плечо жены.

— Да в последнее время оборот увеличился, — сказал он. — Это трудная работа… требует физических усилий, и вам надо будет посещать опасные районы, иногда. Чаще всего.

Чудачка Синди спросила:

— О какой работе идет речь, Тео? Восстановление электросетей? Ремонт дорог?

Улыбнувшись, азиат поинтересовался:

— Никто из вас, девушки, никогда не был велосипедным курьером?

Они переглянулись и каждая замотала головой.

Тео спросил:

— У вас есть байки?

Макс ухмыльнулась:

— У меня: Нинзя 2-50.

Улыбка Тео стала еще шире.

— Велосипеды. У вас есть велосипеды?

— Нет, — ответила Чудачка Синди.

— Но к завтрашнему утру будут — сказала Макс.

Чудачка Синди неверяще уставилась на нее, но Тео воспринял это спокойно с неизменной улыбкой.

— Замечательно, — сказал он. — Вы можете пойти со мной. Место называеся Джем Пони Экспресс. Нормал, владелец и управляющий, он немного суровый… но не злой. Платят мало, работы много, но другие курьеры милые, слаженный коллектив.

— Чудачка Синди готова попробовать, во всяком случае, пока не подвернется что-нибудь другое.

— А что конкретно надо будет делать? — поинтересовалась Макс у азиата.

Чудачка Синди ответила за него:

— Мы ездим на великах и доставляем посылки в разные места, что еще?

— Я не знаю город — призналась Макс.

— Узнаешь, подружка, узнаешь. Чудачка Синди все тебе покажет. На следующей неделе ты будешь объяснять таксистам, как проехать по городу.

Тео добавил:

— Велокурьеры ездят по всему городу. Это очень интересно… видеть все и всех в Сиэтле.

Это заставило Макс улыбнуться.

— Что ты думаешь, подружка? — спросила Чудачка Синди.

— Я думаю, что нам очень повезло встретить Кендру, — ответила Макс, — и еще больше — встретить Тео.

Но она раздумывала: велокурьер. Ездить по всему городу… незаметный человек, разъежающий и тут, и там, везде… Это могло сработать.

Это должно сработать…

Глава 6. ДЕНЕЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ

ДЖЕМ ПОНИ ЭКСПРЕСС

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Разместившийся в захудалом складе, мире сломанных шкафчиок, грубых деревянных скамеек, древней кирпичной кладки и неприличных граффити, Джем Пони Экспресс был своего рода сумашедшим домом, в котором Макс могла чувствовать себя свободно и не много лгать, пока занималась поисками своего брата.

Имея целую длительную поездку вдоль побережья, чтобы прокручивать перед своим мысленным взором то нечеткое видео, Макс теперь была далека от уверенности, что «юный мятежник», который надрал задницы копам в новостях, был на самом деле ее братом Сетом.

X5 не знала как много времени займут у нее его поиски, но ее прикрытые выглядело вполне надежно и могло служить ей долгое время: никто, даже Муди, Фреска или любой другой член Китайского Клана и не думал, что она может податься в Сиэтл. Избегание Мантикоры в течение всех этих лет не принесло ей много спокойный ночей, но здесь — в Изумрудном Городе Чудачки Синди — Макс чувствовала себя в безопасности, даже болье чем в Лос-Анжелесе, где она привлекала внимание к себе и своим способностям своей воровской активностью.

Как и предсказывала Чудачка Синди, работа велокурьером позволила Макс изучить город гораздо быстрее, чем если бы она просто слонялась по городу на Нинзя, надеясь на удачу, в поисках Сета. Жить с Кендрой в нелегальной квартире тоже было неплохо, несмотря на то, что рента была катастрофически высокой, все благодаря жадности копов.

И проживание в пристанище нелегалов было хорошей идеей еще по одной причине: никаких следов Макс не появится в городских записях. К тому же дружелюбная, с ветром в голове, Кендра была замечательной соседкой, и они быстро становились хорошими подругами.

В то же самое время крепла дружба Макс с Чудачкой Синди. Последняя была очень благодарна за то, что Макс помогла ей с деньгами на покупку велосипеда, необходимого для каждого сотрудника Джем Пони. Две девушки проводили вместе почти все

свободное время, и Кендра часто присоединялась к ним.

Чудачка Синди нашла себе пристанище только через неделю работы в Джем Пони. Мало того, что там она была более независима, ее новая берлога была еще ближе к дому Макс, чем квартира ее друга, где она вначале потерпела неудачу. Каждое утро Макс встречалась с Тео, они садились на велосипеды, подбирали Чудачку Синди и ехали дальше втроем. Они брали кофе с рогаликами и останавливались по пути в парке, чтобы перекусить, а затем ехали на работу.

Именно во время легкого общения за завтраком Чудачка Синди, Макс и Тео узнавали больше друг о друге. Макс понимала, что знала о друзьях гораздо больше, чем они знали о ней, и иногда она могла уловить недовольство Чудачки Синди ее скрытностью.

Но так как Ч.С. и Тео не казались генетически улучшенными машинами для убийств, разработанными в секретной правительственной лаборатории, у них было гораздо меньше секретов, чем у нее.

Месяц прошел с тех пор, как она покинула Муди и Китайски Клан, и единственная вещь, на которую она могла пожаловаться (себе самой, разумеется), это то, что она не нашла Сета… и даже его следа. Новости избегали любых упоминаний о «юном мятежнике», союзнике «Зоркого».

Конечно, чем лучше будет искать Макс, тем лучше Сет будет прятаться. Он прошел такую же подготовку как и она, и — как Макс — был в бегах долгое время и знал как замести свои следы намного лучше, чем она знала, как их найти. После этих лет, что она убегала и скрывалась, Макс казалось трудным перевернуть процесс и взглянуть в телеском со стороны охотника.

В одной вещи Макс была уверена: она никогда не сдастся. Непоколебимость была основой ее характера — была ли она создана Мантикорой или ее человеческими генами, она сказать не могла. Она просто знала, что найдет Сета.

Единственное сомнение время от времени закрадывалось ей в голову, что она попусту тратит свое время, преследуя человека — хоть и в некотором смысле выдающегося и подобного ей — не являющегося Х5.

Еще хуже была возможность того, что это мог быть Х5 Лайдекера, звезда более позднего выпуска Мантикоры, выполняющего секретное задание под прикрытием СМИ…

Тем временем Макс оказалась в центре новой жизни, и даже новой семьи — некоторые их курьеров Джем Пони были отличными ребятами.

Ниминальный начальник, Нормал — его рабочее прозвище

было усовершенствованием его имени, Рейган Рональд — оказался именно таким суровым, как рассказывал Тео. Консерватор до крайностей, поклонник обоих президентов Бушей, с продолговатым лицом, постоянно отвлекающийся Нормал — с длинный прямым носом, тонкими губами, и наушником, который казался такой же его частью как рука или ухо, — носил короткие коричневатые волосы и зачесывал их назад, его очки в черной оправе и суровый взгляд делали его похожим на печального библиотекаря.

Нормал, решила Макс, и другие его сотрудники были группой програвших неудачников, который едва ли вдохновляло лучшее в них. Тот факт, что Нормал постоянно приговаривал «Бип, бип, бип», означавшее, что надо поторопиться, не прибавлял ему друзей, как и его любимое болезненное псевдоругательство «И где же пожар…?». Остановимся на одном из интереснейших велокурьеров Джем Пони, таком как… … Гербал Таут, растафарианец с короткой выбритой бородкой, всегда готовый улыбнуться, щедрый и философски настроенный друг. Обезоруживающе дружелюбный, он всегда готов поделиться все что у него есть, будь то его ганжа, от нее Макс всегда отказывалась, или его верования в Джа и его теория о том, что «Все всегда делается к лучшему».

Другой курьер, с которым Макс и Чудачка Синди становились дружнее день ото дня, был чучелом с длинными темными волосами, сальными прядями свисавшими к его темным глазам. Скетчи, так они все его называли — это прозвище больше отражало его образ мыслей, чем какие бы то ни было артистические наклонности.

Более чем немного странный, он продавал себя для экспериментов в медицинской лаборатории перед тем, как устроился в Джем Пони, и многие из его друзей думали, что это может объяснить его нелогичное… отрывочное… поведение.

Сегодня, как и в большинство дней, четверо из них — Макс, Чудачка Синди, Скетчи и Гербал — проводили свой обеденный перерыв на Стене вверх по улице от Джем Пони, бетонированной площадке, где все курьеры зависали, выделывали велосипедные трюки и просто отдыхали. Здесь они сидели и поглощади сэндвичи, купленные в магазине неподалеку. Гербал отказался от сэндвича, как и всегда, его основым блюдом был spliff, который он поджигал — по размеру не на много больше большого пальца Макс — и глубоко вдыхал.

— Ах, это подарок Бога, — произнес Гербал, блаженно откланяясь назад от стола.

— Мне нужно стать растаманом, — протянул Скетчи. — Это

типа мое предназначение.

Гербал покачал головой:

— Но поклонение Джа не в ганже, чувак. Поклонение Джа это вера… вера и рост.

— Выращивание ганжи — добавила Чудачка Синди, и все они рассмеялись включая растафарианца.

Сильный аромат щекотал нос Макс.

— Неудивительно, что ты думаешь, что «все хорошо» — сказала она.

— Эй, — просиял Скетчи, будто идея, которую он собирался озвучить, не возникала у него каждый день. — Кто пойдет в Крэш после работы?

— Чудачка Синди может подтянется, а ты, подружка?

Макс пожала плечами:

— Может загляну ненадолго.

Природа их работы — каждый курьер доставляет свои посылки — не давала им устать от компании друг друга к концу долгого дня, они любили собираться, чтобы рассказывать боевые истории, делиться анекдотами о Нормале и обмениваться байками о необычных посылках и гадких клинтах.

— Круто! — Скетчи повернулся к Гербалу — а ты?

— Если моим братьям и сестрам нужно чтобы я был где-то, вы знаете, что Гербал будет там.

— Не говори о себе в третьем лице, брат мой, — поморщилась Чудачка Синди. — Чудачку Синди не впечатляет это дешевое дерьмо.

Все трое уставились на нее, не уверенные шутит ли она, но этого они никогда не узнали.

— Окей, — сказал Скетчи, его глаза сияли от гордости, что он сам организовал что-то, что происходит почти каждый день. — Мы все встречаемся в Крэше!

— Звучит здорово, — сказала Макс поднимаясь, только половина ее сэндвича была съедена. — У меня бонус — Нормал загрузил меня доставкой дерьма, которое поступило сегодня.

Чудачка Синди ухмыльнулась:

— Просто он знает, что тебя можно послать в самую грязную часть города, и ты унесешь оттуда свою задницу одним куском.

Скетчи нахмурился от отрывочной мысли:

— А разве могут быть… две части?

Макс оставила их обсуждать этот вопрос.

После полудня она сделала четыре доставки. Первая была на Гамлин Стрит около Портадж Бэй, вторая по пути назад на Ист Алоха Стрит, прямо на Двадцать третьей Авеню Ист, третья на Бойлстоне рядом с Бродвеем, и последняя остановка была в

прачечной Сублим в центре.

Место — смесь прачечной и химчистки — выглядело не очень возвышенно, и слишком грязным, чтобы отмывать здесь что-нибудь кроме, может быть, денег. Азиатка за прилавком была так же дружелюбна как инструктора в Мантикоре. Ниже чам Макс, ее темные волосы были убраны в сложный пучок, у женщины было сморщенное лицо, сморщенные глаза и недоверчивое выражение.

— Посылка для Вогельсанга — объявила Макс.

— Я заберу.

— Я не думаю, что вы Дэниэль Вогельсанг.

— Я заберу.

— Мистер Вогельсанг должен расписаться — здесь пометка «конфиденциально», и только мистер Вогельсанг может расписаться за нее.

— Я заберу.

Макспосмотрела на потолок, закатила глаза и мысленно послала все к черту.

— Слушайте, если мистера Вогельсанга сейчас нет, я вернусь в другое время.

— Я заберу.

— Вы не можете забрать, вы не он и не можете расписаться.

Макс повернулась на пятках и направилась к двери, женщина заговорила, перепрыгивая с английского на китайский, ее словарный запас значительно расширился по сравнению с двумя словами, которые Макс слышала раньше.

Макс достаточно знала китайский, чтобы понять, что за некоторые из эпитетов, которыми награждала ее женщина, ее рот нужно было бы помыть с мылом, которого было достаточно даже в этой замшелой прачечной…

Но Макс научилась более мудро выбирать себе схватки, в эти дни привлечение внимания в Сиэтле на было ее целью.

Когда она достигла двери, позадни нее раздался мужской голос:

— Ам Вей, что, черт возьми, здесь происходит?

Макс повернулась, чтобы увидеть полного мужчину с коротким ежиком светлых волос, козлиной бородкой на трапещиевидной голове, одетого с мешковатые брюки и гавайскую рубашку.

— У нее посылка, — ответила Ам Вей. — Она не отдала.

— Ам Вей, ты же знаешь, когда им нужна моя подпись, ты должна позвать меня… Юная леди! Идите сюда.

Макс вздодхнула и вернулась.

— Вы Вогельсанг?

— Может быть.

— Забираете? — Макс дала понять, что ее терпение подходит к концу, протягивая посылку. — Если вы Вогельсанг, эта посылка помечена «конфиденциально», что значит, что вы должны расписаться лично. Не служащие и не прачечная, понятно?

— Какой острый язычок, — заметил парень. — Да, да, да, я Вогельсанг. Давайте пройдем внутрь, я не делаю свои дела здесь.

Уже устав от его вздора, но не желая иметь дело с Нормалом по поводу невыполненной доставки, Макс издала пресыщенный вздох и направилась вслед за Вогельсангом через двойные двери в маленький кабинет. Тренированный взгляд Макс подмечал все детали: моющие средства, банки с химикатами для сухой чистки, стопки непонятных коробок — типичное подсобное помещение.

Но в центре, перед стеной картотек, забитых огромным количеством коробок и бумаг, примостился деревянный стол, заваленный кипами бумаг, непонятно откуда взявшейся игрой Твинки и пустыми коробками из-под китайской еды… вращающийся стул позади стола, удобное кресло для клиента напротив, бежевые стены, окленные полицейскими отчетами и сводками… что это за место?

Макс вручила мужчине клипборд с бланком, он надел очки для чтения и расписался там, где она показала, затем спросила:

— Чем, черт подери, вы здесь занимаетесь?

— Частными расследованиями.

Ее глаза слегка расширились.

— Вы детектив, да?… А какого рода расследования?

Он вернул ей клипборд, а Макс протянула ему посылку, заверную в оберточную бумагу, она была немного меньше коробки от обуви.

— Ну знаешь, разводы, побеги, старые следы, что-то вроде этого.

Он наконец оторвал свой взгляд от посылки и посмотрел на Макс — в его деле даже самые безобидные люди вроде курьеров заслуживали поверхностного осмотра. — А что?

— Если ли бы я искала кое-кого, вы могли бы его найти?

— Я могу попытаться.

Без приглашения она опустилась на стул напротив Вогельсанга, перебросив ногу через его ручку.

— И сколько стоят подобные услуги?

Вогельсанг почесал подбородок, посылка была забыта. Он опустил очки на стол и отклонился назад на стуле:

— Зависит от обстоятельств.

— Замечательный ответ.

— Зависит от того, кого мы ищем… и насколько он не хочет, чтобы его нашли.

Невеселое чувство возникло у Макс в животе. Она уже могла понять, что здесь было главным: деньги. Она жила честной жизнью с тех пор, как она с Чудачкой Синди оказались в Сиэтле, и не провернула ни одного дельца, что, говоря по-правде, ей нравилось. Но она должна найти своих братьев.

— Хорошо, мистер Вогельсанг, дайте мне приблизительную цифру.

Его большие плечи слегка покачнулись.

— Предварительный гонорар тысяча долларов и двести в день… плюс расходы.

Она закатила глаза:

— Вы в своем уме? Я всего лишь велокурьер!

Он пожал плечами, снова надел очки для чтения и переключил все свое внимание на посылку.

— Этот офис расположен не в жилой части города, — заметила Макс. — Как вы можете назначать такие цены?

— У офисов в жилых районах нет моих связей в центре города… Частная слежка — грязное дело.

— Поэтому вы ведете дело в задней комнате прачечной?

Он взглянул на нее над очками:

— Мы закончили с этим?

— Хорошо, мистер Вогельсанг… я принесу вам деньги…

Он снова положил очки на стол.

— У вас есть такая сумма?

— Я могу ее достать.

— Такая маленькая девочка…

— Не вмешивайтесь в мои дела, мистер Вогельсанг.

— Не буду, — ухмыльнулся он, сильно смахивая на большую непослушную собаку. — Пока мне кто-то не заплатит мне…

— Если они это сделают, я удвою любое их предложение. Я куплю лояльность так же, как расследование.

Детектив изучал Макс, ее уверенный тон и молодость очевидно беспокоили его.

Она спросила:

— Как долго ждать результатов?

— Это поиски человека?

— Да.

— И у вас немного информации для начала поисков?

— Если бы у меня была информация, то вы бы мне не понадобились, не так ли?

Он еще раз легонько пожал своими большими плечами.

— Поиск человека — это не точная наука… Как ваше имя?

— Макс.

— Просто Макс?

— А это проблема?

— Нет, если вы платите наличными.

— Рассчитаемся.

Еще одно пожатие.

— Может быть через день, а может и никогда. Когда ваш предварительный гонорар закончится, мы поговорим. Вы решите захотите ли продолжать тратить деньги. Я не вор, Макс.

Она мгновение обдумывала это.

— Хорошо, — наконец сказала Макс. — Когда вы сможете начать?

Снова пожатие.

— Когда вы достанете деньги?

Она ответила ему таким же пожатием плечами:

— Завтра, в крайнем случае послезавтра.

С кивком он ответил:

— Вот тогда я и начну. Хорошо, что мы договорились.

— Да, это хорошо, — она поднялась и направилась к двери. — Я вернусь с деньгами. Тогда вы подключитесь.

Вогельсанг улыбнулся — большой плюшевый медведь, но нисколько не привлекательный. Он дотронулся указательным пальцем до виска:

— Я мысленно записал это.

Прямо от Вогельсанга она отправилась в Крэш, где Скетчи, Гербал и Чудачка Синди уже заняли столик и заказали по второму пиву.

Старое кирпичное складское помещение, мало чем отличающееся от Джем Пони, место было переделано под бар несколько лет назад, перед Импульсом. Круглые кирпичные сводчатые проходы отделяли три зала от мониторов, включая большой широкоформатный экран, на котором демонстрировались автогонки, велосоревнования, скейтбординг, и все, что включало дикие аварии, давшие бару его название.

Маленькие столики, сделанные из крышек канализационных люков, были рассеяны по залу, окруженные четырьмя или пятью стульями каждый. Музыкальный автомат с тяжелой музыкой стоял возле одной стены, а в зале через ближайшую арку находились бильярд и футбольные столы. Вся стена за барной стойкой представляла собой подсвеченную скульптуру из плексигласа, изображавшую велосипед.

— Привет, подружка, — поприветствовала Чудачка Синди, когда пришла Макс.

Макс с усталой улыбкой заняла место за столиком, и Скетчи налил ей пива.

— Как идет борьба, сестра моя? — поинтересовался Гербал.

Улыбка Макс прояснилась:

— Все идет на пользу, брат мой.

Гербал улыбнулся и кивнул, убедившись, что на его счету еще один новообращенный.

Скетчи протянул Макс пиво со своим фирменным выражением лица ошеломленного печалью ребенка.

— Не хочешь сыграть в пул, домашняя девочка? — спросила Макс Чудачка Синди, кидая на нее косой взгляд.

Скетчи встряхнул головой и даже глаза Гербала предупреждающе сузились.

— Ч.С. — акула, Макс, — заметил Скетчи. — Берегись.

— Мой брат говорит правду, — добавил Гербал. — Наша сестра уже обчистила нас обоих.

— Да, но все ведь к лучшему, правда? — Макс глянула на Чудачку Синди.

Пожав плечами, без тени сожаления она произнесла:

— Ну что я могу сказать? Чудачка Синди управляется с шарами лучше, чем эти парни.

Скетчи задумался над этим, а Макс ухмыльнулась и сказала:

— Хорошо, проверим это, подруга, проверим это.

Оставив парней за столиком, две девушки — несмотря на то, что они были здесь постоянными гостями, все мужские взгляды были направлены на них и даже несколько женских — направились к незанятому бильярдному столу.

Несмотря на то, что ее аналитические способности и улучшенный глазомер давали большое преимущество, Макс все равно проиграла Синди три игры.

Разговор с частным детективом прокручивался у нее в голове раз за разом с тех пор, как она покинула прачечную. В Джем Пони платили гроши, а ее сбережения от Муди были потрачены на дорожные расходы и жилье, львиная часть ушла на взятку копам. Теперь ей требовалось найти немалую сумму менее чем за двадцать четыре часа… и она не имела ни малейшего понятия, как это сделать.

— Может хватит, девочка? — спросила Чудачка Синди, опираясь на свой кий.

Макс медленно кивнула, и они направились к своему столику.

— Ты в порядке, подружка? Твой разум будто на другой планете.

— Просто немного отвлеклась.

Они подошли к столику, где Скетчи и Гербал сидели перед пустым кувшином с соответствующими расплывшимися выражениями на лицах.

— Чудачка Синди может чем-нибудь помочь?

— Просто обдумываю личные дела.

— Хорошо, просто позови меня со скамейки запасных, когда игра будет идти к внезапной смерти.

Макс улыбнулась подруге… возможно лучшей подруге:

— Да?

— Черт, да!

Взяв со стола кувшин, Макс объявила:

— Моя очередь угощать, — и двинулась к бару.

Она почти подошла к стойке, когда заметила боковым зрением двоих парней в дальнем углу. В этот час в Крэше не было толпы, так что эта парочка, совещающаяся вдали от всех, сразу попала на радар Макс.

Ненавязчивым боковым зрением она наблюдала, как один передает другому пачку наличных… а тот отдает пакет размером с кулак, завернутый в коричневую бумагу.

Наркосделка.

У Макс была инстинктивная неприязнь к тяжелым наркотикам, — возможно, потому что она сама была связана с медицинскими препаратами, — и внезапно она улыбнулась, потому что точно знала, где взять деньги для Вогельсанга…

Она всегда была вором. Муди всегда заботился о том, чтобы подсылать ее к сомнительным типам, что-то вроде воровать у вора… у Макс это получалось. Это будет как операция с Выводком минус акробатика — легко, выгодно, и в любом случае, она украдет у парней, которые не являются образцовыми горожанами.

Бармен наполнил кувшин, она заплатила и вернулась к столику с широкой довольной улыбкой.

— Нектар, — пробормотал Скетки, и взял кувшин так, словно он был наградой Лучшего Велокурьера 2019, и начал осторожно разливать пиво по бокалам.

— Не надо, — сказала Макс, подставив ладонь, чтобы не дать Скетчи наполнить ее бокал. Боковым зрением она все еще наблюдала за наркоторговцами, которые собирались уходить.

Как и она.

— Надо лететь, — сказала Макс.

Чудачка Синди скептично посмотрела на нее:

— Эй, подружка, ты только что пришла! Что может быть более важным, чем общение с коллегами?

— Только что вспомнила об одном поручении… для меня, не для Нормала.

— Береги себя, сестра, — благословил ее Гербал.

— Встретимся утром, девочка, — сказала Чудачка Синди, пытаясь понять, куда направлен рассеянный взгляд Макс, но

безуспешно.

Скетчи отсалютовал ей стаканом с пивом, но промолчал, предпочтя невербальную форму прощания.

Два драгдилера вышли в разные выходы. Макс последовала за тем, у которого были наличные — сбыт наркотиков был ненужной ей линией.

На улице освещение было не намного лучше чем в баре, и Макс не могла сказать о парне ничего кроме того, что он был высокий и такой худой, что казался утонувшим в своем дорогом кожаном пиджаке. У него также были рыжеватые волосы, большие уши и шел он, слегка сутулясь. Если бы не короткая стрижка, она могла бы принять его за Скетчи.

Она следовала за ним несколько кварталов, держась противоположной стороны улицы и на расстоянии, достаточном чтобы он не засек ее. Коричневый пиджак продолжал двигаться и еще через полдюжину кварталов они оказались в окраинной части города, куда ее еще не заводила работа курьера. Макс была позади парня на расстоянии квартала, когда перед ним из теней выросли три фигуры.

Очевидно, они собирались ограбить его раньше нее — и это взбесило Макс!

Подкрадываясь ближе, она увидела, что двое начали обходить дилера с разных сторон, оставив третьего лицом к лицу с жертвой. Это были крупные, жесткие, накачанные белые парни, похожие на диких зверей, — с глыбовидными торсами, огромными руками и ногами, но без шей. Возможно они принадлежали местной неонацистской группировке Сватзис, строящей свой бизнес на ограблениях дилеров и продаже их дерьма через посредников меньшинствам… делая деньги на идее доморощенного геноцида.

Очевидный лидер, стоящий перед дилером, вышел вперед. С сатанинской бородкой, он был меньше других, хотя вероятно зависел больше от мозгов, чем от мускулов. Плюс в его руке был девятимиллиметровый автомат…

— Отдавай деньги, мусор, и можешь хромать отсюда.

Трафик был нулевым, Макс даже не надо было оглядываться, когда она стрелой пересекала улицу. Высоко подпрыгнув, она приземлилась прямо между четырьмя мужчинами, словно упала с неба, и с кошачьей грацией приняла боевую стойку.

Четыре рта разом открылись.

В одно мгновение она их закрыла.

Начала с бородатого парня с ружьем: удар левой, автомат вылетает из его руки и скачет по улице, затем поворот, доставая ближнего потенциального нациста широким пинком.

Опустившись, она развернулась и нанесла апперкот в пах дилера, и, поднявшись, вырубила головой последнего нациста, и наблюдала, как он шатается и обрушивается на тротуар, такой же бесчувственный как асфальт, встретивший его.

Худой большеухий дилер перквернулся на живот, руки защищали его достоинство. Нацист, которого она пнула, пытался подняться на колени в тот момент, когда его лицо остановило летящий удар Макс. Он тоже потерял сознание, его лицо было окровавленной, бесформенной массой. Ползком добравшись до оброненного ружья, стрелок повернулся, ухмыляясь, и поднял его, прицеливаясь.

Как только он направил ружье, Макс прыгнула и перекатилась к нему, выкидывая в движении разящее лезвие левой руки, которое выбило оружие из рук парня, затем нанесла удар по носу, сломав его, и оставила его без чувств истекать кровью на тротуаре недалеко от его незадачливых компаньонов.

— Ненавижу пушки, — заявила Макс.

Хватая воздух как заядлый курильщик, дилер — он все еще защищал руками промежность — поднялся на колени.

— Ты… ты спасла мою жизнь, — выдохнул он.

— Правильно.

— Но, мне кажется, ты разбила мои шары…

Глядя на него сверху вниз, она произнесла:

— Пакет со льдом может помочь. Просто хотела убедиться, что ты не смоешься.

Его глаза стали такими же большими, как у щенка, просящего косточку.

— Но… почему? Если ты собиралась спасти меня… почему?

Сложив руки, Макс стояла между лежащих нацистов, они все еще дремали.

— Просто не хотела, чтобы ты ушел, не заплатив, — сказала она.

Лицо дилера побелело:

— А?

— Ты думаешь, я спасла твою жизнь по доброте душевной?

— Я… надеялся…

Макс встряхнула головой, темные локоны закачались.

— В каком мире ты живешь?… Давай сверток.

Голос дилера перешел на писк:

— Ты грабишь меня?

— Какое некрасивое понятие. Давай просто скажем, что я получаю свою награду за спасение твоей задницы.

— Но… у меня нет денег.

— О, ты хочешь, чтобы я обыскала тебя, — заключила

Макс. — Я польщена… левый передний карман. Деньги, которые ты заработал сегодня в Крэше. Продавая те наркотики в коричневом бумажном пакете.

Он вздрогнул:

— Ты видела?

— В следующий раз я рекомендую темную аллею. Проверенная временем штука, знаешь ли. Давай.

Он оторвал руки от причинного места и сложил их вместе, умоляя:

— Пожалуйста… пожалуйста… ты не можешь забрать деньги… Если я не заплачу моему посреднику, он убьет меня!

— Вот как это работает — я просто даю тебе отсрочку. Смертный приговор — это твой выбор. Ты предпочитаешь, чтобы я вырубила тебя так, что ты очнешься тогда же, когда и эти молодцы?

— Я не шучу, леди… он правда подонок… он убьет меня… очень медленно.

Макс вздохнула и встряхнула головой.

— Ты бежишь в грубой толпе сынок, и время от времени ломаешь ноготь на ноге.

— Исус! Все это чушь!

Один из бандитов зашевелился, Макс врезала ему по голове и сказала ушастому дилеру:

— Если ты бежишь, то должен убегать… начать сначала. Найди новую жизнь, или продолжай эту в Портланде или Фриско.

Он поднялся на ноги:

— С чем?

— С кожей для начала. Толки свой пиджак. — Она сделала шаг назад, готовясь ударить его снова. — Или вырублю…

— Хорошо, хорошо! — он достал из кармана сверток.

Беря его, Макс поинтересовалась:

— Сколько здесь?

— Пятнадцать сотен… Может ты не поняла…

Она глянула не него:

— Исчезни.

Дилер последовал ее совету.

Она направлялась обратно к Крэшу, где ее ждал байк, в то время как ботинка дилера стучали по асфальту, отдаваясь глухим эхо в ночи, унося его как можно дальше от нее.

На следующий день Макс обнаружила Вогельсанга за его столом, набивающим рот Орео.

— Здоровая пища? — спросила она, выходя из тени.

Мужчина подпрыгнул — он не слышал, как она вошла. Он переводил взгляд с нее на двойные двери в передней части

прачечной, где азиатка должна была встречать посетителей.

— Я нашла другой путь, — сказала Макс.

— Что ты… что ты, черт возьми, здесь делаешь?

— Разве ты меня мысленно не отметил? — спросила она, приподняв бровь и подходя к столу. — Ты сказал тысяча.

— Да, и что?

Она бросила ему на стол толстый конверт. Он посмотрел так, будто конверт мог его укусить, затем взял его, взвесил один раз, потом еще. Затем он заглянул в конверт — он не был запечатан — и восхищенно изучил толстую пачку зеленых.

— Здесь тысяча, — сказала она.

— Похоже на то.

— Давай, пересчитай их.

— Не… Не хочу тебя оскорблять. — Он убрал пакет Орео в сторону, вытер рот тыльной стороной ладони и уселся обратно в кресло. — Теперь… кого ты хочешь, чтобы я нашел?

— Двух человек.

— Но здесь одна тысяча. Они что, вместе?

Она встряхнула головой.

Он поднял голову и показал знак мира.

— Макс, это два дела… раз, два.

— Пусть будет так, — пробормотала она и забрала конверт. — Я найду кого-нибудь, кому понравятся мои деньги.

— Стоп, стоп — нет нужды убегать как маленький фейерверк… С твоими деньгами все в порядке. Я возьму их как аванс, если ты поймешь, что для двух дел очевидно понадобится больше времени… И мы сможем двигаться дальше.

Макс не двигалась некоторое время, затем медленно расслабилась и опустилась на стул перед ней.

— Расскажи мне об этих людях, — попросил Вогельсанг после того, как деньги исчезли в ящике его стола.

— Первый — мужчина, белый, примерно моего возраста, атлетичный, задира.

— Особые приметы?

Она помедлила:

— Штрихкод на задней стороне его шеи.

Вогельсанг поднял взгляд:

— Что?

Она повторила сказанное и добавила:

— Просто прикольная татуировка… ну ты знаешь, как это бывает с неблагополучными детьми.

Казалось это все объяснило Вогельсангу, который делал какие-то записи.

— Есть идеи, где он может быть?

— Здесь. В Сиэтле.

— Это большой город.

— И это ваш город, мистер Вогельсанг. Вот почему я наняла вас. Если бы это было просто, то я бы уже нашла его.

— Дай мне более детальное описание. Больше, чем задира со штрихкодом.

Она подумала немного, затем сказала:

— Шесть и один, один девяносто наверно, темные волосы… я думаю.

Глаза Вогельсанга превратились в щелки:

— Ты думаешь?

— Я видела его десять секунд на дрянной видеозаписи.

Она рассказала, что увидела в новостях, и думает, что узнала давно потерянного «родственника».

— Может быть получится достать то видео у моего знакомого из CNN, — сказал Вогельсанг скорее самому себе. — У него есть имя, у этого давно потерянного родственника?

— Сет.

— Фамилия?

Она тряхнула головой.

— Не знаю. Он может использовать разные. Может даже другие имена.

Вогельсанг изучал свой блокнот, затем поднял взгляд на нее:

— Что-нибудь еще? Это достаточно мало.

— В новостях говорили, что он может работать на подпольного журналиста — Зоркого.

Глаза детектива расширились, и один из них дернулся к углу, казалось, что Вогельсанг побледнел еще больше.

— Если это правда…

— Что? Это может стать проблемой?

Мужчина пожал плечами:

— Может. Этот Зоркий в черном списке у правительства. Политика заставляет меня нервничать. К тому же, Зоркий погубил многих людей… не хочет быть с ними связанным. Тщательно следит за безопасностью.

Макс ободряюще улыбнулась сыщику:

— Вы найдете Сета, а я позабочусь о Зорком… Если будет жарко, то я возьму это на себя… если проблема в этом.

Переворачивая страницу в блокноте, Вогельсанг спросил:

— Окей, кто пропавший номер два?

Макс вздохнула:

— Боюсь это будет сложно, тоже… Может даже сложнее: женщина, Ханна, фамилии не знаю.

— Кто она такая?

Макс сосредоточилась на своих воспоминаниях, проигрывая ту первую ночь на свободе в своей голове. Перед ее мысленным взором появилась женщина лет тридцати, с осветленными волосами до плеч и широкопосаженными голубыми глазами цвета горной реки… смотрящими на Макс в ее памяти, как будто она все еще девятилетний ребенок, свернувшийся на полу в машине.

Она дала Вогельсангу описание.

— Что-нибудь еще?

Тахо едет по долине, затем тормозит перед Макс, колеса слегка проскальзывают, когда водетель жмет на тормоз. Макс изучает вайомингский номер, AGT 249, затем водитель обретает контроль над машиной и останавливается.

Макс назвала детективу номер машины.

— Это все?

— Она может быть медсестрой или кем-то из медперсонала. Может для федерального правительства.

Вогельсанг записал, затем взглянул на ее и дружелюбно улыбнулся:

— Окей… дай мне неделю. У тебя есть телефон?

— Пейджер. — Она дала ему номер.

— Хорошо, Макс. Я позвоню, когда найду что-нибудь.

— Для великого — вы лучше.

Покинув прачечную, Макс села на Нинзя и направилась домой. Сейчас она чувствовала себя одновременно ближе и дальше от своих братье, чем когда-либо.

Если внимание СМИ его не отпугнуло, то Сет где-то в этом городе, прямо сейчас…

Тем временем, пока Вогельсанг будет делать свою работу, она будет делать свою, вместе со своей новой семье в Джем Пони.

Забавно… за свое недолгое пребывание на земле, Макс была частью… и потеряла… трех семей. Сначала братья из Мантикоры, потом Барреты, и наконец Китайский Клан.

Она была разлучена со своими братьями странным сочетанием силы и обстоятельств, а побег от мистера Баррета был самообороной.

До сих пор поздно ночью… и сегодня будет одна из таких ночей… она чувствовала приступы вины за то, что бросила Люси, и за бегство от Муди, Фреска и других.

Она задумывалась будет ли компания Джем Пони такой же непостоянной.

Глава 7. ТЕАТРАЛЬНАЯ ВЕЧЕРИНКА

КИТАЙСКИЙ ТЕАТР

ЛОС-АНДЖЕЛЕС, КАЛИФОРНИЯ, 2019 ГОД

Это началось два дня назад.

Четверо детей Муди — в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет — были повержены выстрелами снайпера со стороны развалин бывшего Рузвельт Отеля. Два мальчики и две девочки, трясясь как непослушные дети, которыми они и были, упали в кровавом тумане на цементные квадраты, где сохранились отпечатки ладоней и ступней забытых знаменитостей.

Каждая попытка покинуть здание через какой-либо выход заканчивалась под градом пуль, повергающим людей Муди на землю в ожидании сметри. Прижатые таким образом — даже с едой и оружием под рукой — Муди и его команда не могли бы продержаться дольше недели. Но этого времени должно было хватить, чтобы составить план эффективного ответа, или даже, чтобы дождаться поддержки от города или от федералов.

Однако, молодежь клана была проблемой — даже в огромном зале, как в Китайском театре, клаустрофобия могла распространяться… особенно, зная, что любой шаг из здания положит конец твоей жизни в эхе оружейного выстрела. Из мешков с песком, мебели, корзин, старых сидений и других вещей, не прибитых к полу, были сооружены разбросанные по всему театру маленькие бункеры. Муди передвигался между ними — плавая как среброволосая тень, облаченная в черных халат поверх черной футболки и джинсов, для мелодраматичности — успокаивая всех словами и жестами, убеждая, что их крепость неприступна.

— Внешний мир примет во внимание наше тяжелое положение, — говорил он им. — Мы не забыты — нужно быть сильными, пока не придет помощь.

И его дети верили ему, если бы только Муди мог сам себе поверить…

Прямо сейчас, глядя через стеклянные двери фойе на ночную улицу, где четыре тела все еще лежали во внутреннем дворике в засохших жуткими коричневыми струпьями на асфальте лужах крови. Эти тела гротескно привлекали мух уже более пятидесяти

часов, и харизматичный лидер Китайского Клана боялся, что помощь уже не придет.

Снаружи, все еще невидимые, оставались их враги. Они парализовали их, как если бы Клан был солдатами в пограничном форте, осаждаемом бесконечными индийскими ордами. Но нападающие на них до сир пор не показали своей боевой раскраски. Попытки выслать тяжеловооруженные отряды разведчиков — не важно, в какой выход — заканчивались тем, что группы расстреливались в пределах пяти футов.

Враг знал обо всех секретных выходах из здания, а также о подвальных катакомбах, ведущих в канализацию и о туннеле в соседнее здание. Группы детей, которые были отосланы проверить эти проходы, были устранены.

Муди знал, кто стоял за всем этим: Выводок, конечно же. Он ожидал возмездие за похищение планов музея и за то, что буквально вырвал Сердце Океана из пальцев Русского. Но такое прямое полномасштабное нападение стало сюрпризом… он бы никогда не подумал, что Выводок пойдет на настоящую осаду…

В конце концов, несмотря на молодость, Китайский Клан превосходи Выводок (его члены были значительно старше) количеством возможно на треть, также они обладали повышенной огневой мощью, благодаря тому армейскому складу в Оранжевом Округе, который они ограбили в прошлом году. К тому же враги наверняка не знали, что удивительное боевое оружие, Макс, больше не была частью Клана…

Но вооружение Выводка, продемонстрированное за последние два дня — снайперкопы, автоматы — заставило Муди удивиться… такие пушки не легко достать…

Со всеми своими тактическими навыками — десантно-диверсионное обучение в далеком прошлом до сих пор оставалось с ним — Муди просто не представлял, как остановить эту резню.

Что касается «помощи», он верил, что его дети уже в пути. Муди так же из-за отсутствия реакции полиции мог сделать вывод, что Выводок подкупил копов, чтобы они не совали свои голубые носы в конфликт. Это было обычным делом для бандитских войн в Лос-Анджелесе: полиция получала деньги, иногда от обеих сторон, и позволяла «настоящим» плохим парням… уличным бандам… разбираться самим. Как в старой поговорке: кому какое дело, если этот сброд поубивает друг друга?

Но что действительно беспокоило Муди, и оставалось за пределами его понимания, это отсутствие реакции со стороны федеральных властей. В случае резни, подобной этой, вышедшей

из-под контроля местной полиции, должна вмешаться Национальная Гвардия.

Какое влияние может оказывать Выводок на федеральные власти? Такая вещь потребует бо'льших денег… и лучших связей, чем тот русский мешок с дерьмом, Кафельников, когда-либо имел. И если LAPD был вовлечен, — блокируя территорию Выводка, утаивая факты в прессе, активно сотрудничая с русскими — то федералы должны знать, что на Голливудском Бульваре льется кровь.

Что, черт возьми, происходит?

В серой футболке и легких брюках, долговязый жилистый Габриэль — с узи в руках и поясом с боеприпасами на талии — прикрывал спину Муди, пока лидер Клана всматривался в улицу.

Тяжело вооруженные члены Клана — старшие, закаленные, преимущественно мужчины — заняли позиции по обеими сторонам от стеклянных дверей, когда Муди кивнул Габриэлю, подзывая его к стойке, где они могли спокойно поговорить, чтобы ближайшие часовые их не слышали.

— Если они не планируют морить нас голодом, — сказал Муди своему заместителю, — они возьмут нас силой — будут штурмовать стены.

— Мы потеряли несколько человек, — сказал Габриэль, встряхнув головой. — Наш дух укрепился.

— Наши войска сделают все возможное.

Муди посмотрел на группу ребят — не старше восемнадцати — в футболках, джинсах и кедах, державшихся сзади с автоматами в руках. Веснушчатый Фреска с новенькой девочкой Нинер стоял рядом с другими бойцами неподалеку от Муди и Гейба.

— Даже с теми потерями, которые мы понесли, — произнес Муди, положив руку Габриэлю на плечо, — мы все равно имеем численное преимущество над этими ублюдками.

— Их средний возраст двадцать два, а наш — шестнадцать.

— У нас все еще есть количество. И это дает им только два варианта: диверсия — они пошлют своих лучших людей, вооруженных до зубов, и будут надеяться, что они справятся с нами. Или…

— Или, — закончил Гейб, — они устроят штурм.

— В обоих случаях, — продолжил Муди, — они не смогут удерживать каждый выход так, как это продолжалось эти два дня. Для здания такого размера потребуется треть их сил, чтобы удерживать все выходы.

— Значит, — сказал Гейб, обдумывая это, — если увидим, что эти сосунки идут на штурм, мы будем прорываться к выходам.

— Будем бороться, отступая, — произнес Муди с кивком. — И побьем их в их собственной игре.

— Как это?

Муди хищно усмехнулся:

— Мы пойдем в Кепку… И поменяемся штабами с этими сукиными детьми!

Гейб широко улыбнулся, его голова затряслась на страусиной шее.

— У Мудмана еще есть планы, как я вижу.

— Всегда. А сейчас я помогу тебе распространить слово.

В главном зале Муди и Габриэль именно это и сделали, и лица засверкали, боевой дух ощутимо поднялся, но страх все же оставался. И хотя он чувствовал, что план был неплохим, Муди все еще беспокоился из-за отсутствия местных и федеральных властей. Как бы он хотел, чтобы Макс была здесь… Она в одиночку могла бы переломить ситуацию в их пользу, и, конечно, облегчить борьбу.

Его охранник, Типпетт, выглядел воодушевленно, как всегда в байкерской коже, его татуированные руки были угрожающе обнажены, но этот страшный человек снял весь свой пирсинг — он никогда не шел в бой, предоставляя своему противнику шанс оторвать что-нибудь от его плоти.

— Я нужен тебе в холле? — спросил Типпетт.

— Нет, дадим им захватить холл… пусть попробуют дверь моего «кабинета», тогда мы узнаем, где они. Ты пойдешь к заднему выходу, туда… — показал Муди. — Там может быть кто-то из них, так что защищай свой зад.

— Нет проблем… Я так не веселился с тех пор, как свиньи съели моего кузена Фреда.

Муди понял, что улыбается.

— Мы должны по хотя бы повеселиться сегодня вечером…

Его черная одежда тянулась как тень, Муди пересек зал, обсуждая стратегию и поднимая боевой дух. Затем он поднялся наверх в старую аппаратную, где была комната Макс, и постучал.

Веснушчатый Фреска спросил:

— Да, сэр? Что я могу сделать, Сэр?

— Новенькая Нинер здесь, с тобой?

— Да, сэр. Я вроде… успокаиваю ее, сэр.

— Я надеюсь, что ты не делаешь ничего, чего не сделал бы я.

— Не сомневайтесь в этом, сэр, — Фреска ухмыльнулся.

Из всех этих детей один Фрес не казался напуганным этим осадным положением — была это смелость или глупость, Муди не рискнул предполагать.

— Ты и Нинер идите вниз и блокируйте двери.

— Чем?

— Используйте мешки с песком, которые мы сложили у лестницы прошлой ночью. Я хочу, чтобы они были сложены напротив главного входа.

— Так и будет!

Через пятнадцать минут, когда Муди снова проходил через холл, он видел, что веснушчатый мальчик и его новая подружка приступили к работе.

— Не волнуйся, Нинер, — сказал парень. Несмотря на то, что он был на несколько лет младше своей тощей подружки, Фреска говорил с авторитетом эксперта. — Увидишь.

— Ты правда считаешь, что Макс вернется? — спросила Нинер.

— О да, она просто выполняет какое-то поручение или типа того. Она приедет на этом своем байке и надерет Выводку задницу!

Подслушивая, Муди мог только пожелать, чтобы Фреска был прав.

Габриэль как будто появился из воздуха рядом с ним.

— Они знают о наших секретных выходах, — сказал Гейб тихо, — ты же не думаешь, что это Макс продала нас, правда же?

— Хорошо, что Фреска не слышал, что ты сказал.

— Что же ты думаешь?

— Думаю, нет. Никогда.

Муди отвел Габриэля в сторону, чтобы быть уверенным, что этот конфиденциальный разговор не будет подслушан.

Габриэль, с автоматом наизготовку, предположил:

— Они могли схватить ее… выпытать из нее информацию…

Муди взглянул на Гейба:

— Ты правда думаешь, что они смогли бы что-нибудь вытянуть из этой девчонки?

Сосредоточенное выражение лица Гейба растеклось в смущенную улыбку:

— Не слушайте бред, который лезет из меня… Наверное я понемногу схожу с ума.

— Тебе понравится в Кепке, — сказал Муди. — К концу дня мы выйдем отсюда… увидишь.

Взрыв ворвался в двери столбом красного пламени и серого дыма, отбросив Фреска и его девушку через весь холл к стойке, поливая их душем стеклянных осколков. Девушка, Нинер, обезглавлена большим куском стекла, ее головы не видно, возможно она сгорела. Фреска неподалеку от нее, из кровавого месева его живота тянутся кишки. Единственно милосердным было то, что он не был свидетелем того ужаса, который унес

жизнь его подруги.

Дети, стоящие на страже у этих дверей, тоже получили свою порцию разлетающегося стекла, но ни у кого не было серьезных травм. Но этого нельзя было утверждать точно, потому что когда дым рассеялся, и они в суматохе побежали в главный зал, их начали косить, словно высокую траву, автоматные очереди.

Стреляя во все стороны с боевыми криками, Выводок пересек патио и ворвался через остатки двери. С оружием в руках и горящими глазами, они перемахнули через осколки стекла и небольной барьер из мешков с песком, который успели сложить Фреска и Нинер перед тем, как умерли…

Муди и Габриэль, оставшиеся лицом к лицу с захватчиками, бросились в зал. Дети Клана, вооруженные пистолетами, а некоторые и винтовками, заняли оборону между стеной из мешков с песком и рядами театральных кресел. Два лидера действовали быстро, отправляя детей на защиту дверей зала. Затем они послали маленькие группы проверить выходы. Теперь, когда Выводок напалал в полную силу, появлялась возможность найти пути для побега.

Однако, каждая группа, направившаяся к выходу, обнаружила за дверями фигуры… солдат… в черной форме, тяжело вооруженных, блокирующих им путь.

Типпетт был первым кто обнаружил это и доложил Муди.

— Это не похоже на Выводок, — заметил Муди.

— Ничуть! Что-то вроде проклятого военного спецназа…

— Есть жертвы?

— Нет, они не стреляли в нас… Мы вернулись назад прежде, чем они смогли…

Еще четыре группы вернулись и сообщили, что их выходы блокированы.

Габриэль произнес:

— Выродки окружили здание! Эти парни блокируют нас, пока Выводок веселится здесь!

Теперь для Муди все обрело ужасающий, сумасшедший смысл: это объясняло осаду и внезапно выросшую боевую мощь Выводка… У Русского была поддержка высого уровня и даже санкции федерального правительства…

Муди посмотрел на двери в зал, где были нагромождения мешков с песком высотой до талии. Враг ворвался в холл около пяти минут назад и еще не предпринял мер, чтобы попасть в сам театр непосредственно.

Где они, черт подери?

Далекий взрыв, за левой стеной зала, сопровождающийся криками, подсказал ответ: взрыв донесся из коридора, в котором

находился кабинет Муди и дверь, нашпигованная С4. Это сказало ему две вещи: враг проник в здание и собирался попасть в зал не через главные двери. Но это говорило и о том, что его ловушка захлопнулась.

Он надеялся только на то, что С4 унесет побольше ублюдков.

В этот момент Муди стало кристально ясно, что они не смогут сбежать. Они могут выиграть или проиграть, выжить или умереть прямо здесь, в этом зале… И вторые варианты нравились Муди гораздо меньше…

Прямо сейчас Габриэль выкрикивал приказы, но дети выглядели напуганными и почти не слышали их. Ад стучался с их дверь, и подбадривающие выкрики не могли изменить этого.

Превращение детей в самоуверенных воров было одной вещью, а превращение их в солдат другой. Муди никогда не пытался сделать последнего, дети не были для этого предназначены.

Металлический скрежет пулеметного огня полился на них с балкона — это было первое появление Выводка в зале. А затем двери вынесло зарядом взрывчатки, и поток бойцов Выводка хлынул в зал. Они с криками перепрыгивали через баррикады, оружие сверкало в их руках, глаза блестели диким огнем, они стали безумными маньяками.

Хотя Муди по-своему любил этих детей, но этот бой был проигран. Он начал думать, как выжить самому, забрать Сердце Океана из тайника и скрыться в ночи.

Затем Типпетт помог ему в этом эгоистичном желании: охранник бросился на Муди и повалил его на пол, закрывая лидера собственным телом. Прижатый таким образом к полу, Муди с горечью наблюдал, как развернулась резня…

Всюду вокруг него пули врезались в молодые тела как в тряпичные куклы, а затем отбрасывали мертвые тела на пол. Выводок распространялся смертоносной волной, убивая всех, кто двигался, и даже тех, которые поднимали руки, чтобы сдаться. Сквозь грохот выстрелов Муди мог расслышать крики, мольбы о пощаде и самое ужасное — плач. Резкий запах кордита пропитал воздух. В тумане, созданном оружейным дымом, члены Выводка были похожи на до зубов вооруженных кровожадных зомби.

Как сумасшедший Дейви Скрокетт, Габриэль размахивал стулом взад и вперед, но мебель никак не могла выстоять против автоматов. И Муди беспомощно наблюдал, как по меньшей мере тридцать пуль попало в Гейба, заставляя его дергаться в чудовищном танце и подбрасывая над полом, чтобы повалить его на пол окровавленной бесформенной кучей неподалеку от лица Муди.

Невидящие глаза Гейба обвиняюще уставились на Муди…

Огонь ослабевал, теперь раздавались одиночные выстрелы, если были замечены случано выжившие члены Клана, как последние фейерверки четвертого июля.

В коричневом кожаном пальто до колена и ботинках из змеиной кожи Михаил Кафельников — его лицо с высокими скулами выглядело безжалостным и жестоким — казалось, скользил вниз по наклонному полу зала, привиделние в желтой шелковой рубашке, выплывающее из оружейного тумана. Он осматривал поле боя — теперь они все мертвы, Китайский Клан… или почти все…

Один парень из Выводка, тощий ясноглазый лейтенант, подошел к лидеру, который отталкивал от себя автомат.

— Сожалею, — сказал лейтенант. — Никаких следов девчонки.

— Проверь все трупы, но осторожно! Если она жива и притворяется мертвой, ты столкнешься с дикой кошкой. Помни инструкции!

Упоминание о Макс, воодушевило его, и Муди внезапно выдал себя, оттолкнув охранника и поднимаясь на ноги (украдкой достав нож из своего ботинка, он зажал его в ладони и спрятал лезвие в рукаве).

Несколько бойцов выводка с глазами, блестящими от наркотиков и вида крови, стремительно двинулись к нему, поднимая оружие, но Кафельников крикнул:

— Нет! Вам было приказано!

Два бугая из Выводка взяли Типпетта под руки и поставили его на ноги. Бывший полузащитник не сопротивлялся — его взгляд блуждал по полу… Вид убитых детей значил для него слишком много.

Медленно Муди приблизился к Русскому на расстояние нескольких шагов, сжимая руку, чтобы никто не заметил ножа. Он произнес:

— Ты приказал им не убивать меня. Я не удивлен.

— Почему же это, Муди?

Лидер Клана проигнорировал этот вопрос и сказал:

— Я всегда подозревал, что ты варвар, — он оглядел зал и дюжины мертвых детей на полу, их кровь стекала по наклонному полу зала, как пролитая газировка. — Ты подтвердил это.

Лидер Выводка издал сдавленный смешок:

— Храбришься на последок… Я ценю это, Муди. Я мог бы сказать, что ты заслужил быструю смерть.

Горькая улыбка появилась на морщинистом лице:

— Ты не собираешься убивать меня, Михаил… пока.

Кафельников в удивлении приподнял бровь и слегка улыбнулся:

— Ты прав. После всего… у нас есть дело.

Оглянувшись на свою растерзанную семью, Муди спросил:

— Правда? И почему это я должен иметь дела с мясником?

— Потому что в глубине души ты эгоист, Муди… несмотря на этот «лояльную» чушь, которой ты кормил свою «семью». И у тебя есть две вещи, которые интересуют меня.

— Ожерелье, — произнес Муди.

— Да, и…

— Девчонка. Макс. Я слышал… Почему? — глаза Муди сузились и он изучал вытянутое, привлекательное лицо Русского. — Месть? Она оскорбила вас в вашем собственном доме? Очень вас жаль.

Кафельников выкручивал свои пальцы. Вокруг них сформировалось кольцо бандитов Выводка — автоматы везде, куда бы ни посмотрел Муди. Не так уж много он сможет сделать с ножом… Может перережет глотку Русскому и попробует захватить лидерство…

Так или иначе, он не думал, что это сыграет, даже в кинотеатре.

— Где, — спросил Русский — ожерелье?

— Не хочу тебя разочаровывать… но я уже продал его. Дело сделано. И денег нет. Я перевел их в швейцарский банк.

Кафельников кивнул один раз, и двое бандитов, державших Типпетта, отошли от охранника подальше. Муди нахмурился, пытаясь понять, что бы это значило…

Русский поднял руку, в ней был автомат. Он выстрелил влево от Муди туда, где стоял Типпетт.

Крик охранника этом разнесся по залу вместе со звуком выстрела. Типпетт схватился за ногу, красный цветок расцветал на его ноге между браслетами, которые были защелкнуты на его правом колене.

Муди стиснул пальцы, ладонь, в которой он держал нож, побелела. Он сделал рефлекторный шаг вперед, но замер, услышав щелчки автоматных затворов. Типпет затих, его руки по-прежнему сжимали раздробленный сустав.

— Я в порядке Муди, — сказал охранник. — Не волнуйся обо мне.

— Так что ты говорил? — обратился Русский к Муди.

— Я говорил… Сделка с Сердцем Океана уже окончена… Но я могу свести тебя с покупателем. Ты сможешь вернуть камень… хоть в зад его целуй, меня это не заботит.

Кафельников снова поднял автомат, выстрелил, и еще один

крик Типпетта сотряс зал, темно-красные лепестки распустились на другом его колене. Типпетт опустился на пол, и поскуливал там, как обиженная собака.

— Муди, — вздохнул Русский. — Я не недооцениваю твой интеллект… зачем ты оскорбляешь меня, надеясь что я поверю твоим выдумкам? Я знаю кто был твой потенциальный покупатель… он договорился со мной о лучшей цене, и в то же время он договорился с тобой об отсрочке, для того, чтобы перетрясти свои фонды и найти деньги для той басновловной цены, которую ты запросил. Так что… мне нужно доставить ему Сердце Океана… Где алмаз, Муди?

— Скажи мне, Михаил, — попросил Муди. — Твои люди не находят эту желтую рубашку немного… женской?

Русский нахмурился и выпустил несколько пуль, прошивших живот и таз Типпета. Охранник в агонии катался по земле, умоляя убить его, но никто не двигался.

— Где ожерелье? — спросил Кафельников сквозь крики, его голос дрожал.

Но вместо ответа Муди повернулся и воткнул нож… … в грудь своему охраннику.

Типпетт прошептал:

— Используй свои уловки, Муди, — и закрыл глаза.

Кафельников прыгнул вперед и ударил Муди прикладом.

С глубокой раной на щеке, Муди стоял на одном колене перед Русским, будто тот собирался посвятить его в рыцари. Но вместо этого Кафельников схватил Муди за серебряный хвост и ударил пожилого человека лицом об пол. Муди издал один приглушенный стон, когда поднимался, его нос был сломан, кровь стекала на его черную футболку.

— Если не хочешь говорить мне, где ожерелье, — сказал Кафельников, — то хотя бы скажи, где девчонка.

— Кто… черт возьми… тебе помогает?

— Я задал вопрос. Скажи мне, я сохраню тебе жизнь, мы вместе продадим ожерелье. Ты можешь быть моим помощником, Муди…

Рассудок Муди, затуманенный болью, пытался осмыслить это: что делало Макс более ценной чем Сердце Океана?

— Где она, Муди? Или ты тоже хочешь начать терять свои коленные чашечки?

Муди сглотнул кровь, затем пробормотал:

— Уехала. Девчонка… уехала.

— Проклятье! Не ври мне!

— Ты ее видишь? Она уехала, говорю тебе…

— Куда?

— Она… она не сказала. Молчала как…

Кафельников снова ударил его голову об пол. Кровь взорвалась брызгами вокруг лица Муди.

В этот момент Муди, едва остававшийся в сознаний, услышал шаги тяжелых подошв по бетонному полу. Вошел кто-то новый, кто держался в стороне… наблюдал.

— Это твой последний шанс, Муди. Где она?

Сквозь выбитые зубы и кровоточащие губы, Муди смог сказать:

— Не переживай, Кафельников… Однажды она узнает, что ты сделал с ее семьей… Тщательней оглядывайся по сторонам… Она вернется.

Тяжелые шаги раздались снова… они приближались.

Муди повернул голову на звук и увидел мужчину в черном военном обмундировании — блондин, за сорок, его лицо могло бы показаться мальчишеским, если бы не змеиные прищуренные глаза.

И Муди знал, просто знал: он мог почувствовать военную выправку мужчины, не было никаких сомнений, что это был тот дьявол, с которым Кафельников заключил сделку.

— Это и есть главарь? — спросил блондин. — Это Муди?

Кафельников поднялся, оставив Муди в луже крови.

— Да, полковник Лайдекер, — прошептал Кафельников. — Все, что от него осталось. Но он сказал…

Блондин и Русский стояли около Муди, больше никто не слышал их приглушенного разговора…

Рот Лайдекера искривился на безразличном лице:

— Я слышал, что он сказал, Михаил.

Оглянувшись по сторонам, Муди увидел, что блондин в черном безобидно улыбается ему сверху.

— Если ты знаешь, где девчонка, и скажешь нам… То я не только оставлю тебя в живых, но и позволю сохранить ожерелье.

Муди почувствовал бессознательное желание подняться и схватить его. Он произнес:

— Если бы я знал… то сказал бы…

Лайдекер разглядывал его как лабораторную крысу:

— Но ты не знаешь?

Муди тряхнул головой и брызги крови упали на пол.

— Не больше того… что хотел бы увидеть… как она надерет ваши задницы…

Протянув руку, Лайдекер опустился на колени перед Муди и обратился к Русскому:

— Твое оружие, пожалуйста.

Кафельников вложил в руку полковника автомат.

Лайдекер спросил Муди:

— Ты религиозный человек?

— Нет.

— Значит тебе не нужно времени на молитву.

Но Муди сделал быстрый рывок, так Макс будет в безопасности, за секунду до того, как полковник выстрелил, посылая пулю через левый висок Муди, она вышла через правый и застряла в полу.

— Проклятье! — пробормотал Русский, отходя. — Да что с тобой!

Лайдекер схватил Кафельникова за руку, и прошептал ему на ухо:

— Что с тобой, Михаил? Ты заставил меня убить этого человека: он слышал, как ты назвал мое имя. Меня здесь не было… помнишь?

Затем, поджав губы, Лайдекер вернул автомат русскому и отпихнул его от себя.

Бойцы Выводка переглянулись, удивленные тем, что их лидер не протестует против подобного обращения.

Когда Лайдекер шел по залу к выходу, Русский обратился к нему:

— Раз он теперь мертв, как я должен искать камень?

Не оборачиваясь, Лайдекер ответил:

— Он должен быть где-то в здании. Ищи сам… У тебя есть несколько часов, прежде чем сюда прибудет полиция… Я прослежу за этим.

Русский возразил:

— Но у вас есть люди! Могли бы по крайней мере…

От двери Лайдекер послал легкую улыбку Русскому:

— Вы сегодня получили от меня всю помощь, какую могли… Дайте мне знать, если обнаружите следы девчонки.

Затем блондин в черном оглянулся на дюжины мертвых членов Клана, разбросанных как смятые конфетные обертки по полу театра.

— Ужасная вещь случилась с этими детьми, — пробормотал Лайдекер.

И ушел.

Глава 8. АТАКА ИСКУССТВА

СТЕРЛИНГ ЭСТЕЙТ

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Под прикрытием густого тумана, Макс пересекала Паджет Саунд на маленькой потрепанной моторной лодке. Навесной мотор шумит как усталый пылесос. Она «позаимствовала» лодку в ближайшем прокате для туристов, конечно, она предпочла бы более быструю и мощную… но отсутствие такой лодки могло бы привлечь лишнее внимание.

Такая тактика была второй натурой X5. Ночь была безветренной, но прохладной, почти холодной. Остров Вашон, цель ее путешествия — дом ее цели — лежит где-то в тумане за портом. В черной водолазке, черных брюках и ботинках на толстой подошве — и новом черном кожаном жалете с карманами для всех ее игрушек — она могла бы быть (но не была) коммандос но одиночном задании. Костюм обошелся недешево, но ведь может же быть бандит стильным?

Этот холодок в воздухе предвещал мороз, и Макс была рада, что ей не придется плыть. Просто потому что она была генетически улучшена, чтобы переносить такого рода неудобства как отмораживание некоторых частей ее тела, она не видела причин создавать сложности.

Пока лодочка ползла в тумане, Макс опустила дроссель мотора, чтобы не афишировать свое присутствие в этой тягучей ночи. Вполне возможно, что в этой богатой части мира есть охрана, о которой она не знала.

Какая-то охрана могла здесь быть. Дом Стерлиг, изолированный многолиллионный замок на острове Вашон, расположенный на Юго-Западной Дороге Шоуни за высокой кирпичной стеной, и несомненно должен иметь современную систему защиты. Доступ на остров обеспечивали платные паромы — один на северной стороне, другой у южной окраины — хотя Макс знала, что они были не единственным способом попасть на остров.

Драгоценность, которую она искала, могла охраняться видеокамерами, инфракрасными датчиками давления и еще бог знает чем, но Макс все равно должна была улыбнуться. Там не было никаких мин и лазеров, пытающихся разорвать ее на куски,

простое проникновение в дом, как прогулка в парке… или катание по озеру.

Даже сейчас, когда она двигалась сквозь туман с определенной целью, внутри у Макс было что-то вроде персонального тумана. Она была разочарована тем, что она вынуждена отклониться от праведного пути. Она бы хотела, чтобы честный и прямой путь был для нее бесконечным…

Ей нравилась идея того, чтобы не быть грабителем, она наслаждалась мыслью о том, чтобы стать еще одной прямой дорожкой в мире прямых дорожек. Но долго обманывать себя она не могла: Макс не была нормальной, не была честной, она просто пряталась в этом мире, за этим фасадом.

Заправлять Нинзя, когда топливо стоит больше восьми баксов за галлон, покупать нормальную еду и время от времени пиво, платить за жилье, даже с помощью Кендры — все это не могла покрыть ее жалкая зарплата курьера. И нормальный человек — честный человек — смог бы справиться со всем этим, сумел бы обеспечить себе такое существование.

Но она еще должна покупать на улице триптофан, чтобы контролировать приступы — один из генетичеких недостатков экспериментов Мантикоры — и находить средства для оплаты поисков Сета и других ее братьев… Конечно Макс знала, что это только вопрос времени, когда ей придется вернуться к ремеслу, которому ее обучил Муди — возможно преступление было ее истинным призванием.

Она просто надеялась, что не придется возвращаться к этому так скоро.

В частности, частные поиски следов Сета (и Ханны) требовали много наличных. Конечно, Вогельсанг мог оказаться не так хорош, но Макс нуждалась в нем. Детективное агенство классом повыше потребовало бы больших затрат, могло испытывать недостаток в связях с темной стороной города, и также могло быть связано с властями, а именно контакта с ними она пыталась избежать.

С тех пор как она приехала в Сиэтл, Макс читала местные новости в сети, заимствуя ноутбук Кендры. Она пыталась разузнать побольше о Зорком и, она надеялась, о Сете. Но в последние дни она обращала вытренированное Муди внимание и на потенциальную добычу.

К сожалению, она не узнала ничего определенного о Зорком — по словам мэра он был «угрозой» и «награда за информацию, которая может привести бла-бла-бла» — и не нашла никакой связи с Сетом… Никаких упоминаний кроме той стычки с полицией, которую она видела на CNN.

Но она наткнулась на историю о владеющем миллиардным состоянием коллекционере предметов искусства — и политическом деятеле — по имени Джаред Стерлинг.

Недавнее внимание прессы было направлено на последнее «главное» приобретение Стерлинга — оригинал картны Гранта Вуда под названием «Смерть на горной дороге». На цветных фотографиях Стерлнг выглядел мужчиной под тридцать и выглядел неплохо… Длинная белокурая шевелюра, аккуратно подстриженная бородка, проникновенные голубые глаза, короткий прямой нос, тонкая решительная линия губ, растянутая в хитрой улыбке, по крайней мере на этой фотографии.

Хорошо выглядящий и упакованный, думала она, пока смотрела на экран. Может, бросить воровство и пойти охотиться на папиков…

На нескольких фотографиях рядом со Стерлингом была картина — немного мультяшное изображение старинного красного грузовика, несущегося навстречу черной машине, стоящей поперек узкой извилистой дороги… написана в 1935 году, судя по подписи.

Макс не знала этой картины, но — спасибо урокам Муди — она конечно же знала Гранта Вуда и его примечательный стиль. Также она знала, что за работы Вуда можно выручить девяносто-сто тысяч теперь, когда так много образцов американского искусства было распродано.

Из-за ее сильно исковерканного воспитания у Макс практически не было представления, что значила Америка раньше, но она знала, что Муди был возмущен подобными вещами. Зал Бейсбольной Славы был продан и перенесен в Киото, Япония, нельзя не упомянуть Статую Свободы, которую приобрел султан Брунея — очевидно, что Америка (как разглагольствовал Мули) и все ее имущество были распроданы тому, кто давал лучшую цену.

Однако для Макс эта картина значила одну вещь: деньги, которые она за нее выручит, будут покрывать расходы Вогельсанга долгое, долгое время…

Макс много знала о искусстве, художниках, драгоценностях, антиквариате, коллекционировании… черт, она даже знала стоимость бейсбольных карточек. Муди многому ее научил — не из альтруистических соображений и не для того, чтобы расширить ее горизонты (по крайней мере это не было основной целью).

Более того, ее наставник знал, что Лос-Анджелес был городом коллекционеров, и даже после Импулься и Большого Землетрясения, он полнился ценными экспонатами. Китайский

Клан время от времени натыкался на некоторое количество бесценных объектов во время своих воровских вылазок. И Муди, который все реже и реже сопровождал своих детей на их операциях, хотел убедиться, что научил их определять наиболее ценные вещи, и методично передавал свои знания Макс.

Макс быстро училась, она быстро усваивала материал, который давал ей Муди, и требовала еще. Она говорила себе, что ее интерес исключительно практический, но тем не менее искусство затрагивало что-то внутри нее.

Это дошло до того, что она могла зайти в любую антикварную лавку в любом городе и с первого взгляда определить, что стоило бы украсть, а что нет. Она определила, просто посмотрев, что Сердце Океана не было подделкой, уровень одной только системы безопасности был предупреждением. Но камень разговаривал с Макс и говорил ей, что дело того стоит.

Она сделала домашнюю работу по сети, узнав о Джареде Стерлинге, картине и месте, где он сейчас держал ее. Большая часть информации могла быть найдена любым человеком с помощью спутника Комсат. Но для вытренированного Мантикорой хакера вроде Макс кибермир был устрицей, производящей одну интернет-жемчужину за другой…

Надо добавить, что Стерлинг сделал деньги ра восстановлении компьютерной инфраструктуры после Импульса. Практически единолично Джаред пробудил Интернет и заставил его снова работать на западном побережье. И хотя это была лишь тень прошлого, многое пришлось начинать сначала, но Сеть все же работала и продолжала динамично развиваться.

Нахождение в правильном месте в правильное время и обладание правильными технологиями, дало Стерлингу богатство, сопоставимое с Биллом Гейтсом (естественно перед импульсом, до знаменитого краха Гейтса). Убитые горем штаты восточного побережья пресмыкались перед Стерлингом, пытаясь убедить его помочь им вернуться в виртуальный мир, но когда они не хотели (а вернее не могли) согласиться на его цену, он оставлял их ни с чем.

Трезвый способ ведения Стерлингом бизнеса — что часто делал его мишенью для либерально настроенных писак — означал, что как только один из восточных штатов приползал назад, чтобы согласиться пользоваться его продуктами и услугами, цена удваивалась, если не утраивалась. Скупой характер Стерлинга был легендой, и не так давно главный левый политический журнал страны, Хастлер, признал его «Постимпульсным хищником месяца», обвиняя его в отсутствии совести.

«Многих бизнесменов называли акулами, — писал публицист Лоуренс Флинт III, — но Стерлинг именно ей и является. Слухи говорят, что сзади на его костюмах стоимостью в тысячи долларов есть прорезь для спинного плавника».

Политика нагоняла на Макс тоску. Конечно, она знала, что Мантикора была связана с федеральным правительством, значит федеральное правительство… плохое.

Что же касается живописи, Макс уже знала, что «Смерть на горной дороге» была написана Вудом в 1935. Из интернета она узнала, что это работа маслом на масонитовой панели, размером тридцать два на тридцать девять дюймов… и это делало ее достаточно большой и громоздкой для вора-домушника. Но ее стоимость вполне перевешивала фактор стычки.

В 1947 Коул Портер, композитор двадцатого века (в сети она нашла названия нескольких его наиболее «популярных» песен, но они ничего не говорили Макс) передал картину в дар Музею Искусств колледжа Виллиамс в Массачусеттсе.

После Импульса «Смерть» на десять лет исчезла, и недавно всплыла на том мольберте рядом со Стерлингом.

Сетевой магнат только засмеялся, когда пресса поинтересовалась, где он нашел картину, и отклонил все предположения о том, что она могла быть похищена. Такие проблемы с собственностью стали спорным вопросом после Импульса.

— Я выкупил ее у чакстного коллекционера, — вот что он говорил.

И ни в одном средстве массовой информации не сообщалось о том, что через два дня после появления фотографии Стерлинга с коллекционером работ Гранта Вуда из Майами по фамилии Джонсон, последнего прибило к берегу в Мексиканском заливе, и он был признан жертвой случайного кораблекрушения.

Этот факт она узнала не из сети. На самом деле он пришел из источника, который тоже был объектом ее внимания… Когда она и Чудачка Синди ждали в Джем Пони свои очередные задания, трансляция Зоркого прервала выпуск новостей CNN…

«Этот канал взломан ровно на шестьдесят секунд, — произнес незабываемый голос, на экране появились ясные глаза между синей и красной полосами сверху и снизу, по которым двигались белые буквы (потоковое видео свободы). — Его нельзя отследить, его нельзя остановить, и это единственный голос свободы, оставшийся в городе.» — Кроме Чудачки Синди, — добавила Синди.

Скетчи поклонился:

— Я раскусил этого парня — он напряжен.

— Он просто очередной искусный жулик, — сказала Макс, не особо впечатленная.

«Средства массовой информации проигнорировали эту маленькую новость. Но Зоркого интересует есть ли связь между мертвым торговцем Гарольдом Джонсоном и живым и здоровым коллекционером Джаредом Стерлингом…» После того, как она вытащила лодку на песок и спрятала ее в прибрежном кустарнике, девушка в черном по-кошачьи направилась по благоустроенной лужайке к забору особняка Джареда Стерлинга. Туман был очень плотным, фактически он напоминал прилипшее к земле облако, которое сбилось со своего пути, и это делало Макс практически не различимой для камер видеонаблюдения.

Забор — семь футов кирпича с видеокамерами на каждом углу — казался не таким уж большим препятствием для Макс. Она подскочила, легко взлетела на вершину, спрыгнула вниз и грациозно приземлилась на траву. Внимательно прислушавшись, она не услышала ничего кроме тишины. В тумане в отдалении едва можно было разглядеть тень дома, похожего на замок Пригнувшись, она кралась вдоль стены, избегая камер, хотя и была уверена, что они не смогут засечь ее, пока она не подойдет вплотную к одной из них. Впереди были сто ярдов по похожей на бильярдный стол зеленой лужайке — никакого уклона, ровная и плоская — до вырисовывавшегося кирпичного дома. Макс преодолела это пространство так быстро, что ее времени мог позавидовать любой Олимпийский бегун.

Она ожидала увидеть собак, но не чувствовала присутствия животных: собаки застявляли подергиваться кончик ее кошачьего носа. Другим ее реальным страхом… или предчувствием… были датчики движения, которые могли бы поднять тревогу. Ничего. И единственные огни во всем огромном доме горели в двух окнах на первом этаже.

Комната охраны, подумала Макс.

Вблизи трехэтажный дом казался огромным. В статье онлайн издания Архитектурного Обозрения говорилось, что здесь семь спален, две кухни и четыре ванных комнаты. В пристройке в противоположном конце поместья Стерлинга круглосуточно находилась группа из десяти охранников (этот факт она выяснила, взломав сайт охранной компании, чей ID она получила на официальном сайте Стерлинг Энтерпрайс). Восьмифутовые ели стояли перед окнами как гигантские зеленые стражи. В центре ближнего фасада дома были французские двери с окнами по обеим сторонам, и они были связаны с комнатой охраны с задней стороны дома.

Она не должна идти этим путем.

Большинство взломщиков домов избегало единственной точки проникновения, которая не вызывала воя сирен или лязга звонка, когда она открывалась: парадной двери.

Это было только потому, что большинство домушников не обладали уникальными навыками Макс.

Даже здесь, за охраняемым забором параноидального биллионера Джареда Стерлинга, у Макс было добрых тридцать секунд, чтобы подобрать правильный код сигнализации, прежде чем команда из десяти охранников доберется до нее. Клавиатура и код к ней делали это немного более сложным чем отнять конфетку у ребенка.

Немного.

Четыре широкиих бетонных ступени, по обеим сторонам которых располагались внушительные бетонные львы, вели к маленькой площадке перед огромной зеленой дверью (Макс она казалась огромной долларовой купюрой) с причудливой медной кнопкой и декоративным дверным молоточком над ней. К счастью, свет у подъезда не горел.

Большие занавешенные окна, каждое около тридцати дюймов в ширину, располагались по обе стороны от двери. Макс на секунду захотелось разбить одно из них, влезть внутрь и устроить трепку тем парням их охраны… просто потренироваться… ради забавы…

Не без удовольствия ей вспомнились наставления Муди («Только дилетанты рискуют без особой надобности»), и Макс достала из кармана складной нож и просунула его конец в замок большой зеленой двери. Менее чем через десять секунд, гиганская купюра открылась, словно зевая, и Макс тихо начала считать.

Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь…

Макс вошла в прихожую, и темнота поглотила ее, даже ее ночное зрение скоро откажет. Она сложила нож и убрала его обратно. Было так тихо, что она слышала тиканье нескольких часов, свое дыхание и отсчет у себя в голове.

Двадцать пять, двадцать четыре…

Пульт сигнализации находился на стене справа, каждая кнопка удобно подсвечивалась, в правом нижнем углу горел красный огонек, и зеленый — в левом, медно-красный дисплей был над кнопками с цифрами. Она была права: десять цифр. Как правило, код состоял из четырех.

Двадцать два, двадцать один…

Своим выдающимся зрением она различила четыре цифры, — 1, 3, 7, 8 — которые были потертыми. Код был одной из двадцати четырех комбинаций из них…

Шестнадцать, пятнадцать, четырнадцать…

Ее пальцы порхали по кнопкам, а глаза, уши и мозг работали лишь на несколько наносекунд медленнее чем компьютер.

Десять, девять…

Одиннадцать комбинаций испробовано.

Восемь, семь…

Семнадцать испробовано.

Шесть, пять, четыре…

Наконец, нужная комбинация нашлась, и красный огонек сменился на зеленый. Думая, что разбить окно было бы гораздо веселее, она улыбнулась не без удовлетворения, нажала на отмеченную кнопку, и снова загорелся красный огонек.

Дом был под охраной… … во всяком случае охранники Джареда Стерлинга должны были так думать.

Ночное зрение Макс работало в полную силу. Она находилась в холле, который был больше, чем в большинстве домов. Пол был мраморный (бледно-желтый, судя по фотографиям в сети), стены оштукатуренны, обстановка здесь и во всем доме была в колониальном стиле, некоторая мебель была винтажной, включая некоторые подлинники Франка Ллойда Райта. Она попала в необыкновенно красивый мужской мир, где каждая вещь, даже самая земная, могла быть ценным произведением искусства.

Впереди была лестница, достаточно широкая, чтобы на ней могли встать десять человек в ряд, она вела на второй этаж к длинному коридору, который уходил в разные части дома. Глядя наверх, Макс могла разобрать пару темных деревянных дверей, которые в сочетании с оштукатуренными стенами, делали второй этаж похожим на коридор недорогой гостиницы.

С левой стороны лестницы, на полпути наверх, в стену была вмонтирована маленькая камера, направленная на вход.

Слева и справа от Макс были закрытые двери, ведущие в жилые комнаты, бильярдные, кладовые и еще несколько помещений, функции которых не были обозначены в ее интернет-источниках. Она пыталась найти планы дома, но несмотря на то, что она взломала сайты охранной компании и компании Стерлинга, плюс сайт архитектора, построившего замок, планы дома Стерлинга оставались неуловимыми и охранялись так, будто были государственной тайной. Все что знала Макс, сообщило ей Архитектурное Обозрение.

Портьеры над передней дверью были из тяжелой темно-бордовой парчи. Довольно вычурно, подумала Макс, но под ними можно найти оклеенную стену или пластиковые панели. Стерлинг мог позволить себе жить хорошо, и качество его жизни было отражено в качестве его вещей. Если бы она могла, Макс

подогнала бы фургон к главному входу и потратила бы остаток ночи, перетаскивая в него добро из этого музея, и после этого могла бы уйти на пенсию в девятнадцать.

Прижамиясь к стене, она продолжала огибать холл, пока не оказалась у левого крыла лестницы рядом с камерой. Пригнувшись, она поднялась на ступеньку к камере, встала за ней, аккуратно отвинтила ее от крепления, затем отсоединила провод. Все это время она прислушивалась к звукам шагов, которые были бы верным знаком того, что ее засекли.

Она ничего не услышала. Только те же самые часы… и, конечно, четкий ритм ее сердца.

Затем из кармана жилета она достала устройство, похожее на маленький тазер, коснулась им провода, посылая поток высокого напряжения по кабелю. Это должно закоротить систему видеонаблюдения.

Теперь она услышала звуки шагов, голоса, а также тихий шепот, чтобы не помешать любому налетчику. Она вернула камеру на ее место на стене и надеялась, что камера выглядела нормально и могла выдержать беглый осмотр. Затаившись за одной из парчовых портьер, она наблюдала как четверо мужчин в рубашках и галстуках заходят в холл.

У двоих из этих элегантных охранников были кольты 38 калибра, другие двое держали автоматы Хеклер и Кох MP7A. Волна негативных эмоций захлестнула Макс, моментально ломая ее замечательное самообладание.

Оружие заставляло ее так реагировать, но это был не страх… … она знала, как пользоваться таким оружием, но в теории. С момента смерти ее сестры Евы, Макс не могла даже прикасаться к этим чертовым штукам.

У каждого мужчины был наушник и… что это? Она присмотрелась, сработало волшебство ее кошачьего взгляда, — да, у каждого из них был крошечный микрофон, прикрепленный к концу рукава. Стерлинг был серьезно настроен по части охраны своего имущества: несмотря на костюмы и галстуки, эти парни были не меньше шести футов ростом, им было от двадцати пяти до сорока, два белых, один черный и один испанец, все в хорошей форме, у них были профессиональные манеры и твердый взгляд, какие встречались только у кадровых солдат… или наемников.

Макс улыбнулась, она почувствовала волнующее покалывание…

Не то, чтобы разглядывание мужчин напугало ее или запугало. Но она знала, что если хозяин дома идет на такие меры, чтобы защитить что-то, значит действительно есть что-то, что надо защищать… что-то даже более ценное, чем дорогостоящая

картина Гранта Вуда. Может быть, она получит даже большую добычу, чем могла представить.

И, конечно, ей нравилось сражаться с достойными противниками…

Высокий мужчина с седым ежиком волос, старший из всей четверки, принял командование. У него были узкие бесцветные губы, и шрамы, размером с десятицентовую монету, на каждой щеке. Одет он был — как и Макс- во все черное с головы до ног, включая рубашку и галстук.

— Морер, — приказал главный, — наверх.

Один из парней с MP7A — черный, широкоплечий, коротко стриженный, в золотой рубашке и полосатом галстуке — поднимался по лестнице к камере, которую Макс использовала, чтобы отключить систему видеонаблюдения.

— Джексон, — гаркнул главный.

Второй парень с MP7A, Джексон был идентифицирован Макс, когда сделал шаг вперед. Большой, белый, самый молодой из них, он выглядел как спортсмен из колледжа, выходящий к обеду в серых брюках и галстуке в красно-синюю полоску.

Главный продолжил:

— Ты работаешь снаружи.

Джексон ответил:

— Да, сэр.

И подошел к пульту, нажал несколько кнопок, на сигнализации загорелся зеленый огонек. Когда Джексон вышел на улицу, четвертый член группы — молодой мускулистый испанец в светло-синей рубашке, брюках цвета хаки и таком же галстуке — еще раз набрал код, включив сигнализацию.

Макс повернула голову, чтобы увидеть, как Джексон отходит от дома, и задержала дыхание, ожидая, что он вот-вот повернет голову и увидит ее, стоящую за окном… но он этого не сделал. Вскоре туманная лужайка поглотила его.

— Моралес, — обратился главный, его голос стал мягче, — ты идешь направо, а я налево.

И главный открыл дверь и вошел в комнату справа, Моралес — в левую. В течении секунды, когда вторая дверь была открыта, Макс разглядела за ней картину в золотой раме на дальней стене.

Она решила, что поиски стоит начинать в этом направлении.

Прошла минута. Бросив взгляд в направлении, куда ушел главный, а затем на лестницу, Макс убедилась, что никто из них еще не возвращается, по крайнем мере в этот момент.

И она начала действовать.

Она выскользнула из своего укрытия и пересекла холл. Открыла дверь медленно, осторожно и очень тихо, заглянула в

комнату… … и не увидела Моралеса.

Она вошла.

Комната была большой… даже огромной, и больше напоминала музей, чем дом. Высокие потолки, красивый деревянный поли темные панели из красного дерева, здесь находилось множество картин, холсты покрывали все четыре стены этой комнаты без окон, и были развешаны в три, а где-то даже в четыре ряда, словно комната была оклеена фантастически дорогими обоями. Несколько стульев в колониальном стиле стояли в центре комнаты, но они были абсолютно пусты, и — что еще важнее для Макс — свободны.

Проходяя по галерее, она заметила другую дверь у противоположной стены. Моралес, очевидно, вошел, никого не увидел и вышел с другой стороны, чтобы проверить следующие комнаты.

Макс прогуливалась по центру зала, разглядывая картины по обе стороны от нее. Некоторые их них она видела прежде в книгах Муди, в журналах и в сети. Но другие были ей не известны, хотя стили были знакомыми, и она могла бы поиграть в «угадай художника по картине»…

Это превосходило все, что она могла вообразить.

Она снова подумала, что здесь можно украть столько, чтобы уйти на пенсию. И ей даже не понадобится фургон, она просто вырежет картину за картиной из их рам, свернет и заберет целую партию. Уроки Муди не прошли даром, и ее глаза подсказывали, что ей даже не понадобится Вогельсанг для поисков Сета. Она сможет купить детектисное агенство в городе и, черт, она сможет купить Мантикору!

Эти фантазии проносились у нее в мыслях, но она остановила их — слишком много времени, много риска. В этом доме с четырьми вооруженными охранниками солдатской закалки она не может тратить время на такие мысли. Она должна забрать проклятую картину — и может еще парочку — и убираться отсюда к чертям.

Воровка обнаружила Гранта Вуда в центре стены справа от себя. Она не потратила много времени на то, чтобы перерезать охранный провод, снять картину и освободить ее от антикварной позолоченной рамы… которую Макс горько оплакивала, так как она могла быть продана по хорошей цене. Но к сожалению это сделало бы ее груз более громоздким, чем сейчас.

Лист мазонита размером тридцать на тридцать девять дюймов был тяжелым и твердым, и возможно она должна была отказаться от этой цели, и довольствоваться парой других полотен. Но эта картина была внушительной вещью, предметом,

который она изучила очень хорошо.

Запланируй и выполни, как сказал бы Муди, импровизируй на свой собственный риск…

Макс осторожно убрала картину в водонепроницаемый чехол на молнии, который был сложен под ее жилетом, и огляделась вокруг, пытаясь понять, успеет ли она забрать еще один приз, прежде чем вернутся мальчики из охраны.

Пока ее взгляд бегал от рамы к раме, что-то в углу в дальшей части комнаты привлекло ее внимание — пьедестал, на котором стоял плексигласовый ящик размером с баскетбольный мяч, внутри него на черном бархате что-то поблескивало. Единственная вещь была выставлена таким образом в этой комнате, поэтому складывалось впечатление, что это только временное место, пока не найдется лучшей витрины.

Она подходила ближе и наконец начала осознавать, на что же она смотрит. Ее живот скрутило и появилось чувство, что внутри извивается клубок змей…

На черном бархате самодовольно возлегало, так же как это было в Музее Голливудского Наследия, Сердце Океана.

Воздух как будто стал разреженне, ее дыхание ускорилось, она начала задыхаться. Вопросы возникали у нее в голове как ударяющиеся друг о дружку костяшки домино…

Как оно сюда попало?

Мог ли Стерлинг быть покупателем Муди?

Или кто-то другой купил его у Муди и продал Стерлингу?

С момента кражи прошло достаточное количество времени, чтобы любая из этих сделок успела совершиться, но Макс все еще не могла понять как ожерелье переместилось из кармана Муди в эту комнату, в этот дом. Что-то казалось… неправильным.

Очень неправильным.

Ее лицо горело, в животе был лед, и от страха по ее руками бегали мурашки. Такого не случалось с тех пор… она как будто перенеслась в лес, в ночь побега, прочь от Мантикоры, прочь от Лайдекера…

— Красиво, не так ли? — спросил теплый голос у нее за спиной.

И все же в нем был холод.

Голос будто заморозил ее. Сумка с Грантом Вудом была зажата в ее левой руке, как абсурдно увеличенный кошелек.

Это не был голос кого-то из наемных помощников, он принадлежал самому Джареду Стерлингу. Она узнала его, не оборачиваясь, по видео клипам, которые смотрела на компьютере Кендры.

Все еще глядя на голубой камень, она произнесла:

— Кто-то однажды мне сказал, что бриллианты — лучшие друзья девушек.

— Плохое кино… Не хочешь вернуть картину на место?

Макс медленно качнула головой.

— Не особенно. Я очень постаралась, чтобы получить ее.

— Как и я.

Дверь открылась и другой голос позвал:

— Сэр!

— А, Моралес. Займись делом, будь добр. Я просто хотел взять стакан теплого молока… снова моя язва.

Сзади себя, она услышала, как щелкнул курок пистолета.

— Постарайся не убивать ее, — попросил теплый голос. — У нее очень красивая попка.

Другая дверь открылась, и она услышала эхо удаляющихся шагов.

Снова зазвучал новый голос, он говорил с южным акцентом:

— Эй ты, повернись… медленно.

Она сделала то, что было сказано, — хорошая девочка! — и теперь Моралес стоял перед ней, дуло его пистолета было нацелено в середину ее грудной клетки.

— Теперь тихо и спокойно, — приказал он. — Я хочу, чтобы ты положила эту сумку на пол, как если бы это была твоя старая любимая бабушка.

И опять она сделала то, что ей говорили, даже несмотря на то, что у нее никогда не было «старой любимой бабушки», о которой она бы знала.

Другая рука Моралеса приблизилась к его рту, и он сказал в свой рукав:

— Злоумышленник задержан в галерее, повторяю, в галерее.

Медленно поднимаясь, она услышала отрывистое «десять-четыре» из наушника Моралеса.

Затем охранник медленно двинулся к ней, его лицо оставалось безразличным, а в глазах промелькнуло что-то сексуальное, когда он произнес:

— Я собираюсь положить тебя на пол.

— Я так не думаю.

— Положи руки за голову, девочка, и подними локти.

Моралес наклонился, продолжая держать пистолет и взгляд направленными на нее, его свободная рука дотянулась до сумки. Он начал медленно подниматься, когда звук шагов в коридоре привлек его внимание, и он отквлекся всего на мгновение, которое было так необходимо Макс.

Она скрутилась в талии, поворачивая свое тело, как будто делала гимнастику, и один из локтей, которые она подняла по

просьбе Моралеса, ударил его по голове.

Уклоняясь от удара, он сделал один шальной выстрел, пуля попала в стену между двух ценнейших картин. Она ударила его правой ногой по горлу, и он, выведенный из равновесия, упал на спину, задыхаясь. Перед тем, как Моралес коснулся пола, Макс выбила пистолет из его пальцев, и он вращаясь проскользил по паркету через всю комнату.

Моралес хрипел, не было понятно в сознании ли он, но подняться не пытался.

За ней, от той двери, за которой скрылся Стерлинг, раздался глубокий голос:

— Замри!

Вместо этого Макс сделала два колеса, и когда она находилась в прыжке, стриженный ежиком лидер сделал два выстрела, оба раза мимо цели, которой была Макс. Одна пуля похоронила себя в стене, другая в одной из картин.

Взломщица с кошачьими повадками приземлилась перед главным, возможно в ярде от него. Этого расстояния ей хватило, чтобы выбить пистолет из его руки. Затем она сделала пируэт и с разворота ударила главного охранника в живот. Он согнулся, и она пнула его так, что он пролетел через весь зал и врезался в стену с такой силой, что несколько висевших на ней картин сломалось.

У него все еще был пистолет, так что она двинулась к нему с невероятной скоростью, он пытался подняться и оглядывался по сторонам в поисках Макс, не находя ее… и затем он глянул вправо, где она стояла теперь.

— Не могу поиграть с тобой, — сказала она. — Прости…

Ее левая нога пнул его в пах, он резко вскрикнул и снова осел на пол. Макс не дала ему ни единого шанса, и как только ее левая нога коснулась пола, правая нанесла ему удар в подбородок, он потерял сознание и проскользил по полированному полу как ребенок на санях.

Она метнулась туда, где пускал пузыри Моралес — теперь он был без сознания — и схватила водонепроницаемую сумку. Зател она разбила плексигласовый ящик и — уже во второй раз! — взяла драгоценное Сердце Океана, включая звонок сигнализации.

Макс сунула ожерелье в карман жилета, и застегнула его на молнию. Держа сумку с картиной в левой руке, она двинулась к двери, которая должна были вывести ее обратно в фойе — она вошла через главный вход, через него же она и выйдет.

Она почти дошла до пульта сигнализации, когда столкнулась с черным парнем, Морером, который наконец спустился вниз. Он выглядел немного взъерошенным и потным после очевидно

бесплодных поисков на верхних этажах. MP7A был в его руках, и он поднимал его наверх, целясь в нее… … но Макс высоко подпрыгнула и отточенным ударом отправила оружие прочь. Когда MP7A приземлился на мраморном полу, от удара произошел выстрел, который заставил загореться бесценный стул работы Франка Ллойда Райта.

Морер был готов к бою, и двинулся на нее с поднятыми кулаками.

— Хочешь побоксировать? — спросила она.

Прямой удар правой сломал ему нос, другой пришелся по челюсти и сопровождался приятным хрустом. Морер упал назад с прямыми ногами, и это была еще одна оплошность, так как его голова со стуком ударилась о мрамор. Макс задавалась единственным вопросом: вырубил ли его ее удар или мраморный пол…

Она не стала еще раз беспокоить клавиатуру, было не похоже, что они не знают, где она находится. Макс распахнула парадную дверь, включая сирену — на этот раз настойчивый гудок, диссонирующий со звонком из галереи (разные звуки указывали на разные охранные точки — Макс восхитилась стратегией).

Плохой ход, думала она, понимая, что должна была потратить немного времени и ввести код. В мыслях она видела, как Муди хмурится и качает головой.

Эти соперничающие гудение и звон привлекли внимание не только оставшихся охранников, но еще копов и соседей на милю вокруг, если, конечно, они не были глухими.

На полпути через двор, скользя в тумане, она внезапно увидела Джексона, выходящего из дымки и поднимающего на нее MP7A.

Не дожидаясь его действий, Макс бросилась в сторону, подныривая и откатываясь, и исчезла в густом тумане.

Охранник был достаточно умен, чтобы не стрелять в туман — он мог подстрелить кого-то из своей команды — и когда он преследовал ее, предполагая, что она движется, практически столкнулся с Макс.

Его глаза удивленно распахнулись, и прежде, чем он смог выстрелить, она нанесла удар в висок, роняя его на лужайку как сбитого садового гнома.

Под похожий на музыку из шоу ужасов рев сигнализаций с водонепроницаемой сумкой подмышкой, Макс обошла дом, перемахнула через забор, и осторожно подкралась к месту, где была спрятана лодка, на случай, если охранники Стерлига обнаружили тайник.

Но ждала ее только лодка, Макс освободила ее, спустила на

воду, и она, Грант Вуд, Сердце Океана и немудреное туристическое снаряжение исчезли в окутанном туманом озере.

Ограбление получилось не идеальным, но добыча была хороша, и даже несмотря на несколько промахов, она знала, что Муди будет гордиться своей девочкой. Этот вечер легко принес ей семизначную сумму, достаточную для финансирования поисков Сета и возвращению к анонимной честной жизни… хотя бы на некоторое время.

Несколькими часами спустя, когда сияние наступающего дня уже освещало небо на востоке, Макс сидела на кушетке в своей квартире и разглядывала ожерелье.

Она все еще не имела понятия, как Стерлингу удалось завладеть им, и также не знала, что она будет делать с ожерельем. Картину надо продать, чтобы покрыть текущие расходы. Но к сожалению, у нее не было такого рода связей в Сиэтле… пока.

Она не звонила Муди в Лос-Анджелес с тех пор, как приехала в город и обустраивала эту новую жизнь. Она хотела полного разрыва… но теперь надо поговорить с ним. В это время дня… или утра… она не смела побеспокоить его. Но через несколько часов она, черт подери, узнает, что происходит с этим ожерельем.

Она положила камень в черный бархатный мешочек и спрятала у себя в спальне, затем вернулась в гостинную, чтобы пытаться расслабиться — ей было очень тяжело заснуть после операции…

К удивлению Макс, на кушетке уже сидела Кендра и смотрела телевизор.

— Что случилось? — спросила Макс.

Кендра ответила соседке смущенной улыбкой:

— Только что вернулась домой. Была на свидании.

— Правда? — Макс присела рядом, и хитро постотрела на нее. — Милый парень?

Кенда широко улыбнулась:

— Нет, он был плохим, плохим мальчиком… много, много раз.

Они рассмеялись, возможно чересчур громко — Кендра была слегка пьяна, а Макс истощена долгой бессонницей.

— Подробности, — попросила Макс, — давай подробности.

— Ни за что.

— Я бы тебе рассказала.

Ее рот открылся в притворном удивлении, и Кендра произнесла:

— Ты бы не рассказала, мы обе это знаем — ты самая скрытная маленькая пчелка на этой планете… И ты еще

выкачиваешь из меня подробности?

— Я не выкачивала, — ответила Макс со смехом. — Я просто хотела знать, кто качал тебя?

— О, какая ты злая…

Их разговор прервали телевизионные помехи. Обе девушки знали, что это значит, их разговор стих, и они переключили свое внимание на холодные, но все же страстные глаза на экране. Глаза, сверху и снизу которых располагались синие полосы, со словами «потоковое видео свободы», бегущими по красному фону.

— Не пытайтесь изменить настройки, — спокойный но настойчивый голос произнес то же вступление, что и раньше о канале взломанном на шестьдесят секунд и единственном в городе голосе свободы.

— Посмотри на эти глаза, — сказала Кендра.

— Тсссс, — прошипела Макс.

— Он может взламывать мой кабель в любое время…

— Тише, Кендра.

— Этот выпуск содержит сцены насилия, и мы просим удалить от экрана юных зрителей. Этот материал, который мы получили из Лос-Анджелеса, где два дня назад произошла резня, является отрезвляющим свидетельством того, что происходит с людьми, стоящими за свободу.

Глаза Макс расширились от ужаса, когда она увидела любительскую сьемку окрестностей Китайского театра.

— Официальные источники сообщают, что ответственность за это несет бандитская группировка Выводок, — продолжал измененный электроникой голос, — но СМИ умалчивают об одетых в черное тяжело вооруженных солдатах, которые были замешаны в произошедшем, говорят о том, что правительство было вовлечено и даже содействовало расправе.

Камера приблизилась к театру и показала четыре изрешеченных пулями тела в патио. Пальцы Макс судорожно вцепились в обивку кушетки.

— Китайский Клан, борцы за свободу в Лос-Анджелесском регионе…

Борцы за свободу? Промелькнула мысль в голове у Макс. Едва ли…

Камера переместилась в фойе, где лежало еще больше тел, некоторые принадлежали членам Выводка. Макс задавалась вопросом, была ли команда Муди в состоянии сопротивляться, сдерживать нападение и ограничить резню… — … которые были расстреляны Выводком, предположительно, в борьбе за украденное добро.

И Макс увидела Фреска, лежащего в своем поношенном

Доджеровском жакете в куче мусора рядом с обезглавленной девочкой… Нинер? Жакет Фреска, первоначально синий, теперь был уродливого фиолетового цвета от впитавшейся крови.

— Никто из этой группы борцов за свободу не избежал гнева Выводка.

Теперь оператор был в зале. Тела устилали пол, как брошенные поломанные игрушки.

— Жестко, — сказала Кендра, но ее глаза были прикованы к экрану.

Снова Макс ощутила на своих щеках теплую влажность, но она оставалась пассивной, просто сидя на диване и смотря на видео на свою мертвую семью.

— Источники Зоркого сообщили, что Выводок может добраться до Сиэтла, — продолжил голос. — И если эта преступная группировка действительной имеет поддержку правительства, наш город будет порабощен.

Камера обходила зал, чтобы поставить финальную точку заявлению Зоркого: голова Муди, наколотая на палку. С обоих сторон от нее были головы Типпетта и Габриэля…

— Выключи это! — прошипела Макс и отвернулась.

Кендра щелкнула пультом, но трансляция уже закончилась, уступив место CNN. Слезы на щеках Макс заставили ее соседку удивиться.

— Что случилось, Макс? Ты вроде не из брезгливых.

— Я знала их… знала.

— Что?

— Я была одной из них… Китайский Клан. Они были… семьей. Как семья…

Кендра обняла Макс за плечи:

— О, господи, Макс, мне так жаль. Чем я могу помочь?

Макс отключилась от своего горя, как будто у нее была кнопка для этого.

— Ты можешь помочь мне найти Зоркого. Я должна поговорить с ним. Я должна узнать, что случилось в том театре.

Глаза Кендры расширились, она встряхнула головой.

— Милая, я ничего о нем не знаю — никто не знает. Он выходит в эфир, когда хочет, рассказывает свои штучки и исчезает.

Макс покачаа головой:

— Здесь должно быть что-то большее. В городе должно быть подпольное движение.

— Ну даже, если так, я все равно ничего об этом не знаю. И я не знаю никого, кто знал бы что-нибудь о Зорком… С тобой все будет хорошо?

Кивнув, Макс ответила:

— Я в порядке.

— Нет, ты не в порядке. Ты все держить в себе, а это не пойдет на пользу. Если ты не отпустишь все…

— Я уже ничего не могу сделать для них.

Кендра беспокойно нахмурилась:

— Ты уверена, что не хочешь поговорить об этом?

— Да, я уверена.

— Хорошо, — соседка Макс поднялась и зевнула. — Я думаю, что мне надо немного поспать… конечно, если ты уверена…

— Кендра, иди спать… Я буду в порядке.

После того, как Кендра пошла в постель, Макс вернулась в свою комнату и достала из тайника черную бархатную сумочку с ожерельем.

Этот камень стоил Муди и остальным жизни… и ее не было с ними…

Она несколько минут проплакала, закрыв лицо руками. Ее мысли начали проясняться.

Зоркий, Сет, ожерелье, Выводок, коллекционер Джаред Стерлинг и может даже Мантикора и Лайдекер были вовлечены в события, которые положили конец Клану.

Но как?

Она знала, с чего начать. Не с Зоркого — его местоположение и личность были покрыты тайной. Сет залег на дно и не появлялся после той стычки с копами. Ожерелье было немым свидетелем. Выводок был в Лос-Анджелесе, а Лайдекер в Мантикоре.

Это оставляло один вариант.

Команда из десяти охранников будет готова к ее следующему визиту, но другого выбора у нее не было: Макс должна была вернуться на место преступления.

Глава 9. ЗОРКИЙ

КВАРТИРА ЛОГАНА КЕЙЛА

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Даже в постимпульсном мире, звук дверного звонка был, в общем, безобидной вещью.

Прямо сейчас, около полуночи, звонок в кондоминиуме Логана Кейла был приветом неводомого гостя. Здание охранялось, и обычно охрана в холле предупреждала прежде, чем пропустить кого-нибудь.

Но в этот раз не было предупреждения — просто звонок в дверь.

А для Логана Кейла, ответ на дверной звонок мог стать последней вещью, которой он сделает на земле.

Во-первых, был риск, что кто-то из правительства — или же «человек с зазвитым чувством гражданского долга», ищущий денежной награды — войдет и обнаружит засекреченную домашнюю студию, с помощью которой Логан транслировал киберновости своего секретного альтер-эго, Зоркого.

Во-вторых, Логан принадлежал к числу американцев, родившихся в достатке, которые испытывают чувство стыда — и даже вины — за свою привилегированную жизнь, чувство, которое превратилось в подлинное социальное беспокойство. И, в то время как его подпольная личность, Зоркий, кажется защищенной, его репутация крайне левого журналиста была известна всем.

Это естественно не могло бы уберечь Логана от того, чтобы стать еще одной богатой мишенью. Семья Кейлов владела таким бизнесом, который с легкостью пережил Импульс и его проблемы и последствия… например, похищение богатых ради выкупа.

Как и во времена Великой Депрессии двадцатого века, этот неуклюжий вид предпринимательства стал хлебом для многих преступников, от самых низкосортных до искушенных в своей проффессии. И как это было во времена Линдберга, жертв обычно находили мертвыми, даже если выкуп был полностью выплачен.

Так, что… если звонящий не был тем, о ком думал Логан, то он может больше никогда и никому дверь не открыть.

Логан мог проигнорировать звонок. УеЕго двухсот пятидесяти пяти фунтового охранника, и бывшего копа, Питера

был выходной, и — если только это не был полномастабный налет с вышибанием двери — Логан мог продолжать свои дела и ждать пока незванный гость уйдет.

Но, если звонящий был тем, кем думал Логан, то предпочел бы провести встречу в отсутствие Питера. Если это был кто-то еще, значит хорошо, что Питер получил ночь отгула. В тех редких случаях, когда Логану приходилось открывать дверь самому, он делал это в компании дробовика.

Звонок зазвонил снова.

Паранойя усугубляется, подумал Логан с кривоватой усмешкой, вспоминая очень старую песню. Он поднялся из-за стола, загроможденного различным компьютерным оборудованием — включая дюжину мониторов и сетевой ноутбук, — и шагнул от своего рабочего места с легким изяществом, предполагающим принятие всего, что могло бы с ним случиться в этот донкихотском, но таком необходимом крестовом походе.

Ростом более шести футов, темный блондин с голубыми глазами за круглыми очками, Логан Кейл был в команде гребцов в Йеле и продолжал тренироваться по сей день, поддерживая стройное, но все же мускулистое телосложение университетского атлета. Его одежда — джинсы, серый свитер и кеды — добавляли штрихи к его образу вечного студента, хотя он этого не осознавал.

Его окружение — большая современная квартира, обставленная качественно и со вкусом (во всяком случае ему нравилось так думать) — было одной из привилегий богатства, которую Логан себе позволил. С паркетными полами в каждой комнате и редкими коврами, квартира имела абсолютно мужской характер. Комнаты разделяли прозрачные перегородки, окрашивая этот мирок в бледные оранжевые, персиковые и желтые оттенки.

В гостинной каждая стена имела свой цвет, землистые оттенки в различных сочетаниях. Две стены соединялись, образуя стеклянный угол во всю высоту, который позволял большому потоку света проникать в комнату днем. Несмотря на то, что вся мебель была дорогой — твердое дерево, гладкие линий, дизайнерские штучки — главной идеей был минимализм. Мягкий коричневый диван доминировал в центре комнаты, по бокам от него располагались маленькие белый и серебряный столики, а промо напротив того же оттенка кофейный стол. Боком к дивану стояли стулья, контролируя, что бы все в комнате соответствовало требованиям фэн-шуя.

С дробовиком в руках Логан приблизился к двойной двери,

которая служила главным входом в квартиру. Маленький экран справа служил электронным глазком.

Ростом примерно с Логана, его визитер был зловеще привлекательным молодым человеком около двадцати лет — короткие карие волосы, зеленые глаза и длинное узкое лицо — в черной кожаной куртке, темно-синей футболке и черных джинсах.

Логан открыл дверь.

— Где тебя черти носят? — спросил парень, его голос был глуже и старше его лет, и в нем слышался неприкрытый гнев.

— И тебе привет, Сет, — сказал Логан. — Прости, теперь я буду постоянно сидеть под дверью и ждать, когда ты опять явишься без предупреждения.

Невеселый смешок Сета был единственным ответом.

Логан старался не принимать негативное отношение Сета на свой счет, парень относился так практически ко всему и всем.

Логан пригласил Сета войти, что тот и сделал. Пока Логан закрывал дверь и украдкой поглядывал на монитор камеры безопасности на случай, если кто-то следил за Сетом, парень подошел к дивану и развалился на нем с такой небрежностью, будто бы был членом семьи.

— Чувствуй себя как дома, — сухо произнес Логан, следуя за своим гостем.

— Мне проще было бы это сделать, если бы ты предложил мне выпить, — сказал Сет, и снисходительная улыбка скривила его тонкие губы.

Логан сделал глубокий вдох и медленно выдохнул, борясь с раздражением. Этот ипорченный ребенок умел выглядеть счастливым и печальным в одно и то же время, как старый киноактер… как же его звали? Логан вспомнил: Джеймс Дин.

Решая не стирать ухмылку с юного лица, Логан спросил:

— Виски, я полагаю?

— Давненко я не пил Боско.

Очаровательно, думал Логан по пути на кухню. Он вернулся со стаканом, наполненным льдом и прозрачной жидкостью, и протянул его Сету.

— Это вода, — заметил парень, просто посмотрев на стакан.

— Больше ничего тебе предложить не могу.

— Ты что… теперь мой папочка? Я просто хочу проклятый виски.

— Может «папочка» не хочет, чтобы твои суждения стали еще резче, чем они есть сейчас.

Сет очевидно понял, что Логан имел ввиду, выпил воду, и поставил стакан — глубокомысленно — на край кофейного столика.

Отношения между этими двумя были напряженными с самого начала — каждому не нравились стиль и манеры другого. Но они нуждались друг в друге (взаимозависимы, думал Логан), каждый мог предложить знания и возможности, которых не было у другого. И это делало их пусть каменистым. С одной стороны был Сет с неприятием любого человека, входящего в его жизнь — и практически каждого, кто подходил близко, — а с другой — Логан, всегда сосредоточенный на борьбе и нетерпимый к тем, кто его страсть не разделял.

Они были представлены друг другу меньше месяца назад Беном Дэйли, неприметным медтехником средних лет, который был их общим знакомым. Одним из занятий Зоркого было создание некой подпольной дороги. И кибер-борец за свободу работал над планом безопасной переправки Дэйла в Канаду, где техник надеялся с помощью Кейла исчезнуть с новой личностью.

Дэйли скрывался от своего бывшего работодателя, частной корпорации, которая делала темные делишки для правительства. Медтехник и его коллеги проводили эксперименты в области биоинженерии, но новый проект — проект Мантикора — переместило эксперимент в использование рекомбинантной ДНК для создания совершенных солдат. Когда Мантикора начала использовать детей как подопытных свинок, Дэйли решил, что с него хватит.

Другой ученый-исследователь осмелился подать заявить об уходе, и это подтолкнуло Дейли к тому, чтобы назначить встречу с начальством и подать свое заявление… а следующей ночью ученый был сбит неустановленной машиной. Глава Мантикоры полковник Дональд Лайдекер с пугающим спокойствием заявил Дейли:

— В каком же опасном мире мы живем. Так о чем вы хотели со мной поговорить, мистер Дэйли?

Так что Бен Дэйли остался, делал свою работу и ждал случая. Он представился позже, после Импульса, и он сбежал — работа в Мантикоре была из разряда той, с которой нельзя уволиться… только сбежать, как из тюрьмы — и прятался годами, последние три в Сиэтле, работая низкооплачиваемым (но живым) лаборантом.

А затем Дэйли был разыскан Сетом. Сначала Дэйли думал, что Х5 был послан Мантикорой, но вскоре убедился, что он просто ищет избавления от приступов, мучивших его и его братьев с юности. Беглец. Однако внезапное появление Сета вселило в Дэйли отчаянное желание покинуть Сиэтл и найти другой камень, под которым можно спрятаться. Если Сет, ребенок в бегах, работая в одиночку, смог разыскать Дэйли, то это только

вопрос времени, когда человек Лайдекера явится за ним.

И хотя он был не способен решить проблемы со здоровьем Сета, Дэйли проинформаровал Х5 о триптофане — гомеопатическом нейромодуляторе — который мог помочь держать под контролем симптомы. И пытаясь избежать выволочки от Сета, за то, что не смог положить конец его приступам, Дэйли представил изменчивого молодого человека Логану.

Дэйли, конечно, не был в курсе, что Логан и есть Зоркий, но он знал, что Логан был антиправительственным журналистом из очень богатой семьи.

— Может вы сможете разыскать доктора или исследователя, — сказал Дэйли, — который разберется в состоянии Сета… может сможете связаться с этим Зорким. Кто знает?

— Кто знает — ответил Логан.

Логан подозревал, что Дейли не интересует, получит Х5 помощь или нет. Медтехник просто надеялся, что Сет изберет Логана новым объектом для вымещения своего темного настроения. Даже если и так, стратегия Дейли оказалась успешной: техник находился в маленьком городке на границе полярного круга, а Сет все еще был в Сиэтле и играл в опасные игры вместе с Логаном Кейлом.

Растянувшийся на диване в кроссовках Сет мог показаться пациентом в кабинете психоаналитика. Касательно Райана Девайна — коррумпированного шефа секторной полиции, продававшего все от подпольных секторных пропусков до подростков рабовладельцам — Сет заметил:

— Проблема решена.

У немногих в Сиэтле, не взирая на их политические убеждения, были какие-то сомнения в том, что Девайн был плохим человеком… некоторые называли его дьяволом, но его положение было настолько крепким, что никто не мог до него добраться… кроме Зоркого.

— Решена — механически повторил Логан.

— Сделал то, что ты хотел — сказал Сет.

— То, что я хотел, и даже больше.

— Ты хотел, чтобы я остановил его, — Сет невинно улыбнулся Логану, расположившемуся на стуле. — Я остановил.

— Ты убил его.

Сет пожал плечами, сложил руки на макушке и уставился в потолок.

— Это самый эффективный способ остановить кого-то.

Логан встряхнул головой и сказал:

— Самый эффективный не всегда самый лучший.

— Согласен… Но в этом случае, так и было. Ты же не собираешься читать мне лекцию на тему, что смерть ничем не оправдать? Нас учили этике в гребаной Мантикоре.

— Я в этом уверен. А они говорили вам что-нибудь о правосудии?

Молодой человек обдумывал это какое-то время:

— Правосудие свершилось… что дальше?

— Никогда не знаешь, что будет дальше, — сказал Логан и встал, подталкиваемы гневом. — И с чего ты взял, что правосудие должно означать убийство?

Сет глянул на него с выражение ложной невинности:

— Может дети, которых продали в рабство за это время?

— Это не правосудие.

— А я уверен, что оно. Ублюдок получил то, что заслужил.

Логан ходил по комнате, засунув руки в карманы брюк.

— Сет, это не правосудие, а месть.

— Не вижу разницы, — сказал Сет, перемещаясь в сидячую позицию, откинувшись на спинку и положив руки на край дивана.

— Я хотел остановить его, оставить без прикрытия, поймать в ловушку.

— Да, да, да, а разве провокация законна? Я думал, что цель не оправдывает средства.

— Когда исполнительная система коррумпирована, конечно необходимо предпринимать экстремальные меры. Это важны вопрос, Сет, никоторые законы стоят выше политики. Они имеют отношение к обществу, цивилизации и даже религии.

— О, черт, ты же не собираешь подчевать меня религиозной ерундой!

— Нет… нет. Но «не убий» это часть общественного договора, Сет. Ты не можешь…

— Чушь! Общественный договор был похоронен Импульсом. Где был общественный договор, когда Мантикора состряпала меня как растворимый суп в той проклятой пробирке?

Логан остановился и сел напротив Сета.

— Не заставляй меня отказываться от доверия тебе.

На лице Сета появилась зловещая усмешка:

— Думал, что у тебя есть суперсолдатик, с которым можно играться? А теперь ты боишься, что все, что у тебя есть это незаряженная пушка… я у тебя на крючке, да, Зоркий?

— Сет… пожалуйста… Мы можем быть командой. Значить что-то…

— Мы уже имеем значение! — Сет вскочил на ноги и начал расхаживать по комнате, но это добавляло пафоса и разглагоствований его словам. — Логан, ты был расстроен, когда

коррумпированный чиновник разрушал жизни и продавал детей в рабство… и теперь ты говорить мне, что ты по-прежнему расстроен, несмотря на то, что мы остановили ублюдка!

— Я расстроен не потому, что его остановили…

— Но ты расстроен потому, что этот отброс общества мертв?

Логан вздохнул:

— Ты действовал как мой… агент. Я чувствую ответственность за то, что этот человек мертв. И мне это не нравится, ни капельки.

Сет остановился перед Логаном и сложил свои руки в набожном жесте.

— Как трогательно… но твое либеральное чувство вины не отрицает того факта, что миссия была выполнена, и мы спасли, может быть, сотни, а кто знает, может, даже тысячи детей от продажи в рабство.

Логан не собирался учавствовать в этом споре. Он боялся, что моральные сложности будут и дальше ускользать от этого ребенка — он суперсолдат, и возможно генетические модификации сделали Сета настоящей машиной для убийств.

Возможно, когда-нибудь, Логан сможет убедить Сета, что справедливость не обязательно означает немедленную казнь преступников. Он лишь надеялся что сможет контролировать и превратить опасных подопытных крыс полковника Лайдекера в нечто положительное для общества.

Теперь Сет плюхнулся в кресло напротив дивана. Крошечная, почти непокорная улыбка сформировалась на зловеще красивом лице.

— Я думаю время пришло.

— Время?

— Время заняться Мантикорой.

Логан снова вздохнул:

— Еще не время.

— А я думаю, что пора.

Это тоже было определенным уровнем их беседы, думал Логан: уже пора, еще нет, уже пора, еще нет…

Встретившись с пристальным взглядом молодого человека, Логан произнес:

— Мы знаем не достаточно. На самом деле, мы не знаем ничего. Мы до сих пор не знаем, где их база, мы не знаем, где ты вырос, разве только, что это было где-то в горах Вайоминга…

Сет вскочил со стула.

— Так чем же ты занимался, пока я рисковал своей задницей? — Сет, негодуя, развел руки в стороны. — Что ты делал со всеми этими компьютерами? Качал порнуху? Или грабил

киберказино?

— Такие вещи занимают много времени.

Покачиваясь на ступнях, Сет произнес:

— У тебя было сколько — три, четыре недели? Этого времени мне хватило, чтобы устранить Девайна. А ты ничего не нашел?

Кипя внутри, Логан сдержал порыв порекомендовать ему использовать свои способности для эффектного секса в полете, и сказал:

— Я начал проверять старые заводы, заброшенные тюрьмя, военные базы. Но эти люди умны и опасны, и они не хотят, чтобы их нашли. Если бы хотели, то ты бы уже это сделал.

Сет казался почти убежденным, но все-таки немного по-детски протянул:

— Но у тебя было три недели, мужик!

— А сколько у тебя было лет? И ты так и не нашел их, не правда ли, Сет?

— Я не искал — я прятался. Но теперь у меня есть ты и твои возможности… Мы прижмем их, Логан! Мы справимся с ними!

— Это мы и собираемся сделать. Делаем. И у нас есть зацепка…

Глаза Сета расширились как у ребенка, ожидающего Рождество.

— Что за зацепка?

— Я полагаю, что ты не видел выпуск про резню в Лос-Анджелесе — я прогнал его вчера три раза.

— Нет… я был… занят.

— Я так и думал. Пошли со мной.

Логан провел Сета в свой кабинет и по совместительству телестудию, где монструозный компьютер, как и всегда, работал, и на каждом мониторе было открыто по несколько окон. Кибержурнались проиграл X5 диск с ужасной записью резни в Китайском театре. При упоминании о солдатах в черном, которые, по слухам, оказали поддержку Выводку в этой бойне, Сет приободрился.

— Это Мантикора… Это должна быть Мантикора.

Логан запустил видео еще раз, но уже без звука.

— Но что заставило Мантикору помочь одной из уличных банд в войне против другой?

— Хотел бы и я знать ответ.

— Хорошо, — Логан вежливо улыбнулся Сету. — Потому что именно с этого мы и начнем… Пообещай только не убивать нашу цель прежде, чем мы что-нибудь узнаем.

Сет ухмыльнулся:

— Кто он?

— Да это он… и даже больше. Это они.

— Выводок?

— Выводок лишь часть. Ты смотрел выпуск: они отправились в Сиэтл.

— Зачем им посылать кого-то сюда?

— Они и не посылали — сам главарь здесь… Михаил Кафельников.

Логан вывел на экран другое изображение: мускулистый светловолосый мужчина, выглядящий как преимпульсная рок-звезда, и с выражением лица серийного убийцы.

— По слухам он заказал или принял участие более, чем в сотни убийствах в Лос-Анджелесе.

Молодой человек изучал фотографию.

— Ты сделал хорошую работу, Логан. Мантикора и уличная банда… такое трудно вычислить.

— Сет, если оглянуться на начало прошлого века, уличные банды итальянских детишек выросли в самый большой и успешный преступный синдикат за всю историю человечества.

— И к чему этот урок истории?

— Выводок может перерасти в нечто большее, чем уличная банда… особенно заручившись тайной поддержкой Мантикоры.

— Так значит… Этот Хасельхофф прибыл в наш великий город?

— Он Кафельников.

— Не важно. — … и он продает предметы искусства и культуры иностранцам. Любой ценный остаток нашего прошлого он может заполучить, и продаст его тому, кто предложит лучшую цену.

Сет поднял бровь:

— И нас это беспокоит потому…?

— Потому что он распродает бесценные образцы американского искусства.

Но Сет не проникся.

— Наша цель была…

Логан знал, что никогда не сможет заставить Сета понять, что он чувствует, и почему эта битва так важна.

Американская культура уже ничего не значила… и Америка. Он наблюдал, как другие страны распродавали свое наследие, которое было их символической душой, в связи с финансовыми трудностями постимпульсной эпохи. Люди нуждались в культурной основе, чтобы заново построить общество, и когда эта культурная основа продавалась другим нациям, это лишало страну чувства постоянства, забирало у людей ощущение дома. Граждане начинали чувствовать себя гостями на собственной

земле.

— Я не могу объяснить это так просто, — сказал Логан. — Как долго ты был узником Мантикоры?

— Десять лет. И что можно с этим сделать?

— Даже несмотря на то, что ты ненавидел их, несмотря на то, что ты сбежал, Мантикора была твоим домом. Разве, когда ты сбежал, какая-то часть тебя не пропала?

— Как ты высокопарен! — глаза Сета сверкнули. — Нет, черт, нет!

Логан положил руку парню на плечо.

— Ты хочешь сказать, что ты не… потерял своих братьев? Ощущение сплоченности, которое приходит, когда ты находишься с теми, кому можешь доверить заботу о себе? Чувство целостности? Ты по этому не скучаешь?

Сет мгновение смотрел на него, затем молодой человек отвел глаза и стал изучать что-то на полу.

Логан сказал:

— Вот об этом я и говорю, это относится и к людям, распродающим американское искусство. Это в один миг разрушает то, чем мы являемся… то, как мы чувствуем американскую семью… разделяет нас. Мы все как оскорбленные дети, Сет, это оскорбляет наш… национальный дух… что ж, это единственная вещь, в которой мы не нуждаемся.

— Не пора ли выйти из сертова офиса? Слушай, это художественное жульничество — это первое дельце Выводка на нашей территории?

— Да.

— Хорошо, Логан, почему бы не сделать так, как ты сказал. Мы должны остановить ублюдков.

Чувствуя себя немного смущенным и капельку напыщенным, Логан не смог сдержать улыбки.

— Кафельников не вывозит награбленное из Лос-Анджелеса, каким-то образом он переправляет его за границу через Сиэтл.

— И ты хочешь узнать, как он это делает?

— Да, кто работает с ним, и где проходят сделки. Может мы сможем… спасти что-нибудь.

— Отлично, — сказал Сет, все еще не впечатленный развевающимся культурным флагом. — Есть какие-нибудь подсказки?

Логан наклонился и взял мышку, чтобы открыть окно на одном из светящихся мониторов. Выскочила фотография светловолосого мужчины, с аккуратной бородкой, около тридцати, рядом с картиной под названием «Смерть на горной дороге».

Указывая не него, Логан произнес:

— Это Джаред Стерлинг.

— Похож на зажиточного горожанина.

— Настолько зажиточный, насколько это возможно… ведущий коллекционер предметов искусства и миллиардный компьютерный магнат.

— Стерлинг… Стерлинг — парень с интернетом?

— Парень с интернетом.

Сет наклонился, чтобы лучше рассмотреть картину Гранта Вуда.

— Похоже, что это тоже образец американского искусства.

— О, да, — щелкнув мышкой Логан вывел на экран фотографии образцов разных направлений американской живописи. — Эти картины — «Американская Готика»… «Мать Вистлера»… «Клюс Джексона Поллока» работы Томаса Харта Бентона, Винслоу Гомера и еще нескольких знаменитых американских художников — попали в руки Стерлинга… официально… а затем исчезли.

— Исчезли?

— Возможно это преувеличение. Он приобретает эти произведениея — иногда с большим шумом — кажется, наслаждается или какое-то время, одалживает их для пары музейных выставок… а затем они пропадают в его «коллекции». Как произведения искусства, которые могла бы оценить общественность, они исчезают из вида и больше не появляются.

— Если он владеет ими, я думаю, это правильное решение.

— Хорошо… Я не хочу снова углубляться с тобой в этические вопросы, Сет. Но ты должен знать также, что Джаред Стерлинг считаеся одним из самых безжалостных и, да, безнравственных бизнесменов постимпульсного периода.

— Но даже если он продает эти картины за море, Логан, это не преступление — он владеет этим дерьмом, верно?

— Да, он владеет этим «дерьмом», но это преступление. — После потери Куперстауна и Статуи Свободы, была обратная реакция, и было принято множество законопроектов, чтобы защитить американское культурное наследие. — «Закон о защите американского искусства» 2015 года делает очень незаконным продажу за границу любой картины из списка ценностей.

Сет нахмурился:

— Так что есть такой список картин? Вроде списка вымирающих видов?

— Более чем просто исторические достопримечательности, важные объекты, которые не могут быть перенесены в другое место. Джаред Стерлинг владеет дюжинами произведений из

Смитсонианского Списка Американских Мастеров.

— То есть Стерлинг владеет этими картинами, но не может их продать?

— Не за границу — картины будут конфискованы, а он окажется уголовником. Кроме того, я подозреваю, что он занимается переправкой краденных произведений искусства, и некоторые из его «легальных» сделок включают такие незначительные детали, как настоящий владелец последнего приобретения Стерлинга, выброшенный морем на берег через некоторое время.

Казалось, упоминание об убийствах наконец привлекло внимание Сета.

— И куда же мы направимся?

— Ну, очевидно, он совершает эти сделки секретно… и даже может использовать тот же канал сбыта, что и Кафельников. Фактически, Стерлинг может и быть этим каналом сбыта… Тогда это объясняет, что привело Кафельникова в Сиэтл.

— Таким образом делишки Стерлинга могут вывести нас на делишки этого парня из Лос-Анджелеса.

— Мой инстинкт мне подсказывает, что это одни и те же делишки. — Он протянул Сету бумажку с адресом и некоторой информацией о системе безопасности, которую Логан смог раздобыть. — Это твой следующий шаг…

Сет взглянул на бумажку, мгновенно запомнил информацию и бросил листок на ближайший компьютерный стол.

— Ты босс, — произнес Сет с едва заметным сарказмом.

Логан проводил его до двери.

— Окажешь мне услугу, Сет?

Сет ухмыльнулся:

— Почему бы нет?

— Пожалуйста, не убивай этого сразу же.

— О котором из них ты говоришь — о Стерлинге или о том русском?

— Об обоих. Никого.

Сет пожал плечами:

— Отлично, но давай возьмем этого русского для примера. Посмотри на тех детишек из банды, которых он порешил. Парень — дьявол, мужик, и он каким-то образом связан с проклятой Мантикорой! Неужели мир не станет лучше без него?

— Просто добудь информацию, Сет.

Сет встряхнул головой, действительно не понимая:

— Если этот Кассельрок проблема…

— Кафельников. — … тогда убийство этого гада положит конец этой проблеме… или его участию в ней, не важно.

Логан схватил Х5 за руку:

— Сет, если ты убьешь его, то мы уже никогда не узнаем, что случилось с картинами, которые он уже вывез… учитывая, конечно, что мы решили начать с нужного парня.

— Если эти картины пропали, то они пропали. В чем разница?

Логан не был уверен, дразнит ли его Сет, или он действительно настолько кровожаден. Вероятно, первое, но его пугал тот факт, что он мог задуматься о втором варианте…

— Сет, мы должны выяснить связан ли Кафельников с Мантикорой… и если так, то почему и как. Это лучшее, что мы можем сделать на данный момент.

— Ты не возражаешь, если я приму эту мотивацию, — сказал Сет, — а не желание сохранять американскую культуру.

— Нисколько. Но береги свой беспокойный американский зад, мой друг. Русский, имя которого ты все никак не можешь запомнить…

В доказательство того, что он подтрунивал над Логаном все это время, Сет сказал:

— Кафельников.

— Не важно, как ты его произносишь, Сет. Он опасный человек.

На полпути к двери, Х5 произнес:

— Я опасный человек.

Логан не стал возражать ему.

ШТАБ МАНТИКОРЫ

ДЖИЛЛЕТТ, ВАЙОМИНГ, 2019 ГОД

Полковник Дональд Лайдекер сидел за своим столом, барабаня пальцами по люцитному покрытию его металической столешницы.

Если бы Макс видела его сейчас, она бы отметила, что он выгледел немного иначе, чем во время побега Х5 из Мантикора в 2009. Годы пощадили Лайдекера, несмотря на проблемы с алкоголем, которые он контролировал все это время. В его светлых волосах теперь была разбросана седина, но они оставались такими же густыми, какими были всегда. Его ледяные голубые глаза отличались только тем, что теперь ему нужны были очки для чтения, и в уголках появилось больше морщинок. Его тело было всё еще подтянутым и мускулистым…только теперь требовалось больше усилий, что бы поддерживать себя в форме.

Его офис был строго правительственнго образца, стены и потолок пастельные мятно-зелёные, картотеки, стулья, рабочий и компьютерный столы — все излучало обыденную серость. Ни одна личная вещь не украшала его стол или любую другую часть этого анонимного, сугубо делового офиса. Только его черная рубашка, слаксы, и кожаная куртка были — из-за его секретнова статуса — не правительственного образца.

Через стол напротив него находилось двое подчиненных — паренек чуть за двадцать двадцати, Дженсен, и афро-американец после тридцати, Финк. Эти двое мужчин стояли по стойке «смирно», солдаты в гражданском, и Лайдекер подумал, что заметил в них чуть уловимый трепет.

Ему нравилось, что они боялись его — в его словаре, страх и уважение были синонимами. Он медленно выдыхал, успокаивая себя и сосредотачиваясь, так же, как он учил детей.

— Я просмотрел видеозапись с одним из наших X5 — мужчина.

— Да, сэр — сказали они в унисон.

— И где вы думаете, я достал эту видеозапись?

Они быстро переглянулись, затем снова уставились вперёд. Ни один не ответил.

— Возможно я получил это от нашей собственной разведки. Вы думаете, что я получил это от нашей собственной разведки, мистер Дженсен? — … нет, сэр.

— А что думаете Вы, мистер Финк?

— Да, сэр… я думаю, нет сэр…

Лайдекер тихо вздохнул.

— Я получил это от SNN.

Оба мужчины замерли, глядя прямо перед собой; они могли бы быть из камня… если бы камень мог дрожать.

— Может кто-нибудь мне скажет, почему Спутниковая Сеть Новостей смогла разыскать одного из наших детей, а мы нет?

Финк и Дженсен не отвечали.

— Мистер Финк, я хочу, чтобы наши люди были в офисах SNN в течение часа.

— Есть, сэр — сказал Финк — Мистер Дженсен, я хочу знать источник этой пленки.

— Есть, сэр.

— И я не хочу это завтра. Свободны.

Оба мужчины отсалютировали, развернулись и удалились.

Лайдекер развернулся к телевизору и видиомагнитофону, располагавшихся на тумбе рядом с его столом, и включил запись снова. Он смотрел на нечеткое изображение молодого человека, прыгающего через весь экран. Он сразу же понял, это был один из

его X5. Судя по атлетическим движениям мальчика, Лайдекер полагал, что молодым человеком на ленте был Зак или, возможно, Сет. Два самых старших объкта, они всегда были лучшими атлетами программы X5.

Лайдекер мог только восхищаться подготовкой молодого человека, красотой его движений. Если бы было за что его судить, то только за то, что эти дети выросли именно такими, как хотел он и другие. Глядя на то, как его творение спрявляется с пятью полицейскими меньше, чем за сорок секунд, Лайдекер переполнялся отцовской гордостью…

Тринадцать из них сбежало той ночью, группа из двенадцати бойцов со своим лидером Заком и Сет, который был схвачен, но справился с двумя охранниками и в суматохе смог ускользнуть. И полковник провел большую часть этих десяти лет, пытаясь окружить эту смертоносную чертову дюжину.

Он знал, что некоторые высокопоставленные шишки полагали, что возвращение детей не будет блистательным. Ирония была в том, что он сделал свою работу с этими маленькими солдатами настолько хорошо, что они застявляли его выглядеть некомпетентным. Двое из тринадцати через десятилетие казались несерьезным достижением… Он до сих пор помнил, как генерал смотрел на него с презрением, говоря: «Вы действительно хотите сказать, что не можете поймать эту проклятую группку маленьких детей?» Маленьких детей.

Когда они сбежали, самому младшему было семь. Это означает шесть лет непрерывных тренировок в Мантикоре… Кави был первым, кто был пойман и возвращен назад через пять лет. Даже сейчас это казалось огромной удачей, что им удалось выйти на него в Волф Пойнт, штат Монтана.

Кави, тогда ему было двенадцать, был замечен оперативником Мантикоры — Финчем, кстати, — который остановился, чтобы посмотреть, как группа детишек играет в бейсбол. Кави сделал передачу через все поле от забора до базы… игрок премьер-лиги позавидовал бы такому броску… а Финч моментально понял откуда у парня «золотая рука».

Через два с половиной года Вада, девочка, — ей было одиннадцать во время побега — была окружена в пустыне на окраине долины Амаргоса, штат Невада. Она превратилась в стройную девушку в футболке, джинсах и кроссовках, у нее были мягкие темные волосы, огромные карие глаза и полные чувственные губы.

Отметив сексуальную привлекательность одного из своих детей, Лайдекер испытал приступ… вины? замешательства? Но подковник едва ли мог заметить, что цветущее тело Вады было

готово к целому набору разнообразных грехов, исключая те, к которым ее готовили.

Она сопротивлялась и справилась с тремя бойцами спецназа, даже не вспотев, тогда Лайдекер поднял пистолет и сделал предупредительный выстрел.

Она брокляла его и бросилась на полковника как дикое животное, ее маленькие твердые кулачки готовы были избивать его…

И когда он отправил пулю в середину ее дерзкой груди, Лайдекер был удивлен тем, что немедленно ощутил чувство утраты.

Самозащита, убеждал его разум.

Но все не было настолько легко: Вада была, не смотря ни на что, его собственностью. Он напомнил себе, что это всего лишь работа, и если кто-нибудь и должен убивать его детей, то только он. После всего, X5 были под его ответственностью.

И она не была первой.

После разочарования в Лос-Анджелесе — он нашел сотрудничество с Русским и его бандой крайне неприятным — Лайдекер снова вернулся с пустыми руками. Удивительные сообщения о темноволосой девушке — Джонди?… Макс, возможно? — имели все приметы X5.

Но после подстрекательства и пособничества резни в Китайском театре, Лайдекер вернулся ни с чем, а след остыл…

Теперь, отсрочка, реальный шанс вернуть другого X5, мужчину, и он не хочет дать ему ускользнуть, как девчонке в Лос-Анджелесе.

Он поднял трубку, чтобы организовать транспорт в Сиэтл. Не имеет значение, выяснят или нет его люди что-нибудь в SNN, Лайдекер сам должен предпринять эту поездку.

Один из его детей засветился с Сиэтле… … и «папочка» жаждал воссоединения.

ЭНЖИДАЙН СОФТВЭР

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

А тем временем ребенок, которого искал Лайдекер спускался в холл верхнего этажа Энжидайн Софтвейр, компьютерной компании, молодым генеральным директором… и владельцем… которой был Джаред Стерлинг. Сет обошел сигнализацию, открыл окно в комнате для ланчей и проник внутрь.

Это был этаж для руководства в этом стеклянно-бетонном

шестиэтажном ящике, который раньше был логовом низкооплачиваемых компьютерных червей. Этот этаж, необычайно тихий в эти часы, принадлежал вышему эшелону, полдюжине зубрил, которые были со Стерлингом с самого начала, а теперь стали миллионерами благодаря опциоднам Энжидайна. Никто на этом этаже не засиживался на работе допоздна, чтобы что-то доказать Стерлингу или самому себе, в то время, как несколькими этажами ниже вкалывали ночи напролет, пытаясь получить повышение, которое им никогда не светит. А здесь была тольки символическая охрана, около полудюжины, и они только что закончили часовой обход.

С мягким ковровым покрытием, роскошными дубовыми панелями и образцами из коллекции Стерлинга в золотых рамах, развешанных на стенах, руководящий этаж выглядет скорее как особняк владельца компании, нежели чем корпоративный офис. Сет двигался по темным коридорам, прижимаясь к стенам, избегая встроенных видеокамер. Простые и скромные, камеры имели недостаток: они были стационарными, и их можно было обхитрить.

Без каких-либо проблем — благодаря информации, полученной от Логана, — Сет проделал путь до офиса Стерлинга. Но даже без Логана Сет едва ли пропустил демонстрацию эгоцентризма Стерлига, коей являлась деревянная дверь с золотыми рельефами на черном полотне. Он вскрыл замок и вошел внутрь.

Справа находился стол личного помощника Стерлинга Элисон Сантьяго (так гласила такбличка). Эта приемная предоставляла мисс Сантьяго огромное пространство, за которое любой недоумок снизу мог бы легко отдать свою коллекцию карточек защитников.

Подходя к двери в кабинет Стерлинга, Сет обнаружил, что она также заперта. У него ушло всего три с половиной секунды, чтобы открыть ее, войти и снова запереть дверь. Если охранники будут ее проверять, пока он будет внутри, они обнаружат, что дверь заперта и предпочтут двигаться дальше: все, что нужно делать Сету, это вести свои поиски в полной темноте. Используя свое суперчувствительное зрение и немного приоткрыв жалюзи, чтобы впустить лунный свет, Сет знал, что проблем у него не будет.

Он приготовился к тщательному осмотру.

Сет даже не включал лампу и не использовал фонарик для этой экскурсии по $офису Стерлинга. На столе генерального директора не было беспорядка и он был не достаточно большим, чтобы на нем можно было устраивать конькобежные

соревнования. На втором столе поменьше располагался компьютер. Большая картина занимала всю стену позади компьютера…

Глаза Сета расширились от обилия вытянутых рук, отрубленных голов, кричащих женщин, мертвых людей… Это была самая странная, самая причудливая картина, которую он когда-либо видел, и Сету было интересно знать, что за вещи происходили в голове того, кто создал эту ужасающую, но бесспорно прекрасную сцену.

Ему также было интересно, что за человек мог повесить подобную картину в своем кабинете — кто хотел бы находиться рядом с этими изображениями, кто мог найти этот маслянный кошмар успокаивающими или даже воодушевляющим…

Сет подошел к компьютеру, присел и повернул ключ. Монитор ожил, плоский экран ярко светился в темной комнате. Сам компьютер был включен.

Какой заботливый хозяин, подумал Сет и начал взламывать систему безопасности.

Для компании, занимающейся компьютерными технологиями, брешь в системе безопасности Стерлинга нашлась очень быстро, хотя тренированная рука хакера из Х5 могла взломать любую систему. Однако, однажды Сет перебрал тысячи файлов и не получил желаемого результата.

Он нашел одну многообещающую папку, но она была защищена личным паролем. Не зависимо от того, что он предпринимал, папка не открывалась, и это начинало бесить Сета (хотя, по общему мнению, порог гнева он пересекал очень легко).

Наконец, Сет сдался, перекопировал файлы на диск, скрыл следы своего пребывания за компьютером и направился к двери. Он тихо ее открыл, выскользнул в приемную, затем приоткрыл дверь в зал, выглянул в корридор и оглянулся, чтобы убедиться что он пуст.

Сет был на полпути к комнате для ланчей, своей точке входа, на этаже, где не было никаких работяг, когда он увидел охранника, грузного парня за пятьдесят — скорее всего бывший коп или чей-то дядя, считающий дни до пенсии. У него не было огнестрельного оружия, но был тазер и на поясе висела рация.

Держась в тени, Сет следовал за охранником по коридору к своей точке входа. Вся охрана была на обходе, и Сет мог выскользнуть так же легко, как проскользнул внутрь.

Но когда они подошли к комнате для ланчей, охранник бросил туда обыденный взгляд… и замер — холодно.

Сет не думал, что охранник заметит открытое окно с этой точки, но, черт подери, парень заметил! Сет, подтянутый молодой

генетически улучшенный солдат, находился менее чем в двадцати шагах от выхода из здания… и этот толстый тупой охранник решил поставить крест на его работе.

Толстяк потянулся к рации, висевшей на его ремне, он повернул голову, чтобы осмотреть коридор, вероятно, пытаясь обнаружить еще следы пребывания злоумышленника.

Сет надеялся проникнуть внутрь и выбраться, не привлекая никакого внимания, но теперь это казалось невозможным. Охранник снимал рацию с пояса, собираясь вызвать своих товарищей — вызов, который, есби бы Сет позволил его сделать, приведет сюда всю охрану в течении нескольких секунд. Но вызов охраны в первую очередь сказал бы Стерлингу о том, что безопасность его компании была нарушена…

Тренировки в Мантикоре и жизнь на улице научили Сета выбирать меньшее из двух зол.

Охранник только нажал на кнопку рации и сделал вдох, чтобы произнести первое слово, когда Сет ударил его по тыльной стороне шеи. Парень рухнул на пол как картежный столик, неловко завалившись вперед, рация с глухим звуком ударилась о ковровое покрытие пола и отскочила на несколько шагов. Тело охранника едва успело коснуться пола, когда Сет схватил его за шиворот, чтобы оттащить в сторону.

— Эй!

Голос раздался позади Сета.

— Что за черт?

Другой голос.

— Что происходит?

Еще один!

Повернувшись к комнате для ланчей, Сет увидел еще четырех охранников, сидевших за большим столом. Перед ними лежали сэндвичи, два стула были пусты. Их шокированные взгляды были обращены на парня.

Дерьмо, подумал X5. Толстяк не находил точку входа Сета, его просто позвал один из охранников, пригласил разделить с ними полуночный ланч!

Их слишком много, чтобы уйти тихо.

Сет не стал дожидаться, пока они соберутся с мыслями. Его учили использовать фактор неожиданности, и удивление на их лицах пригласило Сета присоединиться к охранникам в комнате для ланчей…

Пока ближний охранник поднимался из-за стола, Сет ударил кулаком ему в челюсть. X5 оттолкнул бесчуственное тело охранника, возможно он был мертв. Парень упал, а Сет выхватил его тазер, прежде чем несчастный приземлился, и занял его стул.

Сет направил тазер на охранника с другой стороны стола, вне досигаемости X5 — парня возраста самого Сета. Два дротика вылетели и вонзились в грудь молодого охранника, разряд заставил парня корчиться лежа на спине не полу.

— Я убью подонка! — сплюнул другой охранник, парень с квадратной челюстью, вероятно бывший военный. Он поднялся на ноги и потянулся с своему тазеру. Но внезапно, как будто в кино, Сет оказался перед охранником и отвернул его руку с зажатым в ней тазером, заставляя дротики уходить вниз, прямо в ногу охраннику, приводя к тому, чтобы он танцевал свой собственный конвульсивный Ривердэнс, прежде чем он рухнул бесформенной кучей, в компанию к своему дергающемуся приятелю.

Сет позволил себе посмеяться над этой картиной, что скорее всего привело оставшегося охранника в состояние паники, заставив парня — немолодого и грузного мужчину в униформе — пуститься бежать.

Сет быстрым шагом — бежать не было необходимости — достиг парня и схватил его за волосы на затылке и ударил лицом о дверной косяк. Охранник упал на колени, красный клоунский нос выделялся на его испуганном лице.

Красноносый охранник был в сознании и смог произнести: «Пожалуйста» прежде, чем Сет вырубил его хуком справа, который пришелся мужчине сбоку в челюсть. Он рухнул как бревно и заблокировал дверь в комнату для ланчей.

Сет не мог скрыть взлом, но он скрыть его причину, и извлечь финансовую выгоду из этого маленького провала.

Он перешагнул через бесчувственного красноносого охранника, оставив позади свой выход в комнате для ланчей, побежал по лестнице и вернулся на руководящий этаж в тот коридор, где он видел картины… Но в дверях пожарного выхода на бегу он столкнулся с последним охранником.

Оба они повалились на пол удивленной и извивающейся кучей, каждый сердито кричал, пока они боролись. Сет, конечно, был сильнее, но охранник был молодой и тренированный и держал Сета за голову.

Охранник смог увернуться от большинства ударов Сета и удивить его толчком локтем в пах, который пронзил живот Сета тошнотворной болью. Другим локем он ткнул Сета в левый глаз, это ошеломило X5, и заставило коридор вращаться.

Доставая тазер, охранник поднялся на ноги, и — так как он уже отстегнул оружие от пояса — Сет ударил охранника ногами. Он приземлился на копчик с громким хрустом, тазер отлетел.

Сет, который уже был на ногах, проворно отпрыгнул из зоны досягаемости, когда поверженный охранник попытался проделать

тот же маневр.

Посмотрев вниз на лежащего охранника с уважением, Сет сказал:

— Хорошая работа. Мы закончили?

Охранник оглядывался, его глаза быстро мигали, пока он пытался очистить мысли и понять, что произошло.

— У тебя есть наручники? — дружелюбно спросил Сет. — Я прикую тебя и смотаюсь отсюда.

Охранник тряхнул головой, но Сет не мог сказать, было ли это отрицанием или попыткой собраться с мыслями. Затем он бросился на Сета, и X5 нанес сильный удар справа вниз, попав мужчине по подбородку и сломав ему челюсть. Парень упал на пол бесчувственной кучей.

— Это почти то же самое, что и приковать его, — пробормотал Сет.

Теперь когда у него была такая роскошь, как время, Сет изучил картины. В его жизни не было Муди, и Мантикора не уделяла достаточно внимания художественному образованию, поэтому X5 взял полдюжины картин, приглянувшихся его глазу. Он использовал складной нож, чтобы отделить полотна от тяжелых рам, а затем свернул их вместе как ковер и вызвал лифт вниз.

В комнате для ланчей охранники все еще были в отключке — один или два из них могли быть в коме или даже мертвы — но Сета это не беспокоило. Чувствуя себя возбужденным — это было забавно! — парень выскользнул через окно в ночь.

КВАРТИРА ЛОГАНА КЕЙЛА

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Логан Кейл вставил диск, полученный от Сета, в компьютер, в то время, как X5 посвещал своего благотворителя в подробности своих ночных приключений.

— Что ты сделал? — спросил Логан.

Сет усмехнулся, гордый собой. Таким счастливым Логан его еще не видел.

— Я сделал так, чтобы это выглядело как ограбление, — сказал X5. — Немного удачи, и Стерлинг даже не заметит дыры в системе безопасности компьютера.

Логан знал, что это было умно. В последний раз, когда он давал задание Сету, случилось убийство… Это было просто большим ограблением со взломом и оскорблением действием.

Возможно охране стоило делать свое дело, а не зевать.

Встряхнув головой, Логан спросил:

— Что ты взял?

— Шесть картин.

— Где они, Сет?

— В пути… Знаешь хорошего скупщика?

Логан посмотрел на Сета так, будто у того из ушей росли гардении.

— Ты ведь шутишь, правда? Эти картины должны стать уликами в деле против с Стерлинга, возможно удастся привлечь Русского.

Сет в удивлении пожал плечами:

— Существует множество каналов, по которым они могли прийти. В любом случае, я думал, что они могут пополнить мой карман.

Пополнить карман, подумал Логан. Миллионы…

— Принеси их — сказал Логан.

— Эй, они мои! Я сделал чертову работу для тебя бесплатно, как ты это называешь, ради интереса!

— Сет, — прознес Логан, — есть вещи, которые важнее денег.

— Легко тебе говорить, Дональд Трамп!

— Стерлинг может привести нас к Мантикоре.

Сет сделал долгий глубокий вздох.

— Окей… Я дам тебе взглянуть на них… но это все.

Когда парень ушел, Логан попытался открыть диск. Это должно было занять много времени и концентрации, что было невозможно получить, пока X5 крутится под ногами. Он отложил это, чтобы заняться позже.

Сет вернулся со свернутыми картинами, расправил их и разложил их на диване и на полу.

Зоркий не мог поверить своим глазам.

Он знал, что у Стерлинга огромная коллекции, но и подумать не мог, что она может быть выставлена в офисном здании… Н.С. Вайет, Чарльз Рассел, Норман Рокуэлл, Фредерик Ремингтон, Джексон Поллок и Джон Сингер Сарджент… Он был поражен, ошеломлен.

— Оставь их, — сказал Логан, — я позову искусствоведа.

Сет повернул голову:

— Ты ведь шутишь, да? Ты ведь не можешь всерьез подумать, что я оставлю их у тебя, да?

— Тебе нужно проверить их подлинность, Сет.

— Я выгляжу тупым?

— Это вопрос с подвохом? Это поможет тебе продать их, если ты будешь знать, что они из себя представляют.

Сет мгновение обдумывал эти слова, затем кивнул:

— Когда найдешь искусствовела, звони мне на пейджер… и я привезу картины назад.

— Хорошо, — вздохнул Логан, руками поглаживая воздух. — Хорошо.

Скручивая картины, как постеры из общежития, Сет сказал:

— Сделай это завтра ночью, иначе я попытаю счастья со скупщиком.

— Что если я не смогу никого найти к этому времени?

— О, я верю в тебя, Логан, — произнес Сет, пряча шедевры в рукаве. На лице Джеймса Дина появилась полная ужасного ребячества усмешка. — Точно так же, как ты веришь в меня, верно?

Сет скрылся.

Глава 10. МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ПОМЕСТЬЕ СТЕРЛИНГА

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Обратившись за помощью к Кендре и ее гардеробу, Макс принарядилась в одно из тех облегающих сексуальных платьев, которые она до сих пор избегала. По крайней мере оно не было вычурным или вульгарным — простое черное платье без бретелек с поясом из фальшивых бриллиантов, открывавшее большую часть ее гладких мускулистых ног, зону декольте и бронзовые плечи. Сидя на стуле напротив туалетного зеркала своей соседки, Макс накладывала макияж, это могло конкурировать с любой пыткой, которую когда-либо придумывала Мантикора.

— Отлично выглядишь, — сказала Кендра с ободряющей, почти завистливой, усмешкой. — Сексуальная и красивая.

Чудачка Синди, которая пришла, чтобы помочь с перевоплощением, округлила большие карие глаза и, кивнув головой, произнесла:

— Ты выглядишь настолько хорошо, подружка, что Чудачка Синди хочет переманить тебя в свою команду.

Это было чересчур, и Макс засмеялась, а к ней присоединились и две другие девушки.

Затем, изучая свое отражение в зеркале, Макс встала и повернулась.

— Черт, вы обе хорошо поработали — вам нужно поставить такие перевоплощения на поток… Я не могу разглядеть девчонку-сорванца, как бы пристально не вглядывалась.

— О, она здесь, — ответила Чудачка Синди. — Она появится, как только кто-нибудь попробует ей угрожать.

— Но эти туфли… — Макс покачивалась, пытаясь удержать равновесие. — В них теснее, чем в заду у Нормала.

Ч.С. рассмеялась, а Кендра пожала плечами.

— Это лучшее, что я могла предложить. Не моя вина, что мои ноги немного меньше твоих… Син, может предложишь что-нибудь из своего гардероба?

— Дьявол, — сказала Чудачка Синди, — мой размер больше чем у вас обеих… Но не надо вводить себя в заблуждение: Чудачка Синди очень ранимая!

Все засмеялись.

— Все в порядке, — немного покривила душой Макс. А что бы она делала, если бы у нее забрали пару любимых кроссовок?

Положив руки на бедра, Чудачка Синди спросила:

— В чем твой секрет, подружка? Каким образом ты собираешься пригласить себя на дележ добычи Толстого Зеленого Папочки?

Усмехнувшись, почти смущенная Макс ответила:

— Это не дележ добычи… просто коктейльная вечеринка.

Чудачка Синди приподняла бровь:

— Там будут богачи?

Макс почувствовала, как уверенность ускользает от нее.

— Ну да, я полагаю.

Чудачка Синди приподняла другую бровь.

— А там будут юные дорогие кошечки, которые только и умеют, что тусоваться?

Макс улыбнулась и вздохнула:

— Ты знаешь, что будут.

Чудачки Синди повернулась к Кендре, и они одновременно, тряхнув бедрами, произнесли:

— Дележ добычи!

— Стоит мне сомневаться насчет старших? — невинно спросила Макс.

Это вызвало ожидаемое притворное негодование, и после последних нескольких смешков Кендра направилась к своему прикроватному столику, открыла ящик, что-то из него достала и вернулась, протягивая это Макс: двухдюймовый квадратный конверт из фольги.

— Когда вы говорили об аксесскарах, — теперь была очередь Макс выгибать бровь, — вы не шутили.

Чудачка Синди издала восхищенный вопль:

— У-йа! — прокричала она, и они с Кендрой ударили по рукам. — Сестренка, ты выглядишь, что надо! Тебе понравится.

Макс была удивлена и тронута:

— Сомневаюсь, что мне это нужно, — сказала она, — но раз уж вы так преобразили меня, я останусь в таком виде — никогда не знаешь, что может случиться.

Они снова рассмеялись. На самом деле, кошачье ДНК недавно снова подняло свою пушистую головку в Макс, так что ей снова приходилось вести борьбу с гормонами. Одним из самых оскорбительных аспектов ее пробирочного происхождения как для человека были эти периоды кошачьей горячки. Но она научилась с ними справляться.

Ранее Кендра и Чудачка Синди подвели Макс брови, научили ее пользоваться подводкой, тушью, тенями, румянами и

помадой… тому, что пропустили военные приемы Мантикоры и преступные законы Муди…

Через пятнадцать минут ее терпение лопнуло, и Макс спросила:

— Неужели это превращение в порнозвезду обязательно?

Кендра обиженно посмотрела на нее:

— Ты ведь хочешь произвести хорошее впечатление, не правда ли?

Макс ухмыльнулась:

— На штаны парней?

— Подружка, — сказала Ч.С. — ты должна довериться тем, у кого больше опыта в подобных делах. Чудачка Синди и сестра Кендра знают все тонкости убийственного гардероба.

Последняя фраза попала в точку, но конечно же Макс скрыла истинную цель своего посещения вечеринки. Все, что она сказала подругам это то, что она идет на коктейльную вечеринку — что было правдой. И что очень богатый мужчина пригласил ее — это было ложью.

Ч.С. подняла палец:

— На тебя сегодя клюнет большая рыбка, подружка. Просто не забывай, что это твои девочки помогли с наживкой.

Любуясь своим отражением в зеркале и поправляя прическу, удивленная тем, что ей нравится выглядеть красивой, Макс произнесла:

— Но я обеспечила приманку.

Чудачка Синди так же задумчиво пробормотала:

— Бесспорно, девочка… бесспорно.

Кендра положила руки на голову Макс:

— Сиди смирно или мы никогда не превратим эту тыкву в Золушку.

Чудачка Синди, казалось, задумалась над этим замечанием — что-то было не так.

После этого Макс в течение сорока пяти минут выдерживала это испытание, скорее удивленная тем, как сложно нанести косметику, чтобы казалось что ее нет вообще. И после того, как она надела маленькое черное платье, наконец, — после последнего поворота перед зеркалом, наслаждаясь блеском своих кудрей, и тем, как платье облегало ее тело, — она была готова… работать.

После ее последнего визита в поместье Стерлинга — в образе полуночного грабителя — Макс решила избрать другую стратегию, чтобы проникнуть в дом и получить информацию от хозяина замка. Тем временем, она узнала много нового о Джареде Стерлинге.

С одной стороны Стерлинг не был добропорядочным, образцовым гражданином, каким пытались представить его официальные СМИ. Как бы сильно он не старался показать, что он является постимпульсным примером честного миллионера, он не был филантропом и покровителем искусства.

Инача небольшое вторжение Макс в его дом наделало бы много шума в новостях. Ее авантюра заполнила бы SNN и первые полосы газет и сети, а также любое свободное место в так называемом свободном мире.

Но нигде не было ни одного упоминания об этом.

В полицейских сводках не было даже стандартного сообщения вроде «Офицеры отреагировали на сигнализацию по адресу…» Не имеет значения, на сколько частной персоной может быть Стерлинг, взлом должен был наделать шума — как это сделала сигнализация. Полиция без сомнений среагировала и была отправлена большим человеком восвояси, либо же расследование взлома держалось в секрете от СМИ.

Почему?

Потому что Джереда Стерлинга нельзя отнести к хорошим людям.

Макс не смогла бы точно сказать почему, но Стерлинг не был чист — что явно доказывало наличие у него Сердца Океана.

И если это Стерлинг устроил истребление Китайского Клана, гонясь за камнем, она убьет его.

Но сперва она должна быть убеждена в его виновности. Если же он был не более чем коллекционером, который купил горячую добычу у дилера, это значит, что он может быть просто ниточкой к настоящему злодею. И, учитывая участие Мантикоры в резне в Китайском Театре, этим злодеем мог оказаться полдовник Дональд Лайдекер собственной персоной.

Из более приземленных… но полезных… источников Макс также узнала, что коллекционер был одинок. Он коллекционировал красивых женщин так же, как картины, и устраивал вечеринку, чтобы продемонстрировать нового Гранта Вуда у себя дома… этим вечером.

Мантикора научила Макс использовать любую возможность в своих интересах, и это походило на удобный шанс наконец встретиться с Джаредом Стерлингом… снова. Она стояла спиной к нему при их первой, короткой встрече, и, насколько она знала, ни одной камере видеонаблюдения не удалось снять ее лицо.

В обычном случае она бы использовала самый экономичный — и самый волнующий — способ попасть на паром: ее Нинзя. Но ее наряд делал его непрактичным, и она была вынуждена потратить в десять или двенадцать раз больше и взять такси.

Переправа на пароме до острова Вашон так же не была бесплатной, а потом еще одно такси доставило ее к воротам усадьбы Стерлинга.

Сложив свои затраты, Макс закатила глаза и поняла, почему здесь живут только богатые люди — кому еще по карману такое путешествие?

Водитель такси — пожилой тощий мужчина, который выглядел так, будто бы не прикасался к настоящей еде со времен Импульса, — остановил машину у главных ворот, где охранник в черном костюме и галстуке — темноволосый, похожий на выходца из Средиземноморья, не из тех, с кем она забавлялась той ночью, — подошел, держа в руке клипборд. Таксист махнул охраннику в сторону задних сидений, где расположилась Макс.

Она опустила окно.

— У вас есть приглашение, мисс? — спросил он, его тон был приятным, но смуглое лицо оставалось серьезным, а карие глаза впились в нее как лазеры.

— Проклятье, — простонала она, делая вид, что роется в своей крошечной сумочке. — Оно где-то здесь…

Наконец, она сдалась, подняла на охранника расширившиеся и (она надеялась) красивые глаза, и ослепительно улыбнулась.

— Думаю, что его нет… Я так долго сюда добиралась.

Он положил руку на опущенное стекло.

— Возможно, если вы назовете мне свое имя, я смогу поискать его в списке гостей.

Макс просматривала фотографии Стерлинга с молодыми симпатичными женщинами (а их за последний год было несколько дюжин), и выбрала миниатюрную брюнетку, которая чем-то напоминала Макс.

— Я уже была здесь, — сказала она. — Пару месяцев назад. Мариса Бартон.

Крошечная улыбка появилась в уголке губ охранника:

— Мисс Бартон уже внутри.

Макс улыбнулась в ответ:

— Слушайте… Я буду честна с вами. Я журналистка, и это мой шанс. — И вытащила из сумочки двадцатидолларовую купюру.

Но охранник, даже не полеблясь, покачал головой.

Макс спросила с застывшей улыбкой:

— Вы ведь не собираетесь пускать меня внутрь?

— К вашему несчастью, «мисс Бартон», я гей. Так что вам нечем меня заинтересовать… Скажите своему водителю разворачиваться, и мы не будем переходить к следующему шагу… Вам бы этот шаг не понравился в любом случае.

— Может поспорим. — Она уже убрала свои двадцать баксов.

Макс сказала водителю развернуть такси, но прежде чем таксист сменил передачу, охранник наклонился, словно взрослый разговаривающий с ребенком и произнес:

— Кстати, просто на будущее — мисс Бартон — сейчас блондинка… Для журналистки вы не слишком внимательны к деталям.

Она усмехнулась.

— Я учту это.

Водитель развернулся и поехал назад к парому. Когда их уже нельзя было увидеть от ворот, Макс приказала ему остановиться и, дождавшись пока не будет проезжающих мимо машин, вылезла из кабины. На улице было темно, а особняк Стерлинга был в двух кварталах позади.

— Если собираешься перелезать через ограду в этом платье, — сказал тощий таксист, когда она подошла расплатиться с ним через опущеное окно, — я бы не отказался остаться и посмотреть.

Она вытащила двадцать баксов. — Держи.

— О! Спасибо, милочка… это щедро.

— Нет — это плата за твою амнезию. Если ты предупредишь на охранников обо мне, я захочу вернуть моего Энди Джексона назад.

— Конечно. — Он взял у нее деньги, а она схватила и стиснула его запястье. Сильно.

Она жестко посмотрела на него, слишком, и его глаза расширились от удивления и испуга.

— Если ты думаешь, что можешь сыграть по центру против обоих сторон, — сказала она, — ты будешь удивлен, на что способна девушка в платье подобном этому.

Он кивнул, сказал, что все понял, нет проблем и уехал.

По дороге назад, Макс избегала дороги идущей перед замком, зная что другие машины воспользуются ею. Она миновала то место, где прошлой ночью пришвартовала лодку. Даже в коротком платье, стена была не большим препятствием, чем в первый раз, хотя таксист мог бы насладиться совершенно восхитительным зрелищем.

Она скользнула мимо дома к его лицевой стороне, остановилась в тени, выжидая пока большая компания из 6–7 человек вышли из длинного лимузина — их слегка пьяный смех фальшивой нотой звучал в ночном воздухе — и промчалась по широкой леснице к массивной долларообразной двери. Когда они проходили мимо львов, Макс просто слилась с толпой и во второй раз вошла в особняк Стерлинга.

Струнный квартет сидел с одной стороны фойе, их мягкие мелодии служили ненавязчивым фоном для множества разговоров. Благодаря Муди, Макс узнала отрывки из Баха, хотя названия ускользнули из ее памяти — в конце концов, это не то, что можно было украсть.

В последний раз Макс стояла в этом фойе вломившись в дом — и чувствовала себя куда спокойнее, чем стоя посреди этой изысканой толпы… общающихся маленькими группами, потягивающих шампанское, покусывающих канапе, услужливых официантов с серебряными подносами в руках в белых рубашках, смокингах и черных галстуках, лавирующих сквозь толпу словно танцоры Чиппендейла. Большинству приглашенных мужчин было за сорок или около того, они были одеты в дорогие костюмы и источали ауру успеха. Женщины — на десяток лет моложе своих сопровождающих, в обтягивающих платьях для коктейля и аурой излишества.

Макс подавила в себе наростающую панику — она редко чувствовала себя настолько не на месте за всю свою недолгую жизнь, ну может только в первые месяцы после побега из Мантикоры.

Некоторые богачи не выдержали Импульса, даже опустились на самое дно бедности. Те кто родился богатыми — или такие капиталисты(типа Джареда Стерлинга), которые видели в несчастьях потенциал для собственного процветания — жили, словно никакого Импульса и не было. Для таких людей быть богатыми было так же естественно как дышать; те, кто родились в достатке, начнут чахнуть и умирать, стоит им потерять свое состояние.

Такой образ жизни был абсолютно чужд Макс, которая считала каждую заработанную копейку… ну или украденную. О, в своих фантазиях она конечно видела себя в Лос Анжелесе, окруженную богатством и роскошью; но она всегда была лишь сторонним наблюдателем, надеясь стянуть побрякушку или кошелек, когда богачи, за которыми охотилась она и другие члены Китайского Клана, на что-либо отвлекались.

Не смотря на то, что Кендра и Чудачка Синди постарались помочь ей вписаться в обстановку, для Макс это было невозможно; хотя ее подружки постарались на славу. Ее темная экзотическая красота, так откровенно выставленная в сильно декальтированом платье, привлекла взгляды мужчин, стоило ей только войти. Женщинам понадобилось всего на секунду больше, чтобы заметить, насколько она выделяется… внезапно Макс оказалась в комнате единственной женщиной с кошачьими генами: подружки-дебютантки и трофейные жены смотрели на

нее с нескрываемым презрением.

Официант остановился около Макс, она взяла бокал шампанского с подноса и обменялась с ним улыбками — два человека запертые в ловушке здешнего Декадантского Музея. Он отошел, она сделала глоток, надеясь, что пузырьки слегка расслабят ее, но ограничила себя одним бокалом: она, все-таки, на работе…

По пути в галлерею, Макс кивнула паре мужчин, которые оценивающе смотрели на нее, думая, — Даже если бы у меня все еще была горячка, у вас, самцы, все-равно не было-бы шанса…

Большой зал, где она так недавно общалась с охраной, сейчас вмещал в себя около пятидесяти человек, толпами наслаждающихся искусством, бормочущими оценки коллекции Стерлинга, почти каждый третий пытался впечатлить своими знаниями. Музыка из фойе просачивалась сюда, но приглушенно, словно заезжаная пластинка.

Оглядев комнату, Макс обнаружила, что люди Стерлинга уничтожили последствия ее визита, чисто и эффективно. Дырки от пуль из пистолета начальника охраны были заделаны; Джексон Поллок, уничтоженый Маурером MP7A был снят (и заменен другой картиной Поллока!); и — что особо удивило Макс — она уловила отсвет новой витрины из оргстекла, где она нашла Сердце Океана. Но ей необходимо было подобраться поближе, чтобы увидеть, что поместили на место ожерелья…

Не желая показаться подозрительной — и начав всерьез искать Стерлинга — Макс пошла вдоль левой стены комнаты (противоположной той где стояла витрина), скользя вдоль гостей, рассматривающих картины. Шикарная блондинка в синем бархате, должно быть недавняя выпускница художественной школы, рассказывала о цветке Джорджии О'Киф ее более старшему спутнику, подчеркивая «мощное значение жизни и становления женщины.» Когда Макс прокралась мимо парочки, она заметила что рука блондинки ласкала бедра ее партнера, вытянутое лицо которого вытянулось наподобие одного из коровьих черепов О'Кифа. Он изучал ее, не картину — Макс чувствовала, что он прекрасно понимает символику цветения.

Слегка покачивая головой, Макс устремила свой взгляд на дальнюю стену, одну из картин Хельга Эндрю Уайета, которую она хотела забрать во время своего первого визита. Она улыбнулась про себя, продолжив свой путь, прикидывая возможность третьего визита в особняк в одну из следующих ночей…

До сих пор никаких признаков Стерлинга — или, если на то пошло, его охранников. Она скользила из одной группы

помпезных людей в другую пока не остановилась напротив другого Гранта Вуда, который занял место принадлежавшее «Смерти на горной дороге». «Приход весны» — маслом на мазоните, выполнена в 1936 — изображала большие зеленые поля, тянущиеся в бесконечность, плавные холмы под синим небом и пушистыми облаками. На переднем плане маленький человек за плугом. 18 на 40, Весна была столь же громоздка; если она вернется, ее придется оставить.

И снова Макс оглядела комнату в поисках Стерлинга, и не увидела его. Но прежде чем она продолжит поиски в другой комнате, она должна была узнать, что Стерлинг положил в витрину из оргстекла. Она подождала пока две парочки, стоящие у нее на пути, отойдут, подошла и взглянула на черную бархатную подушечку… …от того что на ней лежало у нее перехватило дыхание.

Сердце Океана!

Какого черта?… Каким образом Стерлинг вернул его обратно? Это невозможно — ожерелье спрятано в ее каморке, и даже Кендра не знает где оно.

Выставленное ожерелье завораживало и выглядело подлинным… но это сумасшествие. Ее сердце билось, ладони потели, Макс подошла ближе, наклонилась, чтобы лучше разглядеть. Золотая пластина гласила: «Сердце Океана — одно из двух ожерелий из известного фильма Титаник; другое хранится в Музее Голливудского Наследия.» Пока она убеждалась в его подлинности, Макс почувствовала чужое присутствие — кто-то подошел к ней сзади.

— Красиво, не правда ли?

Распознав теплый мужской голос, Макс развернулась к Джареду Стерлингу — высокому блондину, находящемуся в конце своего второго десятка, с ярко-голубыми глазами и аккуратно подстриженной более темной бородкой; на нем был черный костюм, застегнутый на все пуговицы, из под которого выглядывал черный воротник рубашки, без галстука — несущественный в формальной обстановке.

— Красиво, — сказала она, — для подделки.

Стерлинг наградил ее небольшим намеком на улыбку.

— Да, красивая подделка… как и ты, моя дорогая.

Озноб пробежал по ее телу.

— Простите, что?

— Музыка слишком громко? Ты не слышишь меня?

Теперь он стоял рядом с ней, наклонившись ближе, голосом более интимным и порочным сказал, — Ожерелье похоже на тебя — красиво, но не является тем, чем выглядит.

Она ответила собственной улыбкой.

— И кем же я являюсь?

— Одна из нескольких красивых женщин, которых я пригласил на вечеринку… но не ты, не так-ли?

— Не красивая?

— Не приглашенная, — усмехнулся Стерлинг. — Как они это называли, в прежние времена, незванный гость.

Она повернулась, оказавшись с ним лицом к лицу; они стояли так близко, словно собирались поцеловаться, купол из оргстекла находился в футе от ее левой и его правой руки. Она чувствовала легкий аромат его одеколона, манящий, с цитрусвым оттенком. Воздух между ними казался заряжен, а глаза скрестились.

Она спросила:

— С чего вы взяли, что у меня нет приглашения? Может я здесь в компании одного из ваших гостей?

— Дорогая, — сказал он со снисхождением, — я устроил эту маленькую вечеринку… и лично согласовал каждого приглашенного. Никто не может привести гостя на мой праздник без предварительного оповещения… если только он не хочет быть навсегда исключен из списка приглашенных.

— А я только подумала, что вы гостеприимный хозяин.

— О, я такой. — Он кивнул в сторону людей восхищающихся его картинами. — Я дружу со ними всеми, на самом деле я знаю всех здесь… всех, кроме тебя. Хотя есть что-то… в тебе знакомое. Мы раньше не встречались, моя дорогая?

Она почувствовала легкую дрожь:

— Может в ваших мечтах?

Еще одна улыбка промелькнула за аккуратно-подстриженной бородкой.

— Если бы только у меня было столь живое воображение… Не хотите-ли выпить? Еще немного шампанского, быть может?

Она протянула свой пустой бокал — Почему бы и нет?

— Но прежде, — сказал он, — с чего вы взяли, что реквизит из известного фильма, принадлежащий мне — подделка.

— О, это может быть действительно реквизит из фильма — я уверена, у них была копия настоящего ожерелья, когда они снимали фильм.

— Настоящего ожерелья? — спросил он невинно.

— Всего нескольким людям известно, что ожерелье в Музее Голливудского Наследия — которое, кстати, было украдено — на самом деле подлинное, 48 крохотных циркониев, образуют сердце вокруг голубого камня.

— Это просто абсурд, — сказал он уверенно — И, — продолжила она небрежно, почти презрительно кивнув в сторону

витрины, — в это вставлено 50.

Он перевел взгляд от нее к ожерелью и обратно.

— Что ж!.. Ты очень сообразительная молодая женщина. А теперь, ты все еще хочешь шампанского?

— Я ведь права, не так ли? — взяв под руку Стерлинга, Макс позволила ему увести себя в фойе.

— В некотором роде — ожерелье в витрине атрибут из фильма…ты не думаешь, что я буду хвастать оригиналом перед гостями? Самое ценное из двух ожерелий использовалось лишь для съемки крупным планом? Особенно когда… его происхождение… сомнительно.

— Вы имеете ввиду из-за кражи имущества… Ну, тогда настоящее ожерелье где-то в надежном месте — в банковской ячейке или типа того.

— Я не знаю, где оно.

— Почему?

— Не будь столь кокетливой, дорогая, — ты украла его. Помнишь?

Их глаза встретились и желудок Макс сделал сальто, но она ничего не сказала; она не думала, что он будет устраивать сцену здесь — не рискнет обнародовать, что в его коллекции есть краденые вещи.

Они взяли у официанта по новому бокалу шампанского и проследовали вниз по лестнице к задней части дома. Здесь было куда меньше народу.

— Куда мы идем? — спросила она.

— В гостиную. У меня есть что показать тебе.

Она улыбнулась.

— Если это — оружие, мне не интересно… Если кое-что другое, спасибо конечно — и это я тоже видела.

— Ты такой смешной ребенок, — усмехнился Стерлинг. — Очень заманчиво, но я не это имел ввиду. Я хочу, чтобы ты увидела еще одно произведение искусства.

Пожав плечами, она сказала:

— Ладно.

Стерлинг отпер дверь и они вошли в большую гостиную с плюшевым диваном, обитым фиолетовым бархатом.

— Чтобы нас не беспокоили, — сказал Стерлинг, — мне необходимо вновь запереть дверь… это тебя не смущает?

Она не особо его боялась. — Валяй.

Он запер дверь и вскоре они сидели рядом на фиолетовом диване; здесь опять преобладал колониальный стиль. Кофейный столик орехового цвета отделял их от двух стульев, вдоль одной стены стояли книжные полки, заполненые томами в кожаном

переплете. На противоположной стене висели тяжелые фиолетовые шторы, под цвет дивана, вероятно прикрывающие большое окно, выходящее на задний двор.

На стене за диваном находился, как Макс подозревала, оригинал «Ночного Дозора» Рембрандта. Рядом с запертой дверью картина Ремингтона, в которой Макс узнала «Снежную тропу» — Это те произведения, которые ты хотел мне показать?

— Нет.

Коллекционер потягивал шампанское, он вновь улыбнулся, белозубая улыбка была черезчур яркой и слишком широкой.

— Ты и правда сказала охране на входе, что ты Мариса Бартон?

Стерлинг, похоже, ничего не упускал здесь из виду. Внезапно, запертая дверь стала ее беспокоить. Она решила подыграть ему.

— Девочка делает то, что девочка может сделать, — сказала она, — чтобы встретиться с мужчиной, с которым она хочет встретиться.

— А ты хотела со мной встретиться?

Макс прикоснулась к его ноге.

— Привлекательный, богатый… у вас есть чем привлечь, мистер Стерлинг.

Он положил руку поверх ее.

— Спасибо, что поставили «привлекательный» в списке перед «богатый». — Теперь он поглядывал в сторону закрытой двери. — Но что нам делать с Марисой?

Макс придвинулась ближе.

— Забудь о ней.

— Это вариант, — сказал он; вновь они были достаточно близко, чтобы поцеловаться. — Или… мы можем пригласить ее к нам присоединиться.

Вновь воздух между ними стал напряженным, но в этот раз иначе, Макс заставляла себя не отпрянуть. — Я не люблю делиться хорошими вещами, — ответила она В этой части большого дома было очень тихо. Она и Стерлинг были единственными, кто не учавствовал в вечеринке?

— Прежде чем мы решим, что делать с Марисой, — сказал он и отодвинулся от нее, всего на чуть-чуть, — нам, возможно, стоит решить, что делать с тобой.

Он вынул кусочек бумаги из внутреннего кармана и бросил его на кофейный столик перед ними — фото, взятое из видеозаписи, точнее с камеры наблюдения… …избражение Макс, стоящей в галлерее дома Стерлинга с подлиным Сердцем Океана в руках.

— Это, — он уже не улыбался, — произведение искусства,

которое я хотел тебе показать.

Слишком хорошо для выведенной из строя системы видеонаблюдения.

— Я сделал его, когда ты была здесь ночью… как твое имя, милая?

Она не ответила.

Стерлинг настаивал:

— Я так понимаю, ты здесь, для того чтобы договориться о возвращении ожерелья и картины Гранта Вуда… верно?

Ее лицо ничего не выражало и она просто ответила:

— Нет.

— Не строй невинность — зачем же еще ты пришла в мой дом сегодня, рискуя свободой, пройдя через все трудности преодоления стены и рыская вокруг, словно обычная воровка?

— Вообще-то, я не обычная воровка, мистер Стерлинг.

Его улыбка вернулась — хотя зубы были уже не столь видны. — Это правда, милая — истиная правда.

Она по-индийски скрестила руки на груди. — Мы можем, пожалуй, обсудить цену за возвращение этих двух предметов. Вы будете удивлены, насколько разумной она может быть.

Он прищурился; он явно был заинтригован. — Попробуй.

Она скрыла настойчивость и озабоченность своего голоса. — Просто скажите, где вы его взяли.

— Взял что, милая?

— Сердце Океана. Ответьте и я верну его… За Гранта Вуда, впрочем, придется немного заплатить, но…

— Дорогая, — сказал Стерлинг. — Неужели ты не понимаешь, что человек, занимающийся сбором предметов искусств из подполья, как я, должен защищать не только себя, но и свои источники. В любом случае, какое тебе дело до того, где я достал ожерелье?

— Я должна знать, — сказала она и в этот раз волнение просочилось наружу.

Он оценил все что она сказала и произнес, — Я мгу заключить с тобой сделку — но я должен обезопасить себя. Поэтому я снова должен спросить — зачем ты хочешь это узнать?

Она не могла придумать ничего лучше, чем сказать ему правду — что она и сделала, — Я — та, кто украл ожерелье изначально, из музея в ЛА. -…я впечатлен.

— Я оставила ожерелье у друзей, когда покидала город. Между тем, мои друзья были убиты — ожерелье оказалось у вас. Я должна знать, как это случилось.

Он выглядел удивленным. — Чтобы отомстить за друзей, — произнес он так, словно это была безумная идея.

— Конечно, чтобы отомстить за друзей.

— И это важнее денег?

— Для меня да. Мистер Стерлинг… Джаред — мы сможем договориться? Вы хотите свое ожерелье обратно?

— Конечно сможем… господа!

Дверь открылась и Моралес с Маурером вошли в гостиную. В черных костюмах и галстуках, на них остался след напоминающий о их первой встрече с Макс: у Маурера были синяки под глазами и повязка на сломанном носу, а Моралес имел многочисленные ушибы по всему телу. Они сердито на нее смотрели.

Голос стерлинга стал холоден. — Вот мое предложение: верни мне мое имущество и я не дам убить тебя.

— Очень щедро — но с чего мне быть уверенной, что вы выполните свою часть сделки.

Он улыбнулся ей, на этот раз беззубо, и сказал, — Потому что у тебя есть уникальные способности, милая… и я мог бы использовать некоторые из твоих талантов за мои деньги… Верно, мальчики?

Ни Маурер ни Моралес не выразили своего мнения.

— Я работаю одна, — сказала она. — Что касается оставшейся части вашего предложения… спасибо, но нет.

— Если ты не согласишься с моими условиями, я убежусь, что твоя смерть будет мучительной и неприятной. Если согласишься — я позволю тебе жить. Кто знает? Ты можешь даже изменить свое мнение о моем предложении о найме.

— Я пасс.

— Дорогая, лучше согласись на переговоры. Тебе и правда стоит воспользоваться моей щедростью.

Она чуть-ли не смеялась. — Вы и впрямь думаете, что это сработает? В смысле, я ведь уже надрала задницу обоим этим ребятам и не только.

Стерлинг пожал плечами и развел руки, соглашаясь, — Это так… но теперь у нас в городе есть союзники; и мы позвали… подкрепление… Моралес! Не пригласишь нашего друга?

Моралес кивнул и вышел из комнаты.

— Тебе стоило согласиться на сделку со мной, Макс, — сказал Стерлинг.

Макс…

— Откуда, черт возьми, вы знаете мое имя? — потребовала она ответа.

Моралес вернулся и занял свое место с одной стороны двери, Маурер — с другой. Спустя несколько мнгновений вошел третий, высокий, тощий, с внешнстью рок-звезды, одетый в коричневую

кожаную куртку до колен поверх бледно-голубой шелковой рубашки и черных кожаных брюк.

Кафельников!

Стерлинг произнес, — Думаю, ты знакома с моим другом Михаилом.

Улыбка русского была столь же змеиной, как его ботинки. — Наслаждаешься вечеринкой, Макс?

Она вскочила на ноги… и почувствовала тяжесть пистолетного дула, упирающегося ей в ребра.

— Ну, ну, — сказал Стерлинг, стоящий позади нее, шепча на ухо, словно любовник. — Давай не будем делать глупости…

Кафельников и двое охранников тоже держали свое оружие. Она слегка покачала головой. — Я думаю, я уже была… неосторожна.

— Похоже на то.

Хотя дуло его автомата впивалось ей в бок, он поцеловал ее в шею, и она почувствовала дрожь — неприятную дрожь.

— А теперь, дорогая, — сказал он, — я хочу от тебя несколько вещей… Сердце Океана… Гранта Вуда… и еще…

— Это все. — холодно сказала она. Она не спускала глаз с русского, который улыбался ей, находя забавной ту ненависть, с которой она на него смотрела.

— Нет, не все, — Кафельников подошели встал в нескольких футах от Макс. — Расскажи нам о втором.

Макс нахмурилась, — Что?…

Стерлинг нежно прошептал, — Расскажи нам о своем партнере… о том, кто вломился в мой офис.

Макс почувствовала, как кровь отливает от ее лица. — Партнере?

Стерлинг обошел вокруг Макс, не отводя от нее дула пистолета. — Не стесняйся, детка — тебе не идет… Кто он?

Выплевывая слова, она сказала, — Я понятия не имею, о чем ты, к черту, говоришь.

— Моралес! — гаркнул Стерлинг. — Покажи ей.

Охранник подошел и протянул ей другую фотографию снятую камерой слежения.

На этой, молодой мужчина стоял среди упавших охранников. И вновь она обнаружила, что пристально изучает зернистое изображение парня, который мог быть ее братом — Сет? Надежда проснулась в ней, не смотря на ее положение.

Свободной рукой Стерлинг отобрал у нее фото. — Теперь, милая — скажи нам, где он, и что вы двое сделали с моей собственностью — Я его не знаю, — сказала Макс, пожав плечами. — Извини.

Кафельников резко засмеялся. — Я видел тебя в действии, Макс… и видел запись с этим парнем, разбрасывающим копов вокруг себя, словно кукол. Если вы двое не брат и сестра, то по крайней мере у вас был один учитель.

Глаза Макс округлились. — С чего ты взял, что мы брат и сестра?

Русский пожал плечами. — Вы двигаетесь одинаково, вы деретесь одинаково — движения ваших рук, ног, головы одинаковы. Либо вы родственники, либо обучались у одного учителя, скорее всего в одно и то же время. В любом случае, ты его знаешь. Кто он и где он?

— Ты хочешь знать это, — спросила Макс русского, — потому что твоего делового партнера ограбили… или за этого бунтаря назначили награду? А может и за меня?

— Понятие не имею, о чем ты говоришь, — ложь Кафельникова, была очевидна.

Макс покосилась на хозяина дома. — Спросите о его друге Лайдекере — спросите своего русского приятеля, какие произведения коллекционирует Мантикора.

Стерлинг взглянул на Кафельникова. — О чем она болтает?

— Ни о чем — это просто… болтовня!

Макс улыбалась, Стерлинг, двое телохранителей и даже русский были явно смущены отсутствием страха в ее поведении.

— Вечеринка была великолепной, — сказала она. — Мистер Стерлинг, я должна вас сильно поблагодарить. И вас, Михаил. Я узнала все зачем пришла, и даже больше.

— Какого черта, о чем она говорит? — настаивал Стерлинг. — Кто такой Лайдекер?

Внимание Стерлинга было сосредоточено на русском, и его охранники тоже смотрели на него; лишь русский смотрел на Макс, но его оружие смотрело вниз. Когда она не отреагировала вначале, мужчины расслабились, как неосторожно, теперь было самое время…

Она лишь хотела бы, чтобы на ней не было этих проклятых колодок.

Ее рука двигалась так быстро, что никто не отреагировал; она отвела пистолет Стерлинга от себя всторону и он рефлекторно нажал на курок, шальная пуля заставила русского и двоих охранников искать укрытие. Она сломала Стерлингу безымянный палец и выбила оружие из его рук, когда он завопил от боли и удивления.

Она вынула обойму и одним плавным движением подняла пистолет и послала его как мяч в Маурера, когда он в нее прицелился. Пистолет сломал охраннику нос (снова), превратив

его лицо в мокрую багряную маску в то время как он сполз на пол.

Она ударила коллекционера локтем по лицу, остановив его крики, вырубя его. Она отошла от дивана, занавешаные окна были позади нее, когда Моралес набросился на нее с электрошоком; она увернулась, вырвала его из его рук, когда он попытался ее схватить — с помощью Макс, толчок которой заставил его потерять равновесие — Моралес сорвал занавески и вылетел выбив окно.

Обернувшись, она увидела, как Кафельников поднял свой пистолет, но когда он выстрелил, она уклонилась. Пуля просвистела через окно и растворилась в ночи, в то время как Макс ткнула электрошоком под ребра Кафельникову. Пистолет выпал из его вялой руки и он упал на пол без сознания.

Макс посмотрела на него сверху вниз…

Макс знала, Зак или Сет тут же убили бы его; но она не была уверена будет ли убийство уже поверженого противника достаточно для мести. Она не успела принять решение, когда выстрелы огласили комнату, появилась остальная охрана.

Макс выскочила сквозь разбитое окно, все больше пуль крошило стены вокруг нее, деревянные и пластиковые фрагменты разлетались вокруг. Она приземлилась недалеко от упавшего Маурера, вскочила и побежала. Ночь ожила воплями и криками гостей Стерлинга, напуганными стрельбой.

К тому времени как охранники смогли вновь начать стрелять, высунув дула оружий из окна, Макс уже была вне зоны досягаемости.

Она не могла рисковать, садясь на паром, и у нее не было лодки, поэтому она скинула эти проклятые туфли и нырнула в холодную воду. Пока она плыла, она раздумывала, почему колебалась, когда появился шанс убить Кафельникова.

Это было на нее не похоже и уж точно не то, чему ее обучали — хотя принятое решение было стратегически правильным, ведь русский был причастен к участию Лайдекера в резне в Манне…

Она подумала о Кендре, Чудачке Синди и других «нормальных» людях, вошедших в ее жизнь… даже о Нормале; может общение со всеми ими делает ее более человечной.

Она спрашивала себя, было ли это хорошо, быть более человечной, более нормальной.

Когда она вернулась к себе, мокрая насквозь, платье Кендры испорчено, Макс подумала о парне, который должно быть был Сетом. Теперь она должна была найти его не только ради себя, но и ради него тоже.

Сет был в опасности и она не знала как предупредить его; но

она должна найти способ.

Глава 11. «F» КАК ФАЛЬШИВКА

КВАРТИРА ЛОГАНА КЕЙЛА

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Бродя вокруг картины Джона Сингера Сарджента с маленьким ручным ультрафиолетовым излучателем, Пепе Хендерсон — друг Логана эксперт-искусствовед из Художественного Музея Сиэтла — корпел над холстом, как криминалист в поисках улик. В свои сорок с небольшим, проводя большую часть жизни за сидячей работой и поедая слишком много фаст-фуда, Хендерсон был невзрачным профессионалом, редкие темные волосы, толстые квадратные очки в черной оправе на круглом лице, белая рубашка на пуговицах, сильно натянутая на животе, и черные брюки, спадающие и открывающие вид вызывающий желание у людей не опускать шеи чтобы его не видеть.

В пуловере, свитере и джинсах, внешне расслабленный и сконцентрированый, Логан Кейл сидел в одном их двух стульев, стоявших по бокам от его кричневого дивана, но внутри его живота пульсировало беспокойство.

Три картины, украденные Сетом из Энжидайн, были разложены на диванных подушках, остальные три разглажены на ковре. Ненатянутые полотна, выглядели не очень, словно шкуры животных, это приводило в замешательство. Свет был приглушен, чтобы эксперт мог пользоваться своим ультрафиолетом. Логан до сих пор не мог поверить в то, какие шедевры были разложены на и вкруг его дивана — Н.К. Вейт, Джон Сингер Сарджент, Джексон Поллок, Норман Рокуэлл, Чарльз М. Рассел, и Фредерик Ремингтон… удивительная коллекция.

В черной кожаной куртке, синих джинсах и серой майке с надписью ЛЕКС (смысла которой Логан не понимал) угрюмый Сет маячил по паркету вокруг. Нервничая, дергаясь, словно наркоман (Логан даже предположил, что парень слегка подсел на триптофан), Сет смотрел, как эксперт исследовал его картины, словно отец ждущий рождения ребенка, радостно принесший видеокамеру в родильный зал, лишь для того, чтобы сбежать при виде крови от кесарева сечения…

— Без сомнений, — сказал Хендерсон вставая, и, к счастью, подтянул свои штаны.

— Я же говорил, что они настоящие, — напыщенно сказал Сет, обходя диван.

Хендерсон поднял руку, словно смущенный регулировщик.

— Нет — извини, сынок… Несомненно это — подделка.

Сверкая глазами, сет рванул и угрожающе навис над Логаном.

— Какого черта… что за подстава?… Это ты наказал ему, чтоб он так сказал!

Логан покачал головой. — Нет, Сет… я этого не делал. Честно, мне нет нужды кидать тебя на деньги — деньги у меня есть. — Он вздохнул. — Но признаюсь, что я боялся, что они могут быть подделками.

Сет указал на Сарджента, словно хотел прострелить ее. — Только из-за того, что этот кусок дерьма — фальшивка, не значит, что остальные тоже!

— Верно, — спокойно согласился Логан, а затем добавил, — И все же, Сет — это трудно назвать хорошим знаком. Не возлагай особых надежд.

Эксперт переступл с ноги на ногу и вмешался в разговор. — Не поймите меня неправильно, ребята — это великолепная работа. — Хендерсон уважительно покачал головой. — Лучшая подделка из всех что я видел… н все же подделка.

— Подделка, — кивнул Логан.

— Ну, а как на счет других? — кипятился Сет.

— Мне нужно несколько минут, — сказал эксперт и вернулся к работе.

Логан поднялся и положил руку на плечо Сета; то, что парень не сбросил ее было маленьким чудом.

— Ну, — сказал Логан, слегка улыбнувшись. — Пойдем на кухню. Не будем стоять над душой Пепе.

— Что есть, то есть, — добродушно заметил Хендерсон.

— Издеваешься, Логан? — Сет все-таки сбросил его руку.

— Я остаюсь здесь — твой приятель может подменить картины.

— Чем? — жестко спросил Логан, показывая вокруг, внезапно его достала паранойа Сета. — Единственное что Пепе принес с собой — маленький кейс с его прибором. Куда по-твоему он мог положить еще 6 поддельных картин?

— Он… он мог скатать их под штаны!

Хендерсон взглянул исподлобья. — Парни. Я тут проверяю для вас картины, так что будьте довольны — но если вы считаете, что я собираюсь вас кинуть, тогда ищите себе другого…

Логан поднял вверх руки. — Нет, все в порядке, Пепе… пожалуйста, вернись к работе. — Он посмотрел на Сета,

приподняв бровь. — Ты готов вернуться на Планету Земля?

Смущеный Сет повернулся к эксперту. — Слушай — я ничего такого не имел ввиду… Думаешь они все фальшивые?

Склонившись над холстом, выставив напоказ свою задницу, Хендерсон произнес, — Не могу сказать, чем они могут оказаться. Некоторые заядлые коллекционеры могут быть обмануты фальшивками… иногда подделки висят рядом с оригиналами… Короче говоря, пока я не закончу, мы можем лишь строить догадки.

Логан мягко взял Сета за руку. — Пошли что-нибудь выпьем… Надо поговорить.

Неохотно Сет последовал за Логаном, на кухне тот налил им по чашке кофе, пока они сели напротив друг друга на стульях, отделенных высокой барной стойкой.

Его гнев перерос в отчаяние и Сет сказал, — Черт побери! А я только подумал, что наконец могу сделать перерыв, для разнообразия сделать что-то правильное в своей запутанной жизни.

Логан прихлебывал свое кофе, давая парню время остыть.

Стул не мог долго удержать Сета и вскоре парень расхаживал по кухне, жалуясь и возмущаясь. Современная и просторная, комната была выдержена в дереве и нержавеющей стали, со множеством шкафов для посуды. Логан, аккуратный по натуре, продумал эту комнату так же тщательно, как и все остальные аппартаменты — даже если мировой хаос был вне его контроля, его жизненное пространство несомненно будет таким как он хочет.

— Не могу поверить, — сказал Сет. — Вся работа впустую.

— Вовсе не впустую, — тихо заметил Логан.

— С какого перепоя ты так думаешь?

Сделав глубокий глоток из чашки, Логан недолго обдумал вопрос, прежде чем ответить. — Подумай, Сет — Мантикора наделила тебя не только великолепными боевыми навыками… у тебя есть исключительный ум. Воспользуйся им.

— Порази меня.

— Я пасс, — сказал Логан, — но спасибо за предложение… Смотри, есть только две причины для коллекционера, чтобы повесить фальшивки на стену.

Сет просто смотрел на него.

— Первая, — продолжил Логан, — коллекционер пытается защитить свою коллекцию… потому спрятал их куда-нибудь подальше.

— И повесил вместо них копии, — закончил Сет.

— Да — как богатая женщина, у которой фантастический

ассортимент украшений, дубликаты которых она носит, когда выходит в город.

— Думаешь, именно так поступил Стерлинг?

— Если честно, нет.

Сет нахмурился, скорее размышляя, чем гневаясь или будучи разочарванным. — Почему нет?

Логан пожал плечами. — Наш друг Джаред вложил в подделки подобного качества больше денег чем стоило, если бы он просто хотел повесить что-то на стену, чтобы одурачить своих друзей. Они не были предназначены для защиты личного имущества; они должны были обмануть всех, даже Пепе.

— Твой приятель Пепе достаточно легко раскусил их.

Нет — не легко… он использовал все свои профессиональные инструменты и навыки. Спроси его, если хочешь, смог бы он распознать в них фальшивки, если бы они просто висели в музее на стене… я думаю, он бы сказал, что в этом случае они бы одурачили даже его.

— Но тогда… какой к дьяволу смысл в этих подделках?

Логан прищурил глаза. — Думаю, Стерлинг выдал их за оригиналы… в то время как сами оригиналы были проданы заграницу.

— Зачем ему это? — спросил Сет останавливаясь. — Разве у него уже не достаточно денег?

— Таким людям как Стерлинг никогда не бывает достаточно денег. Они всегда ищут большего.

— Но у тебя то есть деньги, — с сарказмом заметил Сет, — и ты никогда не думал чтобы кинуть меня…

— Нет, не думал, — отрезал Логан. Скривившись, он добавил, — Но люди, подобные Стерлингу?… Если ты чувствуешь его руку в своем кармане, это вовсе не попытка показать фокус.

Сет уставился на Логана, все претензии давно испарились. — Звучит так, словно ты о нем что-то знаешь.

— Так и есть. — вздохнул Логан. — Видел его лично и достаточно близко.

Это показалось Сету интересным, он спросил — Где? — и вернулся на свой стул.

— Давно, — сказал Логан. — В другой жизни.

Логан не хотел вдаваться в подробности своей и семейной биографии. С тех пор, как его родители умерли, он пытался оставить эту часть его жизни позади; и уж тем более он не хотел обсуждать это с Сетом, ограниченым социопатом, который даже не имел никакого понятия о родителях.

Хендерсон откашлялся, заявляя о своем присутствии, устало пройдя на кухню и налив себе чашку кофе, он занял стул рядом с

Логаном.

— Они все поддельные, не так ли? — спросил Сет, его голос так поразил Логана, что тот мог бы поспорить, что парень чуть-ли не плачет.

Эксперт кивнул. — Прости, сынок — пожалуйста, не убивай посланника.

— Дерьмо, — сказал Сет. — Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Прихлебывая кофе, Хендерсон вздохнул и сказал, — Если это тебя утешит, они — без сомнений, лучшие подделки, с которыми я когда-либо сталкивался.

— Правда? — заинтересовался Логан.

— О да — холст правильного возраста, краски старые, треснуты правильно…

— Кого ими треснули? — спросил Сет.

— Треснули — рассохлись, — пояснил Хендерсон. — Понятия не имею, кто мог сотворить что-то столь… изощренное.

Логан заерзал на стуле, изучая Хендерсона тем же взглядом, как тот изучал картины. — Как ты смог понять, что это фальшивки, Пепе?

Хендерсон широко раскрыл глаза и усмехнулся. — Я и не смог — это ВПУ вычислил это.

— Вы спустили мои картины в водопровод? — нахмурился Сет (ВПУ = Водоподготовительная установка) Эксперт покачал головой, — Визуализирующий Проводник Ультрафиолета… измеряет кучу параметров с помощью УФ лучей.

Логан кивнул. — И что же ВПУ тебе сказал?

— Не смотря на то, что краски старые и потрескавшиеся, химический состав — четырехгодовалой давности. — Хендерсон жестикулировал с чашкой кофе в руках, — Взять, к примеру, картину Сарджента «Альпийский бассейн».

— И что с ней? — спросил Сет.

— Оригинал был написан в 1907.

Приложив руку ко лбу, словно измеряя температуру, Сет уставился вникуда. — Проклятье. Я должен был знать. Ну что я за болван…

— Вряд ли, — сказал эксперт. — Если бы я увидел эти картины в любом из солидных музеев или в частной коллекции, мне никогда бы не пришло в голову, что они могут быть фальшивками.

Сет и Логан переглянулись — Хендерсон только что подтвердил недавние слова Логана.

Хендерсон продолжал говорить, — Ремингтон умер в 1909, Рассел в 1926, Вейт в 1945, Поллок в 46-м, а Рокуэлл в 78-м… Однако все эти полотна написаны за последние 3–5 лет.

Сет казался ушедшим в себя, притихший за стойкой, он выглядел так, словно заболел.

Хендерсон закончил и поставил чашку на стойку. — Извините джентельмены, что у меня нет новостей получше — это было бы здорово, оказаться в комнате с оригиналами. — Эксперт поднялся со стула и отсалютовал хозяину. — Я собиру свои вещи.

Х5 и кибержурналист вновь остались на кухне одни. Они слышали, как Хендерсон шелестел в гостинной, потому Логан приглушил голос, — Сет, эти картины были лишь бонусом — они не то ради чего мы все затевали. То, что мы хотели, мы получили…

Сет посмотрел на него тусклым и безжизненным взглядом. — Чего?

— Компьютерный диск — помнишь?

Х5 молчал.

Логан улыбнулся и попробовал его подбодрить, — Ты украл картины в качестве прикрытия — так что Стерлинг будет думать, что единственная причина взлома — кража. Вероятно он не догадывается, что у нас есть этот диск.

Вяло кивнув, Сет согласился, — Вероятно нет.

— И, — сказал Логан, — если я сумею взломать код, мы можем узнать что-то, что позволит нам уничтожить его и Кафельникова.

— Например?

Логан пожал плечами. — На этом диске может быть что угодно — финансовые отчеты, отметки о местонахождении настоящих картин, кто знает?… Может даже ниточка к Лайдекеру и Мантикоре.

Из гостинной позвал Хендерсон, — Я собрался уходить, Логан, — Логан поднял указательный палец (подумай об этом Сет), а потом встретил эксперта у дверей.

Пожав руку Хендерсону, он сказал, — Позже еще позвоню.

Хендерсон спросил очень тихо, — Ты в порядке, наедине с этим парнем?

— Нормально.

— Не знаю, Логи… выглядит немного опасным.

— Так и есть.

Хендерсон закатил глаза и выставил себя и свой маленький кейс за дверь.

Когда Логан вернулся, он произнес, — Ты будешь рад узнать, что все картины все еще в гостинной.

— Супер. И чего стоит эта кипа уродливых подделок?

Логан встал рядом с сидящим парнем. — Это то, что я пытаюсь тебе объяснить, Сет — в отношении того, чего мы хотим

добиться — чертовски много.

— Это поможет мне стать богатым?

Логан пожал плечами. — Скорее всего нет. Но твои действия помогут остановить Кафельникова и, возможно, Стерлинга, который в свете происшедшего выглядит чертовски нечистым.

Ничто из этого, похоже, Сета не волновало.

— Смотри, — сказал X5, — моя жизнь сводится к следующему… Текущий сценарий: я в бегах, прячу свою задницу, для этого мне постоянно нужны деньги. Худшее развитие событий: Лайдекер и Мантикора ловят меня… и, так как я ни за что на свете не вернусь в Мантикору живым, они убивают меня. Лучший сюжет: я достаю достаточно денег, чтобы исчезнуть, я имею ввиду ДЕЙСТВИТЕЛЬНО исчезнуть… только тогда я могу перестать оглядываться через мое чертово плечо. Эти картины могли быть моим билетом.

Логан спросил, — Ты в этом до конца уверен?

Сет зыркнул на него. — В каком это смысле?

В этом саможалении? Какого черта случилось с мятежником, который хотел от меня помощи в уничтожении Мантикоры? Мантикору взорвать, уничтожить, вычеркнуть Лайдекера из твоей жизни окончательно… вот твой «лучший сценарий».

Теперь Сет просто смотрел на него.

Логан твердо встретил взгляд парня, прекрасно понамая, что только что пнул машину для убийств, которая могла протянуть руку и переломить его шею как веточку. И, если уж чем и обладал Сет, то это способностью X5 к убийствам без промедления.

Тишина стала угнетать и Логан решил чем-нибудь ее заполнить.

Он сказал, — Ты поможешь разобраться с Кафельниковым и выяснить какое отношение ко всему имеет Стерлинг… а я обещаю, даже если это потребует жертв, ты и я найдем способ… либо стереть Мантикору с лица земли, или, задействовав мои связи и ресурсы, обеспечить тебе безопасность на всю оставшуюся жизнь.

Сет глубоко вдохнул, выдохнул и сказал, — Извини.

— Извини?

— Извини, что я был таким заискивающим маменькиным сынком… что я могу сказать… — парень пожал плечами — … дерьмовое воспитание.

Логан рискнул улыбнуться.

— Да, кто-то тебя явно испортил.

Внезапно Сет разразился смехом и Логан тоже засмеялся; парень протянул свою руку.

— Договорились, партнер, — сказал Сет.

— Договорились — сказал Логан.

Двое мужчин пожали руки.

— ОК, — сказал Сет, глотнув кофе, — что с этим известным нам компьютерным диском?

Логан снова сел. — Ну, я запустил мою лучшую криптологическую программу поработать над ним. Это может занять 10 минут, часов или дней. Кто знает. Но это сработает. Она меня еще ни разу не подводила.

— Знаешь что?

— Что?

— Я не спал 4 дня. — Сет широко зевнул. — Могу я завалиться на диване?

— Нет.

— Нет?

— Иди в комнату для гостей.

— Зачёт. Показывай дорогу.

Логан проводил своего гостя в спальню.

Сет плюхнулся на кровать и сказал, — Разбуди меня, когда у компьютера будут для нас хорошие новости.

— Хорошо.

— Почему бы тебе тоже не дать храпака? Ты дерьмово выглядишь, партнер.

Улыбка огана выявила ямочки на его небритых щеках. — Как вижу, в Мантикоре, к тому же, не учили тактичности.

— Разве это то, что требуют учителя?

Двое улыбнулись друг другу… и, впервые за долгое время, ощутили себя друзьями.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ЗДАНИЕ

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Дональд Лайдекер был в ярости.

Лайдекер, обычно держащий свои эмоции в строгой узде — в сером пиджаке на молнии, черных футболке и джинсах — стоял в офисе ФБР в федеральном здании на углу Второй и Мэдисон, и был на пределе.

— Вы не собираетесь помогать в деле, касающемся национальной безопасности?

— Я этого не говорил, — ответил Специальный Агент Джино Аркотта, сидящий за заваленным работой столом. — Не совсем так.

Аркотта был худым, подтянутым мужчиной 38-лет, его

короткие черные волосы курчавились, угловатое лицо было чисто выбрито, в карих глазах читалась острота и настороженность.

— Я сказал, — продолжил он, — что на данный момент у меня нет свободных людей, чтобы вам помочь.

— Возможно, я неясно выразился, — сказал Лайдекер. — Это вопрос…

— Национальной безопасности, — устало произнес Аркотта, лишь слегка показав свой собственный характер. — Полковник, позвольте мне разъяснить…

Ричард Никсон, 1968, подумал Лайдекер.

— В этом офисе укомплектовано шесть агентов, трое днем, трое ночью. Вот и вся сила, выделенная нам Вашингтоном… и даже с таким небольшим штатом мы не вписываемся в бюджет.

— Мой бюджет тоже ограничен. Но это не значит, что мы уходим от ответственности.

Аркотта продолжал, словно Лайдекер ничего не говорил:

— Сейчас дневная смена и двое из трех агентов расследуют по всему городу ограбление банка. Все трое из ночной смены ведут дело о похищении людей и на данный момент… — он взглянул на часы, — …это уже шестнадцатый час их работы.

— Даже один человек может пригодиться, Агент Аркотта.

— Полковник, последний агент дневной смены — я… а этот стол не может оставаться без присмотра; таковы правила. Скажите, сэр… откуда по-вашему мне взять агентов, чтобы помочь вам?

— Я подумываю об одном месте, где вам стоит посмотреть, — слащаво сказал Лайдекер и покинул оффис, с видом человека спасающигося из дома охваченного пожаром.

Было очевидно, что он не получит никакой помощи на федеральном уровне. Его собственных людей не будет здесь еще 24 часа, из-за погодных условий небезопасных для перелета из Вайоминга.

Что ж, если он не может получить помощи у федералов, он двинется дальше по пищевой цепочке…

Двадцать минут спустя он стоял перед столом лейтенанта полиции. — 4 человека на 24 часа, — сказал Лайдекер. — Это все, что мне нужно.

Лейтенант — лысый, сорокалетний, с пожелтевшими от сигарет зубами, под карими глазами усталые мешки от многолетней работы — сказал, — Как на счет 24 человек на 4 часа? Ни то ни другое невозможно.

Лайдекер разжал кулак, открыв перевязанные резинкой рулоны купюр; и снова сжал кулак. — Вы выглядите разумным человеком — Не верю, что мы не найдем компромиса.

Лейтенант был загипнотизирован периодически раскрывающимся кулаком Лайдекера — словно он выполнял разминку с рулоном денег — мелькавшим зеленью.

— Все, что мне нужно, лейтенант, 4 человека, черт, 2 человека на 24 часа… пока не прибудут мои люди.

— На том и порешим, — сказал лейтенант.

Лайдекер протянул руку с купюрами, пожал лейтенанту руку и вернул руку назад, уже пустую. Он кинул на стол визитку. — Адресс моего отеля на обороте… один час.

Через час, в баре отеля, Лайдекер с чашкой кофе сидел напротив двух детективов с пивом; древние баллады Френка Синатры скрежетали из музыкальной установки, прокуренный воздух был настолько спертым, словно и он остался тут со времен Крысиной Стаи.

Старший сыщик в штатском, в свои пятьдесят был все еще в хорошей форме, но его лицо было бледным, взгляд унылым, темные волосы коротко стрижены с сединой на висках; его звали Раш, впрочем он не казался лишним. Младший сыщик, Дэвис, примерно тридцати лет, с рыживатыми волосами, светлой кожей и бледно-голубыми глазами.

— Итак, — проговорил Раш, — лейтенант сказал, вам нужна помощь.

— Да. Ищу кое-кого находящегося в федеральном розыске.

— Обычно мы не связываемся с «федеральным розыском», полковник. Что случилось с ФБР?

— Я слышал, в этом городе, если нужно что-то сделать, надо обращаться в ПД — я ошибся?

— Вернее сказать было нельзя, — ответил Раш. — У вашего преступника есть имя?

— В некотором роде. — Лайдекер перевел взгляд с Раша на Дэвиса и обратно. — Зоркий.

Детективы обменялись настороженными взглядами.

— Мне нужно его найти.

Раш фыркнул. — Удачи. Передайте ему от нас привет.

— Должен быть способ. Смотрите как ваши люди заблокировали сектора, эти парящие роботы повсюду…

— Полковник. — Впервые пдал голос Дэвис. — Мы уже несколько лет ищем Зоркого… и знаем о нем не больше, чем в первый день поисков. Он осторожен, умен, по-видимому богатая шишка… все, с кем он имеет дело, абсолютно преданы ему.

— Все равно что пытаться заставить члена культа предать своего сумасшедшего миссию, — сказал Раш.

Лайдекер нервно дернул уголком рта. — Ну… есть второй объект — связанный с Зорким. — Он вынул из внутреннего

кармана горсть снимков взятых из видеозаписи SNN о Сете. — Узнаёте его?

Каждый из них взял несколько фото и, изучив их, встревженно взглянули друг на друга.

Оживившись, Раш спрсил, — Вы знаете его имя?

— Я надеялся, что вы знаете, — мягко произнес Лайдекер. — Я знаю, что вы должны были узнать некоторых его оппонентов… Сиэтловских копов, которых он раскидал как конфетти.

— Послушайте, — сказал Раш, подавшись вперед. — Все что мы знаем, так это то, что этот парень избил нескольких хороших людей… и мы с огромной радостью надрали бы ему задницу.

— И сделали бы это с усердием, — добавил Дэвис.

— Звучит словно мы на одной стороне, — сказал Лайдекер. — Но действительно ли это все, что вы знаете о парне? Вы не знаете почему он вступил в потасовку с вашими братьями в синем? Ограбление универсама? Совращение малолетних? Почему?

Раш еще раз обменялся взглядами с пожавшим плечами Дэевисом. Старший коп сказал, — Парень по имени Райан Девейн, начальник сектора, влиятельный парень… Пацан помешал в его бизнессу.

Девис сказал прямо, — Оплата угонов.

— Парень столкнулся с нашими ребятами, — сказал Раш. — И, никогда прежде такого не видели… ушел чистым. И вот, Девейна не видели уже несколько дней.

Лайдекер, гордый своим мятежным учеником, сказал — Значит Девейн мёртв… Это выдающийся молодой человек.

— Вы мне это говорите, — сказал Дэвис. — Он сломал ключицу моему шурину.

— Но никто не нашел этого парня, — сказал Раш, — и, вы мне поверьте, полицейский департамент искал в каждом проклятом углу.

— Они все еще ищут? — спросил Лайдекер.

Раш пожал плечами и покачал головой; Дэвис тоже.

— Тогда, — сказал Лайдекер, вылезая из кабинки, — давайте убираться отсюда и возобновим поиски.

Следующие 6 часов Лайдекер провел с Рашем и Дэвисом. Показывая фотографии Сета, предлагая щедрые взятки любому, кто знает что-либо о Зорком, нищим, безродным крысам которые встречались на пути двух детективов, искали стукача (и они встретили нескольких), но без успехов. Он ехал на заднем сиденье машины не имеющей опознавательных знаков, пока они колесили по городу.

— Какого дьявола такое возможно? — наконец спросил

Лайдекер. — Этот сукин сын Зоркий работает в этом городе годы… и никто ничего не знает?

Раш, ехавший спереди, ухмыльнулся в зеркало своему пассажиру.

— Вы хотите, чтобы я сказал «я же говорил», не так ли?

Лайдекер воздержался от ответа и задумался. Наконец он сказал, — Возможно мы начали не с того конца.

— Вы знаете путь, который мы не пробовали? — спросил сидящий за рулём Дэвис.

— Думаю да. У этого замечательного молодого человека, которого мы ищем, есть проблема со здоровьем.

— Какая именно? — спросил Раш.

Конвульсивные припадки. Единственный препарат, которым можно контролировать симптомы — триптофан. Он не подотчетен, но парень стремясь не привлекать внимание будет покупать его на чёрном рынке, как бы то ни было… Есть идеи, где в вашем честном городе можно найти подобное?

И вновь детективы переглянулись, затем кивнули.

— Сядьте и расслабьтесь, полковник, — сказал Дэвис. — Это в другой части города, и добираться туда мы будем около часа.

По дороге Дэвис объяснил, что парень, к которому они набравляются дважды за последние три года попадался на продаже запрещенных препаратов.

— И почему он на свободе?

— Парни чертовски боятся Джонни Кохрана.

Лайдекер улыбнулся их жаргону. Они бы удивились, если бы узнали, что в истории действительно был некий Джонни Кохран, еще до Импульса.

Лайдекер спросил:

— Как его имя?

— Джохан Бриант.

Незаметная машина наконец остановилась около добротного загородного дома, построенного в стиле ретро-ранчо, ставших популярными среди богачей в последнее время. Вся улица была застроена домами, которые вероятно продавались по семизначным ценам.

— Отличное логово для наркодилера, — сказал Лайдекер.

Идеально подстриженный газон был признаком здешних окрестностей.

Раш произнес:

— Мы определенно в рассаднике мошенников.

Кивнув, Дэвис сказал:

— Полковник, почти каждый подонок в этой части города замешан в какое-нибудь дерьмо. Как еще при нынешней

экономике они могут жить в таких условиях?

— Почему вы не арестовываете их?

— Это мы и делаем, — сказал Раш. — Каждый в этом районе, кто не замешан в преступлениях является адвокатом.

Вот что значит соседский присмотр, подумал Лайдекер.

Привлекательная блондинка лет тридцати в запачканных белых брюках открыла дверь. Она узнала Раша, и, не представившись (была ли она домработницей или женой или любовницей хозяина дома, так и осталось загадкой), и проводила гостей в большую комнату справа.

Стены были бледно-желтые, а отделка полностью белая, даже плотный, толстый ковер был белым. Комната могла бы быть жилой, но Лайдекер отметил, что это музыкальный зал или что-то в этом роде, так как единственным предметом мебели был большой белый рояль, за ним сидел человек, который очевидно и был Джоханом Брайантом, рука его небрежно скользила по клавишам.

Мужчина за роялем не встал, когда трое мужчин вошли в комнату, во главе был Раш, Лайдекер держался у него за спиной. Высокий, светловолосый, атлетического телосложения Брайант мог быть настоящим гитлеровцем, если бы не длинные волосы, стянутые в хиповский хвостик.

— Раш, Джвис, как жизнь? — спросил он, его улыбка была широкой и нереально белоснежной, как и его белые брюки. На нем также был желтый пуловер с v-образным вырезом и сандалии. Стакан с прозрачной жидкостью, в которой плавала долька лимона, стоял на крышке рояля.

— Я даже не надеялся, что мы увидимся, — приветливо продолжил Брайант, глядя мимо невпечатляющих фигур двух копов в серых куртках на молнии.

— Не сейчас, — сказал Лайдекер с улыбкой.

— Ты нужен дядюшке Сэму, — сказал Раш дилеру, указывая на полковника.

— Хорошо, что в этот раз не Полицейскому Пенсионному Фонду, не так ли? — произнес Брайант, легонько кивнув в сторону клавиш.

— Пролетели, — пробормотал Раш сквозь сжатые зубы.

На губах Брайанта заиграла слабая ироническая улыбка.

Детективы приблизились к стулу, на котором сидел Брайант, Лайдекер остался на месте и достал из кармана пиджака фотографии. Дилер продолжал наигрывать незнакомую мелодию.

— Мы пытаемся выйти на подозреваемого, — сказал Лайдекер. — Это дело не связано с наркотиками.

Брайант что-то наигрывал.

Лайдекер продолжил:

— Парень использует триптофан.

Дилер сказал:

— Вы можете узнать это в аптеках.

— Фармацевты обязаны отчитываться о продажах такого рода. Покупатели должны расписываться. Наш парень не пойдет на это. Взгляни на снимок.

Брайант стал наигрывать громче.

Лайдекер держал перед дилером фотографию одного из X5.

— Ты видел его?

Брайант ответил:

— Нет, — но смотрел он на клавиши слоновой кости под своими пальцами.

Схватив дилера за волосы, собранные в хвост, Лайдекер ударил Брайанта лицом о клавиши рояля, создавая далеко не музыкальную какофонию, сопровождающуюся болезненным выкриком.

В комнату вбежала женщина, в ее маленькой руке была большая пушка. Но Дэвис выхватил оружие, будто цветок, и они вместе с женщиной вышли из комнаты.

Лайдекер отошел, позволяя дилеру сесть и прийти в себя, Брайант ощупывал свое лицо — на нем было всего несколько порезов и царапин, кровавые капли стекали со лба на желтый свитер. Дилер неуклюже попытался подняться на ноги.

Но Раш положил руку Брайанту на плечо, заставляя его сесть на место.

— Интервье еще не окончено.

Брайант глянул на Раша, тот покачал головой. Лайдекер сделал вывод, что у дилера и этого копа есть договоренность… но это его не касалось.

Дилер снова сел, его руки автоматически опустились на клавиши, но играть он не стал.

Лайдекер дал ему носовой платок, и Брайант вытер кровь со лба, пробормотав человеку, который его покалечил:

— Спасибо.

— Может ты хочешь взглянуть еще разок? — спросил Лайдекер.

Дилер сглотнул и посмотрел на фото, которое держал Лайдекер.

— Да, теперь я рассмотрел лучше… кажется, я где-то его видел.

— Не помнишь где?

— Да… да, я могу помочь тебе с этим. Рад сотрудничать.

Лайдекер выдавил своего рода улыбку и мягко положил руку

на плечо дилера.

— Всегда рад встретить добропорядочного гражданина.

Брайант спросил:

— Если я скажу тебе, где он живет, все это закончится?

— Для тебя да, — ответил Лайдекер.

И если все сложится удачно, то и для бунтаря из X5 тоже.

КВАРТИРА ЛОГАНА КЕЙЛА

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Сет все еще дремал на кровати в комнете для гостей, когда Логан пришел с новостями.

Логан включил прикроватный светильник и легонько потряс парня, чтобы он проснулся, стараясь не напугать его. Он не хотел быть будильником, который вырубит этот спящий.

— Ком… компьютеры разобрались? — сонно спросил Сет, садясь на кровати и зевая.

— Терпение вознаграждается. — Логан криво усмехнулся. — Вот что делает чертово программное обеспечение.

Сет наконец проснулся и сосредоточился:

— Так что ты выяснил?

Несколько секунд спустя когда они сидели в гостинной на кожаном диване, Логан открыл папку с бумагами:

— Когда ты скопировал тот диск, мой друг, ты добыл нам все.

— Все? Что значит все?

— Абсолютно все. — Логан раскладывал бумаги на кофейном столике. — Здесь содержатся даты, времена, картины, суммы… каждое чертово преступление, которое Стерлинг и Кафельников совершили вместе.

— Шутишь?

— Все здесь, Сет, — каждая грязная сделка… включая следующую.

Глаза Сета расширились:

— Ты знаешь, что они собираются сделать?

— Мы знаем, Сет.

— Где и когда?

— Все верно. Осталось только позвонить в ФБР.

Теперь глаза Сета сузились:

— И что ты скажешь?

Логан пожал плечами:

— Нарушение Американского закона о произведениях искусства — мы позвоним федералам и их арестуют.

— Логан, ты ведь не можешь говорить это всерьез.

— Почему нет?

— Зоркий сотрудничает с федералами? Все они коррумпированы — ты сам всегда так говорил.

— Коррупция есть, — согласился Логан. — И она распространена. Но у меня есть связи с честными людьми в ФБР.

— Ага, а я познакомлю тебя с девственницами в стрип-клубе. — Сет покачал головой. — Послушай, Логан, мы можем сделать два дела одновременно. Мы можем остановить этих ублюдков, Стерлинга и Кафельникова, и взять большой куш, который так мне нужен.

— В последний раз, когда ты «остановил ублюдка», Сет… ты убил его.

— Дело не в этом… Логан, я не стану убивать этих парней, не сейчас, но они — наша связь с Мантикорой. И кстати, Мантикора! Мантикора принадлежит федеральному правительству — Лайдекер чертов федерал!

Логан знал, что Сет прав, но кровь на руках кибержурналиста после их последнего дела все еще не давала забыть о себе.

— Смотри, — продолжал Сет. — Мы вмешаемся, когда их следующая сделка будет почти завершена, спасем этот большой кусок американской культуры, Зоркий опубликует эти очень плохие материалы, и мы внесем большой вклад в Фонд Спасения Сета.

Логан встряхнул головой, поднялся и снова сел на соседний стул.

— Ты снова потеряешь голову, и на моей совести будет еще одна смерть… а может и не одна.

Сет вскочил на ноги:

— Твоя совесть не выдержит этого, не так ли? Если я убиваю кого-то, то не ты отвечаешь за это, а я!

— Мы партнеры, помнишь?

Сет фыркнул:

— Ладно, давай тогда разбежимся сейчас. До этого я всегда работал только на себя. Пока у нас были общие интересы, ты мог считать меня чертовым союзником.

— Но союзнику понравились подробности с диска?

— Диск я украл для тебя… Логан. Сам решай останавливать тебе этих ребят или нет.

С усилием, обычно спокойный Логан сказал:

— Хорошо… Делай то, что должен… только поменьше крови. Принесешь мне картины, и получишь наличные.

— И какова будет цена? — спросил Сет, неудачно пытаясь сохранить небрежность в вопросе.

Логан прочитал вслух:

— Красный, белый и голубой череп коровы Джорджа О'Киффи. Покупатели — корейцы, предполагаемая цена около миллиона.

Сет опустился на диван и усмехнулся как счастливый ребенок:

— Это должно сработать, мужик. Должно сработать.

— И ты решил потом исчезнуть? А как же Мантикора?

— Дай мне сначала сосчитать мои денежки, и тогда вернемся к этому вопросу. Где и когда состоится сделка?

Взгляд Логана вернулся к распечаткам.

— На вершение Космической Иглы, — он посмотрел на часы, — где-то через четыре часа.

— Как раз тогда, когда я собирался осмотреть эту достопримечательность, — сказал Сет.

— Игла не принимает туристов уже какое-то время.

— Не важно… тем не менее, я должен вернуться в мое логово и подготовиться.

Поднявшись, Логан оказался лицом к лицу со вставшим Х5, и двое мужчин обменялись смущенными улыбками и возможно, только возможно, это означало симпатию между ними.

— Удачи, — сказал Логан. — Партнер.

— Спасибо, брат.

Сет вошел в свою крохотную квартирку сорок минут спустя. Немного больше, чем клетка для животных, здесь были дешевая занавеска на единственном окне, матрас, шкаф для одежды, минихолодильник, плитка, микроволновка, два стола, маленький столик, крохотный туалет и микроскомическая ванна с бадьей, в которой можно помыться. Около дюжины книг лежит у изголовья кровати, дикая смесь предимпульсных ужасов и руководств по использованию оружия.

Сет знал, что здесь не так уютно, как в комнате для гостей в квартире Логана.

Переодевшись в рабочую одежду — черный комбинезон и черные ботинки — он также надел черный пиджак, перчатки и шапочку. Погода испортилась, пока он ехал домой, и дождь лил так, будто собирался задержаться надолго.

Дождя не было неделю — в Сиэтле было сухо — и, казалось бы, когда Сет так нуждался в темной, беззвездной ночи, он ее получил. А что ему было не нужно, это потоки дождя. Сет надеялся, что дождь ослабнет, прежде, чем он выйдет из дома.

У него осталось немного времени, и он взял с подушки одну из книг. Старый путеводитель по городу, он поможет быстро узнать о Космической Игле.

Построенная в 1962 году для Всемирной Ярмарки, Игла достигает 605 футов, и защищена 25 громоотводами, и на момент возведения она была самым высоким зданием к востоку от реки Миссиссиппи. Три лифта поднимают посетителей на смотровую площадку и ресторану под ней. На высоте ста футов располагается банкетный зал, а на первом этаже — сувенирная лавка. Информации было не так уж много — путеводитель был написан во времена процветация ныне мертвой достопримечательности — но ничего лучше у Сета не было.

И вдруг он услышал звук подъезжающей машины.

В этом районе звук автомобильного мотора можно было услышать еще реже чем смех — немногие здесь могли позволить себе иметь автомобиль. (Сет держал сови колеса, старую разбитую тойоту, спрятанной с старом заброшенном складе.) Шум двигателя означал приезд копов в девяти случаях их десяти, так что каждый раз заставлял срабатывать внутреннюю сигнализацию Сета.

И когда он услышал вторую машину, он осознал, что что-то не так. Он придвинулся к окну и отодвинул в сторону угол занавески, чтобы видеть часть улицы.

Две полицейские машины были припаркованы по диагонали, чтобы перекрыть выезд. Сразу за ними стояла еще одна машина — фургон спецназа — означала не просто что-то плохое, а то, что приехали за ним…

Он потратил еще секунду на изучение улицы, чтобы разобраться в том, что происходит внизу… … и увидел Лайдекера, вылезающего из одной из машин.

Сет потерял еще секунду, пораженный увиденным. Каким образом этот старый тюремщик из Мантикоры смог выследить его здесь?

Он схватил пиджак, перчатки и шапочку, распахнул дверь, и побежал вверх по лестнице. Лайдекер окружит здание, но им придется начать свой путь снизу. К тому времени, когда они доберутся до логова Сета, его уже и след простынет.

Надевая пиджак, натягивая перчатки и шапочку, он продолжал бежать по темной лестнице. Когда он приблизился к двери на крышу, Сет обнаружил, что она заперта. С другой стороны двери он слышал, как по ней колотят капли дождя, пытаясь проникнуть внутрь. Воющий ветер выкрикнул протест его возмущения.

Он отошел на шаг назад и с силой врезался плечом в дверь, косяк раскололся, и Сет выпрыгнул наружу, где капли дождя врезались в его тело как маленькие ножи.

Обернувшись назад, он захлопнул дверь, подобрал палку от

обшивки крыши и подпер ей ручку.

Уже насквозь промокший Сет пристально вглядывался в пелену дождя. Он смог разглядеть край крыши и побежал туда, чтобы увидеть пятнадцатифутовое расстояние между этим зданием и следующим… такой же шестиэтажный дом. Посмотрев вниз, он увидел копов и спецназ, обегающих вокруг здание, некоторые уже забирались наверх по пожарной лестнице.

Сет отошел разбежался и перескочил через промежуток, оказавшись на крыше соседнего дома. Приземлившись он проскользил по мокрой крыше и бросился бежать к противоположной стороне здания. Еще через два прыжка он оказался на крыше углового здания, и, спокойно шагая по смоляному покрытию, он вошел в чердачную дверь, которая привела его по лестнице на улицу.

Стоя на тротуаре, он оглянулся на свой дом и увидел Лайдекера, который грозил кулаком с крыши патрульной машины, его стиснутые зубы вспыхивали в темноте как маленькие молнии.

Сета восхитило, что он может еще вывести из себя хладнокровного Лайдекера.

Развернувшись, Сет побежал медленной трусцой. Ничем не привлекая к себе внимания. Сейчас ему только и надо было убраться подальше от команды Лайдекера.

Однако было еще кое-что: эта ночь была лучшим моментом для последнего дела его сотрудничества с Логаном Кейлом. Сиэтл исчерпал себя для X5.

Если его старый командир нашел его однажды, то это произойдет снова. Сет знал этот человек никогда не отступится. Лайдекеру было не неизвестно такое понятие, как бросить начатое дело — это было не в его натуре.

Наличные, которые он получит, когда он продаст картину Стерлинга и Кафельникова через несколько часов, были даже важней… Это было будущее Сета, быть может единственное…

Все, что случилось ночью, было наилучшим для Сета. X5 был создан для трудных задач — чем больше на них давят, тем лучше они справляются.

За исключением Зака, Сет считал себя лучшим из X5.

Ночью, он получит шанс доказать это… хотя он сомневался, что учитель создавший его, получит много удовольствия от заключительного действия Сета.

Глава 12. НЕ ПРОДАЕТСЯ

ПРАЧЕЧНАЯ «СУБЛИМ»

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

В темной футболке, голубых джинсах и кроссовках, Макс сидела на высоком стуле напротив стола Вогельсанга. Офис сердитого, полного детектива имел своеобразный уникальный запах — блинчиков обжаренных во фритюре, моющего средства, сигаретного дыма и еще чего-то, напоминающей либо какой-то чистящей жидкости, либо одного из сортов приправы для барбекю.

Денежные средства Макс, вложенные в этот маленький бизнес явно не помогали в чистке этого места, и даже не способствовали обновлению гардероба Вогельсанга: по мнению Макс он одевался, выбирая одежду наугад в очень темной комнат. Если он вообще имел какой-то выбор и не ночевал на работе в этой небесно-голубой майке и мятых светло-зеленых брюках. Все это составляло его эксцентричный стиль, где сочетались выпуклый горизонт неба и трава.

— Вы что-нибудь нашли? — спросила Макс, не желавшая задерживаться здесь. Она не хотела, чтобы странный запах этой комнаты пропитал ее одежду. К тому же у нее было много дел на сегодня. Небо угрожало разразиться дождем и как она подозревала это могло затянуться надолго.

— Я ничего не нарыл про женщину или Тахо, — сказал детектив, зашуршав бумагами на своем столе, избегая прямо смотреть на клиента.

— Ничего.

Он поднял глаза и нервно улыбнулся, пожав плечами:

— Это было десять лет назад. Я говорил э-э… это потребует некоторого времени.

— А что с нашим драчуном?

Вогельсанг сказал, встряхнув головой:

— На него ничего нет. Никаких упоминаний в полицейских базах данных о татуировках в виде штрихкода.

Макс сидела прямо, ее глаза были напряженно-непроницаемы:

— Этот парень связан с Зорким. А Зорким очень интересуется полиция… должно же быть что-то…

— Говорить, что он связан с Зорким, это также как, если бы он был связан с Зорро.

— С кем?

— Предимпульсный персонаж. Прости. Проклятье, крошка… Так или иначе, если он работает с Зорким или на него, у нас слишком мало чертова времени чтоб найти что-нибудь. Не более, чем голос и глаза на взломанном канале… телевизионной сети. Люди, помогающие Зоркому, все верны ему. Они не скажут никому ничего. Если ты, конечно, не один из них.

Макс ощутила как ее надежды испарились, как вода сквозь пальцы. Она приехала в Сиэтл, который был большим городом, но Вогельсанг знал его изнутри. Ее брат, как и она, был натренированным профессиональным солдатом. Так почему они не могут найти его?

— Значит ты не узнал больше ничего с того времени как мы начали поиск? Для чего тогда мне платить тебе снова? Напомни мне.

Проигнорировав вопрос, Вогельсанг отхлебнул из опустевшей чашки — не понятно что было там внутри, возможно какая-то идея. Но что-то в его глазах промелькнуло — в них казалось вспыхнула какая-то идея, сначала слабая, потом более осмысленная, затем затухающая…

— Мистер Вогельсанг!

Он едва не подпрыгнул, и чашка могла бы упасть, но была пуста.

— Ты звал меня, — она напомнила ему о деле. — Зачем? Ты говорил у тебя есть чертова зацепка?

Он скосил взгляд на чашку, потом нервно улыбнулся, мимолетно. Полностью неподходящая ему привычка.

— Я предполагаю, что нашел кое-что.

В ней возродилась надежда, однако она пыталась держать эмоции под контролем:

— И что же это за предполагаемая находка?

— Не только я один ищу этого парня.

Ее глаза расширились, так что она вжалась в спинку кресла ошеломленная, как будто ее ударили дубинкой. Кто еще мог искать ее брата? Только два имени внезапно всплыли в ее памяти: Лайдекер и Стерлинг… или Кафельников.

— Как ты узнал?

— Это все с улицы.

Макс снова села перед ним:

— Объясни.

Здесь есть ломбард, его держит некто Джейкобс, он… не тот кого можно назвать по-настоящему честным гражданином.

— Мерзавец, — сказала она кратко. — С трудом верится что ты связан с этим типом. И что он сказал тебе?

Детектив не обиделся на такую характеристику.

— Однако Джейкобс сказал мне, что я не первый, кто пришел «просто поинтересоваться» о парне с неординарными способностями.

— И кто еще спрашивал?

— Он… запугал его. Это кто-то с властью, может даже федерал. Два коррумпированных копа… прости за многословие… сопровождали эту странную личность.

— Что за личность?

— Я не получил его имени — это блондин, не крупный… но это все что сказал Джейкобс о нем. Он до безобразия запуган. Джейкобс, понимаешь, тот кто торгует с отбросами каждый час, каждый день… насколько я знаю, раньше Джейкобс ничего не боялся, поэтому и способен процветать, жить как живут, подобные мошенники.

Вогельсанг нервно раскачивался и мог бесконечно трепаться. И Макс слушала, но ее мозг обрабатывал каждого кто мог бы быть тем блондином: Лайдекера, Стерлинга и даже Кафельникова. Последние двое подходили под описание скверно, но если Мантикора вышла на Сета, тогда Макс реально нужен был ее брат, впервые.

— В любом случае, Джейкобс сказал, что два копа и этот блондин крутились в округе и распросили каждого подонка на улице, начиная от тех, кто связан с крупными бандами… выбивая информацию, когда это требовалось, даже из парней, которые платят за свою защиту. — Его беспокойство казалось подлинным, даже если только малая его толика касалась Макс. — Слушай, Макс, мы играем с огнем, если он федерал, я…

— Окей, — сказала Макс, махнув рукой. — Вернись на землю.

Детектив кивнул и попытался справиться со своим дыханием. Он спросил:

— У тебя есть какие-нибудь подозрения по поводу того, кем этот парень может быть?

— Нет… Может тебе стоит нанять детектива, чтобы выяснить это.

Казалось, он немного оскорбился:

— Очень забавно.

— А твой друг Джейкобс ничего не знает о парне со штрихкодом?

Вогельсанг покачал головой:

— Нет, но его ушки на макушке. У меня по всему городу расставлены уши.

— Хорошо, — сказала она на выдохе. — Так держать.

Он кивнул, затем бросил на нее робкий взгляд.

— Деньги быстро заканчиваются, детка.

Она бросила свирепый взгляд на него.

Он поднял вверх руки в жесте капитуляции:

— Что я могу сделать? Я на пределе… содержать информаторов по всему городу, значит давать всем на лапу. И если ты не возражаешь, я должен и себе на жизнь зарабатывать.

Она подвинулась на край стула и окинула его холодным жестким немигающим взглядом.

— Если вам нужны деньги, мистер Вогельсанг, то вас придется помочь мне их достать.

Теперь он выставил руки перед собой, как плохой мим, изображающий, что он борется с ветром.

— Стой, стой, стой! Я служитель закона… у меня есть лицензия. Я не преступник.

Она посмотрела на него изподлобья.

Он пожал плечами и невесело усмехнулся.

— Человеку моей профессии иногда приходится работать с темными личностями.

— Говори, говори… Все, что мне нужно, это имя.

Он искоса посмотрел на нее, как будто Макс вдруг резко сменила тему:

— Чье имя?

— Давай просто скажем… чисто гипотетически, ведь я бы не хотела оскорбить слугу закона… если бы у тебя на руках было ценное произведение искусства, к кому бы ты пошел, чтобы его продать?

Он обдумал услышанное:

— Я полагаю, что эта сделка должна иметь чисто конфиденциальный характер?

Она кивнула.

— И она не должна быть задокументирована?

— Пусть только кто-нибудь попробует сказать, что ты не шустрый.

Детектив снова покосился на Макс:

— Цена высокая?

— О да. Могла бы обеспечить тебя яичными роллами надолго.

Воодушевленный этим замечанием, Вогельсанг раздумывал несколько тяжелых, долгих секунд:

— Забудь о парне, о котором я говорил раньше… Джейкобс? Крупные сделки — не его формат. Но есть один парень недалеко отсюда. Его зовут Шервуд.

— Где я могу найти его?

— Ему не фартит, но он хорош. Сейчас он делает дела в старом здании на Броад-стрит.

Макс прищурилась:

— И мне понадобится именно этот мистер Шервуд?

— Да, именно.

— И что он так сразу сделает это для меня? — спросила Макс, поднимаясь.

Вогельсанг улыбнулся ей, потирая руки:

— Я мог бы его убедить.

Она облокотилась о стол обеими руками:

— И что ты хочешь получить за это?

Детектив сменил тактику:

— Я могу позвонить ему для тебя, конечно, как для лучшего клиента. Как человек человеку. Буду рад сделать это.

— Звони.

Он позвонил.

Она внимательно слушала, как он договаривается с Шервудом, называя его «Вуди». Вогельсанг был довольно дружелюбен, что убедило Макс, что она не первый клиент, которому детектив помогает сбывать краденое. Вогельсанг заверил «довольно хорошего» парня, что клиент надежный.

Вогельсанг отодвинул телефонную трубку от ужа и повернулся к Макс.

— Как насчет того, чтобы встретиться с ним через час?

— Шикарно, — ответила она.

Он передал информацию и кивнул ей, пока слушал. Потом он произнес:

— Я передам ей, — затем детектив повесил трубку и дал Макс подробные инструкции, закончив словами:- Третья дверь нелево.

Девушка поблагодарила его.

— Итак, — удовлетворенно протянул Вогельсанг, положив руки на стол. — В следующий раз, когда я увижу тебя, ты должна принести мне наличные.

— Конечно, — сказала она выходя и бросила ему через плечо очевидно неискреннюю улыбку. — А в следующий раз, когда я увижу тебя, ты должен будешь дать мне информацию.

Вернувшись домой, Макс переоделась в закрытую черную рубашку, кожаную куртку и брюки, чтобы лучше защитить себя от плохой погоды на своем пути. Она прихватила Гранта Вуда и Сердце Океана (оно все еще находилось в мешочке на молнии), и поехала на Нинзя в ночь по адресу, который дал ей Вогельсанг.

Собирался дождь, город был будто подозреваемый, над

которым словно нависло суровое наказание. Макс знала, что шторм может начаться в любой момент и, несмотря на герметичную сумку, она боялась, что влага может повредить картину, так что гнала байк вперед, наслаждаясь пением мотора.

Первые капли упали на нее, когда она уже вьезжала в ворота здания, обветшавшего трехэтажного кирпичного строения, почти все окна были выбиты, а стены начали разрушаться. Целой оставалась одна крыша.

Макс припарковала байк, слезла с него и огляделась. Она стояла в широком коридоре, по обеим сторонам которого когда-то располагались офисы. Но сейчас двери либо совсем отсутствовали, либо были распахнуты настежь, а стекла в них были выбиты, на стенах были дыры. Она даже могла слышать пищание крыс. Не удивительно, что в этом заброшенном здании царила абсолютная тьма, и, если бы не ее специальные гены, Макс понадобился бы фонарик, чтобы разглядеть интерьер.

Она задавалась вопросом, не кинул ли ее Вогельсанг. Может она идет в ловушку? Может Лайдекер и/или Стерлинг и/или Кафельников скрываются за крысиной возней?

Держа сумку как пиццу, которую она доставила, Макс пересекла холл и подошла к третьей двери справа — единственной закрытой двери в этом коридоре. К ее облегчению, Макс увидела свет, выбивающийся из-под порога.

Конечно, это могла быть ловушка…

Но сомнения сегодня были не в ее планах. Она повернула ручку и вошла.

Даже если бы она не видела остальную часть здания, эта комната все равно была в отличной форме — исключая дыру размером с голову на правой стене, которая служила окном в соседний офис. Но остальные стены были в порядке, на двери был замок, а над головой флюоресцентные лампы.

По центру находился металлический стол, на тумбе рядом с ним телевизор, два металлических стула примостились с клиентской стороны стола. На журнальном столике у дальней стены стояла плитка, открытая дверь рядом вела в крошечную ванную. Спальный мешок, свернутый в рулон примостился в углу, здесь же мурлыкал самый маленький на свете холодильник. Условия были спартанские, если не сказать хуже, но комната была удивительно чистой.

За столом, положив руки на стол, в древнем вращающемся кресле сидел седовласый мужчина лет семидесяти в проволочных очках, за которыми были живые темные глаза непонятного оттенка, с аккуратно подстриженными густыми усами и длинной ухоженной бородой, такой же седой, как и его волосы. Он был

одет в черный костюм с белой рубашкой, застегнутой на все пуговицы, но без галстука. Костюм был старомодным, но не изношенным. Несмотря на окружение он показался Макс надежным и деловым.

— Мистер Шервуд? — спросила Макс.

Он поднялся и указал ей на один из металлических стульев напротив него.

— Я был бы рад, если бы вы называли меня Вуди… А вы Макс?

— Я Макс, — сказала она и не смогла сдержать улыбку. — Интересное место для бизнеса. Вы живете здесь?

Она села, и он последовал ее примеру.

— В настоящий момент да, живу… Иногда быть торговцем искусством значит менять свой образ жизни и терпеть определенные лишения.

— Например кровать?

Он вздохнул, но его ответ прозвучал бодро:

— Не буду отрицать, что у меня было несколько неудач в последнее время… Но я на расстоянии одной сделки от Легкого Пути.

— Это какая-то красивая часть Сиэтла?

— Это выражение, дорогая. Предимпульсное.

Макс подумала, что ей привычнее иметь дело с младшим поколением.

Шервуд тем временем проговорил:

— Вы знаете, дорогая, вы очень молоды и довольно привлекательны. Выглядите здоровой.

Она наклонила голову и сузила глаза:

— Спасибо… я полагаю. Это имеет отношение к сделке, которую мы планируем совершить?

Он взмахнул рукой.

— Я ничего не имел ввиду, это просто наблюдение. Но люди, которые приносят мне товар, как правило, воры. У молодежи зависимость от наркотиков и у них нет вашего… здорового лоска. Люди постарше имеют… другие трудности, с которыми, я надеюсь, вы никогда не столкнетесь.

Она не знала, что ответить, но это и не имело значения: Шервуд готовил почву.

— Сейчас, я не говорю женщина… молодая девушка… не может быть вором, а тем более хорошим. Я знал нескольких за эти годы… Женщины воровки, которых я знал, были или неприятно жесткими или откровенно бесшабашными (прим. gay — другое значение — гомосексуальный), или и то, и другое…

Не зная быть ей польщенной или возмутиться, Макс

спросила:

— И вы хотите узнать не лесбиянка ли я?

За бородой блеснули зубы:

— Моя дорогая, в моем возрасте, боюсь, это кажется неуместным.

Макс снова заулыбалась. Он был привлекательным пожилым мужчиной.

— Не хотите ли вы посмотреть, что у меня есть для вас?

— О да, — сказал от с тенью иронии. — Я считаю, что у нас была достаточная беседа, чтобы соблюсти нормы приличия, не так ли?

Она ответила ослепительной улыбкой.

Повернувшись спиной к Шерману, она медленно растегнула молнию на сумке, незаметно засунула ожерелье в карман, затем вытащила картину. Когда она повернулась обратно к торговцу, его рот широко открылся.

Он долго разглядывал картину, а потом спросил:

— Это… это подлинник?

— Должен быть, — улыбнулась она. — Но я не буду против, если вы захотите проверить.

— Пожалуйста, — сказал он.

Она положила картину на широкий стол, из одного из ящиков Шервуд извлек устройство, которое, как он объяснил, было ультрафиолетовым излучателем. Потом, установил его на столе, где картина как пациент на хирургическом столе ожидала ловкого хирурга. Шервуд спросил:

— Детка, могу я попросить тебя посветить?

Макс посветила, как и просил пожилой мужчина, направив свет ультрафиолетового излучателя на картину. Он перевел взгляд с картины на Макс, и выражение его лица стало… встревоженным. Потом он снова опустил взгляд на картину, наблюдая за ультрафиолетовыми лучами. Внезапный раскат грома заставил ее вздрогнуть. Сильный дождь стучал в окно и разносился эхом по коридору.

— Моя дорогая, — наконец сказал он, — это на самом деле настоящий Грант Вуд.

Попробовав скрыть волнение, Макс спросила:

— Сколько?

— Как обычно… — пожал он плечами, — … шесть, вероятно. Но как ты понимаешь, я не держу таких денег здесь. Фактически, у меня здесь нет никаких денег… но я знаю нескольких покупателей, которые мне их дадут.

Она почувствовала, как ее охватило волнение.

— И так… что делать дальше?

Где-то в бороде Шервуда появилась полуухмылка.

— Я надеюсь ты веришь мне. И несколько дней потерпишь с вопросами.

— Ты мне нравишься, Вуди, — ответила она. — Но не настолько.

— Я вряд ли имею право осуждать тебя. Ну, тогда, у нас трудное положение. Если мы хотим продать эту прекрасную картину и получить за нее сполна, то должны быть готовы к тому, что покупатели захотят проверить ее. Увидеть эту проверку… Для того чтобы это произошло, мне надо, чтобы картина была здесь.

Макс это не нравилось.

— А какие у меня гарантии, что ты меня не кинешь?

— Кроме моего возраста и цен на Виагру? — пожал он плечами. — Все, что у меня есть это мое слово. Мистер Вогельсанг не ручался за меня?

— О, да… Но кто поручится за этого слизняка?

— Правда, правда… Но уверяю тебя, дорогая, я честен.

— Вуди, ты имеешь дело с краденной собственностью.

— Это правда, но я делаю это честно.

Она рассмеялась, по большей части над собой.

— Ладно, Вуди, позвони мне, и я привезу картину, и каждый, кто захочет увидеть, как ее проверяют, увидит, как ее проверяют.

— Это мог бы быть приемлемый план, — сказал он, — если бы не два ньюанса.

— Продолжай.

— Во-первых, моя функция состоит в том, чтобы защитить тебя от покупателей, а покупателей от тебя. Я обеспечиваю своего рода изоляцию, что если, например, ты или мой клиент провернет нечто вроде того, что называется надувательством… этот предимпульсный термин тебе знаком?

— Этот да, — подтвердила она.

— Во-вторых, дождь льет немилосердно, и ты не должна рисковать и выходить с картиной на улицу, даже если она в такой сумке, как у тебя.

Макс пожала плечами с пониманием не соответствующим ее возрасту.

— Может быть и так, но я пока не оставлю картину здесь. Ты отличный во всех отношениях перекупщик, Вуди, но я только-только встретила тебя… и ты может быть честный мошенник, но все же мошенник.

Он прищелкнул языком от ее дерзости.

— Это факт… наверно этот заказ я смогу дорого провернуть прямо сейчас.

— Отлично. И?

Перекупщик краденого испустил длинный вздох.

— Хорошо, маленькая леди. Позволь сделать мне один телефонный звонок. Есть клиент, который мог бы стать отличным покупателем.

— Отлично. Расскажешь мне о нем… или о ней?

Поначалу он изогнул брови нахмурившись:

— Я не могу дать тебе имя или другую информацию. Этого будет достаточно, чтобы скомпрометировать мой профессиональный кодекс.

Она ничего не ответила. Тоже нахмурилась.

Шервуд достал телефон из кармана пиджака.

— Так я звоню? Я приложу все усилия, чтобы он приехал сюда прямо сейчас. — …Звони.

— Но тебе лучше выйти.

Ну вот, теперь ее выгоняли.

— Вуди, я не могу выйти.

Шервуд встал перед ней.

— Нет, дорогая… Если я сказал выйти, то это значит, что ты выходишь в эту дверь. Хотя ты можешь использовать дыры в стенах, чтобы подслушать и подглядеть.

Он указал на дыру размером с голову, которую она приметила, еще когда вошла сюда. Отверстие было позади Шервуда и могло стать отличным местом, позволявшим Макс контролировать сделку.

— Я бы почувствовала себя лучше, зная кто покупатель.

— Это недопустимо, моя дорогая. Итак, я предупредил тебя.

Она поднялась, задвинула на место металлический стул с ее стороны стола. Вдруг он громко треснул, так как она хлопнула по нему тыльной стороной своих кожаных перчаток.

Глаза Шервуда вспыхнули.

— Я вижу ты весьма напористая женщина… Мистер Гликман его имя, и это все, что я знаю. Он фактически полностью изолирован, один из членов консорциума скупщиков. Как я понимаю… это должно понравится тебе… этот мистер Гликман платит наличными… десятками, двадцатками… и он никогда не торгуется. И самое главное, он способен заплатить достойную цену… Так я звоню?

Крохотная улыбка появилась на ее полных губах, когда она ответила:

— Вперед и не потеряй ни гроша.

Шервуд восхищенно улыбнулся.

— Ты знаешь некоторые предимпульсные поговорки, не так ли маленькая мегера?

Двадцать минут спустя дождь еще выбивал стаккато по окну,

отдаваясь эхом по помещению как канонада. Макс и ее Ниндзя укрылись в соседнем офисе, когда услышала как хлопнула дверь машины. Она прислонилась к стене, занимая позицию, которая скрывала ее от таинственного Гликмана.

Для своей роли, Шервуд казалось ничуть не нервничал. Опытная Макс не сомневалась, что она не первая кто наблюдает за сделкой с этого укромного места. Она не удивилась бы, если бы этот «иллюминатор» был специально сделан чтобы не вызывать недовольство клиента, ожидающего в коридоре…

Укрытая тенью, Макс могла видеть через разбитое стекло в двери офиса двух мужчин, прошедших по коридору в офис Шервуда, не заметив ее. Они остановились рядом с дверью и Макс могла видеть только очертания их фигур.

— А что случилось со стулом? — спросил один из них, его голос звучал гнусаво и как будто сквозь зубы.

— Вандалы, — ответил Шервуд приглушенно, как-то с отвращением, потом ее тон потеплел. — Мистер Гликман, простите что вызвал вас в такую отвратительную погоду… — картина на столе была как цветная промокашка, — … но как я говорил по телефону, это настоящий Грант Вуд.

Перекупщик, гордо улыбаясь, показал на мазонитовое полотно.

— Это несомненно так, — ответил изысканный голос.

— Я, э… не видел твоего поставщика. Это нарушает порядок.

— Нарушает порядок? — спросил другой грубый голос. — Я знаю кое-что худшее.

Макс пронзила ледяная дрожь: она слышала это голос раньше… в фойе особняка Джареда Стерлинга. Один из охранников! Маурер, черный, бритый охранник…

— Кое-что худшее? — спросил Шервуд, несомненно заколебавшись.

Пара шагнула вперед на полосу света и поле зрения Макс. В черном непромокаемом плаще, Маурер стоял справа, его нос был сильно перевязан. Слева от «компаньона» стоял мистер Гликман, окутанный Лондонским смогом, и Макс рассмотрела его, не так хорошо — у него были прямые серебристо-серые волосы, на щеках небольшие шрамы.

Начальник охраны Стерлинга.

— Я намереваюсь, — сказал Гликман, — попытаться выкупить обратно картину украденную у моего босса.

Шервуд казалось сжался:

— Я… я… я не имел понятия…

— Это тщательно скрывалось от прессы. Ты работаешь в сфере искусства. Конечно же ты знал что эта картина

принадлежит мистеру Стерлингу.

— Но… джентльмены… Я не осознавал, что мистер Стерлинг был вашим клиентом. Я предполагал, что ты представитель гильдии перекупщиков… Извините уж меня.

— Нет, — ответил Гликман.

Начальник охраны был окутан Лондонским туманом, и Макс не знала, на что он способен. Она отступила на три маленьких шага назад, потом бросилась в полуразвалившуюся стену. Она ворвалась взрывной волной в офис Шервуда, как только Маурер сделал первый выстрел. Макс не смогла остановить его вовремя, и Шервуд бессмысленно защищаясь выставил перед собой картину.

Девятимиллиметровая пуля разорвала в картине дыру большую, чем мячик для гольфа и затем врезалась в голову Шервуда, вырвав кусок скальпа пожилого мужчины.

— Картина! — закричал Гликман, в ужасе.

Но второй выстрел Маурера раскромсал шедевр еще больше. Пуля попала в грудь Шервуда и вышла из спины, перевернув стул, он ударился об стену, и опрокинулся на спину, неуклюже растянувшись.

Макс прыгнула, ударила ногой. Ее ботинок встретился с перевязанным лицом Маурера. Он завопил, выронив пистолет и свалился на пол. Схватился за нос, из которого хлестала кровь, заливая красным его пальцы. Гликман спрятался, когда Макс влетела через стену и выстрелил по ней из засады. Но промазал и пуля сделала дырку в стене. Она ринулась на него прежде чем он смог снова прицелиться. Увернулась от шальной пули и ударила ногой. Ее ботинок врезался парню между ног, прибив его к стене. Он с шипением выдохнул, сполз вниз по стене, беззвучно разинув рот.

Но начальник охраны Стерлинга не был слабаком и быстро справился с болью. Боевой задор вполне вернулся к нему, Гликман выстрелил, пуля просвистела мимо плеча Макс, сделав еще одну дырку в стене.

На полу рядом с мертвым скупщиком (который лежал на спине выпучив глаза в потолок) Маурер, в липких, скользких от его крови руках пытался удержать свой пистолет. Удержал, направил его на Макс. Небрежная глупость, если учесть как близко она столяла, и как сомнительно было его преимущество. Как только черный парень выстрелил, Макс поднырнула в сторону. Пуля пролетела мимо нее и попала в грудь Гликмана, выпустив розовый фонтанчик.

Глаза среброволосого охранника расширились от шока и он прислонился спиной к стене. Он посмотрел вниз на рану, потом

поднял взгляд на Мурера. Свои последние слова он почти выжал из себя:

— Тупой выродок.

— О, дерьмо, — произнес Маурер, и обвел вокруг пистолетом, ища свою цель, которая казалось исчезла.

Макс внезапно возникла сбоку, схватила его руку и выкрутила локоть в обратном направлении. Маурер закричал, его пальцы сразу раскрылись и он выронил испачканный кровью пистолет. Она молча вывернула его плечо, согнув его руку кругом сзади него.

Парню было так больно, что он не мог даже кричать.

— Один вопрос, — холодным голосом произнесла Макс. — Неправильный ответ, и я ломаю твою руку.

Она немного увеличила нажим. Маурер выгнул спину и жалко застонал.

— Спрашивай! Спрашивай!

— Где я могу найти Стерлинга… прямо сейчас?

Он попытался повернуть голову, чтобыпосмотреть на нее, но она сильней выворачивала его руку и его голова опускалась, так как он визжал от боли.

— Давай отвечай, — сказала она и начала двигать руку вверх.

— Хорошо! Хорошо! Он в Игле.

Поморщившись, Макс ослабила захват, и почувствовав, уменьшение боли, Маурер выпустил из себя весь воздух, и Макс почувствовала, как он оседает в ее руках как охапка дров.

— В Космической Игле?

— А в какой еще долбанной Игле может проходить сделка?

— Еще, — приказала она, даже не подтвердив свой вопрос новым захватом, парень и так хотел сотрудничать.

— Босс и тот русский, они продают какое-то дерьмо корейцам, там. На верху.

— Прямо сейчас?

— Где-то через час… да.

— Спасибо, — сказала Макс и отпустила его.

Он постоял мгновение, повернувшись к ней спиной, и сказал:

— Я не буду… не буду мешать тебе.

— Я знаю, — ответила она и вырубила его резким ударом по шее.

Она уходила и оставляла поврежденную картину, убитого скупщика, мертвого начальника службы безопасности и подчиненного Стерлинга в бессознательном состоянии, и ему еще предстоит объясниться о том, как он погубил ценное произведение искусства и застрелил своего начальника.

Но по крайней мере, в кармане Макс все еще было ожерелье,

драгоценный объект, который принес так много разрушений и смертей, что его вес стал весьма значителен. Она должна была замкнуть этот круг, иначе ни она, ни ее брат никогда не будут в безопасности.

Бросив взгяд вниз на Шервуда, она покачала головой. Старик не должен был умереть, но она не чувствовала вины или ответственности за это. Он выбрал свой путь, даже если он никогда не был легким. Однако, ей понравился эксцентричный скупщик краденного, несмотря на то, что их знакомство было недолгим, и теперь Шервуд был еще одной вещью, отнятой у нее Стерлингом и Кафельниковым, еще один растерзанный товарищ, как Китайский Клан…

В следующем офисе, она надела свои очки с янтарными стеклами, вывезла Нинзя в холл. Затем она забралась на него, включила зажигание и вылетела прочь из здания на встречу поджидающему ее шторму.

Швыряемый ветром дождь хлестал Макс по лицу, пока она ехала про Брод Стрит к Космической Игле, но она не возражала — это казалось очищением. Она хотела, чтобы дождь смыл всю грязь и коррупцию с этого города и этой разрушенной страны…

Паркуясь в полуразрушенной здании за два квартала до места назначения, она посмотрела наверх и задержала дыхание, так она была удивлена увидеть эту гигантскую постройку. Она видела Иглу и раньше — невозможно жить в Изумрудном Городе и не заметить Иглу — но она никогда не уделяла ей особого внимания.

Более шести футов в высоту, Игла возвышалась как огромный металлический цветок. Ночь была настолько темной, а стена дождя такой плотной, что во вспышках молний она могла различить только очертания здания. Маяк футуристической надежды во время своей постройки в 60-е, Космическая Игла теперь маячила в сумрачной дали и приходила в упадок, привлеченный Импульсом, скелет заветных мечтаний более надежного и наивного времени.

В годы после Импульса, вследствие упадка в экономике все меньше и меньше туристов привлекала эта прославленная достопримечательность, пока не погиб ресторан, смотровая площадка не была закрыта — слишком много людей прыгало оттуда — и банкетные залы не было решено заколотить. Стены теперь служили холстами для уличных художников города, Игла казалась раскрашенной сотнями разных красок: красные, черные, желтые, белые баллончики всевозможных оттенков оставили свои следы практически на всем здании. Сувенирная лавка на первом этаже — ее окна были разбиты очень давно — казалась самым

хорошим входом для Макс.

Окрестности вокруг башни разделили ее участь и напомнили Макс кадры видеохроники, которые она видела в Мантикоре, только на них были Сараево и Бейрут. Единственные неразбитые окна, казалось, в целом районе были в двух машинах, припаркованных у основания Иглы под оловянным козырьком, по которому настойчиво барабанил дождь. Она подобралась ближе, скрываясь за мусорными контейнерами по периметру автостоянки. Отсюда ей открывался хороший вид на машины.

У черного блестящего Лексуса были калифорнийские номера — скорее всего это машина русского. Другая, старый Хаммер, скорее всего была взята напрокат, и напомнила Макс ее жизнь в Мантикоре. Рядом с каждым транспортным средством стоял охранник, парень около Хаммера — ниже своего коллеги — курил и прогуливался вдоль машины с водительской стороны.

Другой охранник рядом с Лексусом, был ближе к ней, он прислонился к двери и смотрел в ее направлении. Сначала она подумала, что он увидел ее, но потом она поняла, что он смотрит в пустоту, а его голова просто повернута в ее сторону. Однако, стоит ей только начать движение, он вероятно заметит ее… и преимущество внезапности растворится.

За мусоркой она нашла камешек величиной с кубик сахара и бросила его вниз по улице. Камень ударился о тротуар достаточно громко, чтобы этот звук можно было расслышать за шумом дождя… Макс использовала этот маневр, чтобы обойти вокруг и укрыться перед Лексусом.

— Что за черт? — спросил другой охранник, его акцент выдавал японское происхождение.

— Без понятия, — скучно откликнулся охранник около Лексуса. Он был одет в темно-коричневую куртку на молнии и черные джинсы.

Подобравшись поближе, Макс узнала в нем Джексона, коротко стриженный драчун, знакомый ей по первому визиту в поместье Стерлинга.

— Нам нужно посмотреть? — спросил японец.

— Делай, что хочешь. Мочи свою задницу. Мне приказано быть здесь.

Японец обошел Хаммер и закурил еще одну сигарету.

Джексон прислонился к водительской двери Лексуса и пялился в космос. Макс решила сначала разобраться с японцем. Она подкатилась под Хаммер, и, когда он проходил достаточно близко к ней, она схватила парня за лодыжки и подбросила их в воздух. Задыхаясь, он отправился в полет.

Она уже выбралась наружу к тому времени, как его голова

шлепнулась на цемент, растянувшись на земле, охранник медленно поднял голову и уставился застекляневшим взглядом вверх, возможно задаваясь вопросом не спит ли он, настолько прекрасное личико смотрело на него сверху…

Владелица прекрасного лица ударила его в висок и он откинулся назад, чтобы остыть.

— Ты что-то сказал? — спросил Джексон.

Когда он не получил ответа, Джексон выпрямился, сузил глаза, достаточно заинтересованный, чтобы повернуться и взглянуть. Но все, что он увидел, были ботинки Макс, когда она с изяществом профессионального бойца перепрыгнула автомобиль и врезалась ими в лицо охраннику. Джексон повалился на землю, выплевывая окровавленные зубы как семечки, затем попытался подняться, зажимая рукой остатки своей улыбки… и Макс наградила его коротким ударом левой.

Дождь барабанил по навесу.

Раньше, когда Игла предназначалась для семейного отдыха, здесь работали три лифта. И хотя, Макс не планировала пользоваться ими, она хотела знать функционировали ли они и где находится пульт управления. Если Стерлинг использует Иглу, как постоянное место для обделывания своих грязных делишек, ей казалось, что в силах коллекционера было прибрать к рукам все системы управления зданием.

Макс забралась через разбитое окно в сувенирную лавку и осмотрелась. Единственными звуками здесь были удары об пол капель воды, стекающих с ее кожаной одежды. Доступ к электроэнергии должен быть где-то на этом этаже. Пыль покрывала пол и прилавок, и она так же могла показать, где располагался кассовый аппарат до того, как ее украли.

Она остановилась и внимательно прислушалась, но не услышала ничего… и двинулась вперед.

Дверь слева вела к лифтовому холлу. Этот коридор изгибался и уходил из поля зрения, так что Макс решила начать с него. За прилавком другая открытая дверь вела к задней комнате. Снова тщательно прислушиваясь и ничего не слыша, она двинулась к комнате, в ней было так темно, что даже Макс не могла ничего разглядеть. После медленного осмотра комнаты на предмет наличия других дверей, X5 вернулась в помещение магазина время от времени освещаемое вспышками молний.

Макс выбрала дверь и выглянула в коридор с лифтами, но не увидела ничего. Двигаясь вперед, она смогла различить лифты справа от себя. Она также увидела индикатор этажей над дверями лифта — они работали.

Ближайшая кабина была на уровне смотровой площадки, две

другие — на подземном этаже. По левую сторону когда-то была стеклянная стена, но теперь от нее осталась только металлическая рама и куча неровных осколков. Через шесть футов от последнего лифта находилась еще одна дверь, из-под нее пробивалась тоненькая полоска света.

Она проскользнула открытое пространство, заглянула внутрь… и увидела одного из людей Стерлинга внутри маленькой комнатки.

Голая лампочка, висящая как электрический фрукт, обеспечивала помещение светом. Несколько больших круглых коробок стояли возле одной стены, а возле другой на складном стуле сидел человек Стерлинга и читал спортивный журнал с девушкой в бикини на обложке. С этим парнем она раньше не сталкивалась, рыжеволосый с широкой грудью и грубым угловатым лицом, на нем была коричневая куртка на молнии и темно-коричневые брюки.

Быстро, пока парень не успел опомниться, она спросила:

— Могу я узнать, что ты здесь делаешь?

Он уставился на нее в недоумении и получил удар справа, потом слева, а потом снова справа. Журнал выскользнул из его руки, парень и стул начали заваливаться на бок. Она поймала их и аккуратно опустила и охранника, и стул на пол, избегая шума. Сначала она решила связать парня веревкой, которая висела у нее на поясе, но решила, что ей может найтись лучшее применение, и стянула руки парня за спиной его собственным ремнем.

Она отправила лифт вверх, чтобы показать им, что идет.

Макс оставалось только подняться по лестнице на башню, где злой принц и сборище его мерзких советников уже, конечно, поджидают ее.

Глава 13. НА ОСТРИЕ «ИГЛЫ»

«КОСМИЧЕСКАЯ ИГЛА»

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Зайдя за угол от лифтов, Макс оказалась у двери на лестницу, обычно она была закрыта, но сейчас сломанный замок лежал на грязном полу, как сломанный металлический цветок. Это казалось недавней работой, а не проделками древних вандалов.

Она осторожно открыла дверь и заглянула внутрь, как в бездну лестницы, содержащей путь в темноту и проглатывающей ее. Капли дождя грохотали как безумный барабан и оркестр горнов. Однако на ступеньках она легко могла разглядеть влажные следы.

Оказывается Макс была не единственным туристом, который пришел в Космическую Иглу этой ночью…

Вглядываясь в темноту и пытаясь различить за шумом дождя звуки чужих шагов, Макс не могла сказать, был ли этот человек на расстоянии половины пролета от нее или уже давно наверху.

В то время как гроза бушевала снаружи, Макс заметила на расстоянии пятисот футов сверху удачное местечко, по крайней мере, сухое на дынный момент. Ее волосы свешивались с плеч мокрой тяжестью, хотя ее кожаная одежда не промокла. Если бы она не имела особых талантов, то совсем бы замерзла. Однако опытная Макс не обращала внимания на холод. Так тихо как это возможно, прильнув к стене на узкой лестнице (после примерно нескольких мокрых ступенек), Макс начала подниматься.

Сто шестьдесят шагов спустя, нисколько не запыхавшись, она вошла в банкетную комнату, которая в меньшей степени пострадала от вандалов, чем общий этаж, из за преимущества в сотню шагов над землей. Огни города были смазаны сильной грозой, но ее кошачье зрение позволяло ей разглядеть окрестности…

В комнате сохранилось больше столов, чем Макс могла бы сосчитать, многие были опрокинуты, на некоторых все еще сохранились белые скатерти, на других лежал толстый слой пыли. Везде были раскиданы роскошные стулья и мелкая утварь — фарфор, столовое серебро, стаканы и даже настольные лампы — казалось, весь пол был усыпан ими. Окна на этом этаже

сохранились лучше, некоторые были выбиты, но не все, достаточно, чтобы впустить капельку света в помещение — впрочем этой ночью скудное освещение ограничивалось причудливыми тенями, исполняющими дикий танец дождя.

Внимательно прислушиваясь к каждому звуку того незваного гостя, что проходил до нее, Макс не слышала ничего… только воющий ветер и сокрушительный дождь.

Ей предстоял долгий путь наверх, но она сопротивлялась порыву побежать туда, даже с ее фантастической выносливостью, она не хотела рисковать и изматывать себя — кроме того, она не знала, что за битва ждет ее на вершине Иглы, так что ей надо быть такой свежей, насколько это возможно после такого восхождения. Трата энергии на дорогу может стать тактическим самоубийством, а ее ближайшая возможность отдохнуть находится в поднебесном ресторане на высоте сотни футов над ней. И между тем местом и этим были только она и лестница… … и, возможно, еще один «турист», который поднимается этим же путем перед ней.

Продолжая подниматься, она обдумывала: можно только предполагать что ее ждет, когда ступеньки закончатся — Лексус мог прихватить шестерых, Хаммер на пару человек больше. И что же выходит? Четырнадцать парней, самое большее… и она уже устранила троих.

От потенциальной армии осталось еще одиннадцать на нее одну, допустим, один из них был тем, кто тоже поднимался по лестнице перед ней. А если этот лестничный альпинист вмешивается в чужие дела, как и она — все может быть, как знать — то наверху может быть и дюжина парней… дюжина пистолетов… ждут ее.

До того как она начала подъем, этажный индикатор в фойе показывал, что лифт остановлен на смотровой площадке. При такой погоде она бы удивилась, если бы сделка совершалась не в ресторане. Так она настраивала себя, на то что могло ожидать ее за дверью… … но только тишина, темнота и толстый слой пыли встретили ее. Неизвестно повлияли ли дождь и ветер, но сделка свершилась где-то, где все смогли договориться — возможно, только вне этого замкнутого пространства, даже в такой шторм, эти ненадежные мужчины могли довериться друг другу.

После дополнительных 640 ступенек и четырех сотен футов подъема, даже генетически улучшенные мышцы Макс ощущали жар. Она остановилась прислонившись к стене.

Теперь, в пятистах футах над землей, дождь еще бушевал снаружи, X5 оказалась в помещении настолько темном, что даже она напрягалась чтобы рассмотреть подробности. Она смогла

увидеть на возвышении кабинки — можно было допустить, даже для тех, кто обедал в центре ресторана, открывался изумительный вид на город — а кленовые панели, подчеркнутые светлым деревом, давали помещению шикарную атмосферу и вероятно, в течение дня, натуральное освещение. Хотя и покрытые пылью, подушки сидений не скрывали свой оригинальные желтый цвет, который мог бы добавить в дневное время яркости.

Она использовала одну руку в перчатке чтобы вытереть пот со лба, ее дыхание успокоилось, выровнялось. Она почувствовала себя отлично, почти взбодрилась, приготовилась для финального раунда с последними двадцатью футами, и самое главное, сбить спесь со Стерлинга и Кафельникова… и может быть, просто может быть, с Лайдекера…

— Боже, неужели ты не можешь усидеть на месте хоть иногда?

Это был голос молодого мужчины, который находился справа от нее. Повернувшись в его сторону, она встала в бойцовскую стойку.

Голос из темноты продолжил:

— И ты растеряла все свои навыки… Проклятье, ты даже не знала, что я здесь.

Разозлившись на себя, потому что голос был прав, она сказала:

— Перестань играть впрятки, подойди сюда и проверь мои бойцовские навыки.

Молодой человек вышел на свет — фигура в черном, от ботинок до шапочки, которая не скрывала коротко подстриженных темных волос. Узкое угловатое лицо и зеленые глаза остались такими же, хотя он сам и превратился в настоящего мужчину. Макс почувствовала, что каждый мускул в ее теле обмяк, но восхождение не имело к этому никакого отношения.

Сет.

Не Зак, но Сет… который не сбежал той ночью с ними… был ли он одним из X5 Лайдекера? Или же его вынудили стать тем бунтарем с CNN?

Ослабив свою бойцовскую стойку, но оставаясь настороже, Макс спросила:

— Что ты здесь делаешь, Сет?

— Я польщен, что ты узнала меня, — сказал он. — А кто ты? Джонди? А может Макс?

— Я думала, ты знаешь, кто я…

— Я увидел твой штрихкод, когда ты повернулась к стене,

сестренка. Так что я думаю, что ты Макс.

Она кивнула и волна эмоций — что-то вроде горько-сладкой теплоты от того, что брат узнал ее — захлестнула Макс.

Сет сузил глаза и указал пальцем в перчатке на потолок.

— Ты знаешь, что там происходит?

Она кивнула.

Он был по-прежнему серьезен, лицо как безжизненная маска, а в глазах — ни тени эмоций, только Зак мог бы переиграть Сета в эту игру в каменное лицо.

— Это мой последний шанс скрыться от Мантикоры, навсегда.

— Скрыться? — спросила она.

— Точно. Мы могли бы сделать это вместе.

На нее нахлынула еще одна волна эмоций, но она сдержанно поинтересовалась:

— Откуда я знаю, что ты не заодно с Лайдекером?

Каменная маска сменилась замешательством: болью и угрюмым смятением.

— Как ты можешь говорить такие вещи?

Теперь она упрекала его:

— Когда мы убегали, ты не пошел с нами!

Он защитился от ее упрека:

— Они поймали меня!

— Правильно… они затащили тебя обратно. Ты закончил обучение с отличием, братец?

Макс угрожающе шагнула в его сторону, и он принял боевую стойку, которая как в зеркале отображала ее собственную.

Но он не стал атаковать, а сказал:

— Я сбежал в ту ночь — двое из них думали, что поймали меня, но я прищелкнул ублюдков, и воспользовался неразберихой. Я в бегах с тех пор постоянно, как и ты, должно быть.

Хотя и смотрела на него с подозрением, она желала всем сердцем, всеми фибрами души верить ему. Если она и другие сбежали той ночью, почему бы и ему нет?

Несмотря на генетические изменения и военную подготовку, внутри Макс был импульс, который подарили ей Люси и ее мама (и уж точно не ужасный приемный отец) и, конечно, Муди и Китайский Клан, которые погибли из-за нее. Этот импульс — он заставлял ее хотеть верить Сету больше, чем она когда-либо верила во что-нибудь — стремление к семье, к кому-то, похожему на нее, к кому она может обратиться как к брату…

Ее мысли прервал звук визжащих шин, донесшийся с парковки далеко внизу, звук, который только она… или кто-то

похожий на нее… могла расслышать в шуме бури. Она и Сет подошли к краю и посмотрели вниз сквозь стену дождя. Вспышка молнии помогла им, сделав мир светлее, и они оба увидели черные фургоны Мантикоры, подъезжающие со всех сторон и выскакивающих из них бойцов.

— Лайдекер, — выдохнул Сет.

— Проклятье! — произнесла Макс с яростью смешанной с печалью. — Я должна была предполагать, что ты в его руках!

Она крутанулась и ударила ногой прямо в его грудь, но он поставил блок. Она удержала равновесие, но дала ему время начать быстрый контрудар, от которого она ловко уклонилась… … и затем они оказались лицом друг к другу, готовые к бою.

Сет встряхнул головой, в его глазах промелькнуло отчаяние.

— Макс, клянусь, я не с ним. Я не знаю, как он нашел нас.

Ее голос источал сарказм:

— Готова поспорить, что это великая тайна.

— Сестренка, нам обоим нужно выбраться отсюда.

Она нанесла удар слева, но он отклонился, и кулак Макс отскочил от его груди. В то время, когда он отступал назад, Сет схватил руку Макс, используя свой импульс против нее, и перебросил девушку через себя на стол, который развалился под ее весом.

Когда она поднялась с обломков, слегка ошеломленная, он сказал:

— Нам нужно поднять сюда лифты, это задержит Лайдекера.

Вспышка молнии пронзила комнату и сомнения поразили Макс — может Сет говорит правду, после всего…

Она сказала, указывая на потолок:

— Нет, не делай этого, они увидят, где мы находимся на индикаторах этажей!

Это означало, что любое преимущество внезапности будет потеряно, в чем были заинтересованы Кафельников, Стерлинг и из маленькая армия.

Но для подобной дискуссии было уже слишком поздно.

Сет уже нажал на кнопки, заставив лифты подниматься с нижнего этажа в ресторан. Макс оставалось только надеяться, что Стерлинг, Кафельников и их покупатели не станут смотреть на индикаторы.

— Это стоит того, — отчаянно произнес Сет. — Теперь Лайдекер нас не поймает.

— Или Лайдекер уже в этом лифте, — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

— Проклятье, сестренка! Подтащи пару столов.

— Зачем?

— Когда лифты приедут, мы заблокируем двери, и они останутся здесь… Таким образом Лайдекеру и его мальчикам придется совершить большое восхождение!

Теперь Макс начинала ему верить.

Они подтащили столы, и когда прозвенел сигнал и открылись двери первого лифта, Макс замерла, не дыша, ожидая увидеть врывающихся спецназовцев… но кабина была пуста.

Так же как и вторая. Она навалили столы, чтобы не позволить дверям закрыться, после чего брат с сестрой остановились, чтобы ухмыльнуться друг другу, наслаждаясь этим мигом мальнького триумфа.

Когда Сет рванул к смотровой площадке, Макс продолжали терзать смутные сомнения. Противоречивые эмоции все еще боролись в ней, паранойя многих лет в бегах заставляла ее задаваться вопросом может ли Сет каким-то образом работать на Лайдекера — может это какая-то ловушка?

Но тем не менее, она не отставала от Сета. Лайдекер был недалеко, и заблокированные лифты лишь отложат его появление. Это был ее единственный выбор — следовать за Сетом на смотровую площадку.

Макс перепрыгнула через последние ступеньки, вылетела в дверь и оказалась на улице под дождем и ветром.

Через 1,6 секунды Макс уже оценила обстановку: проливной дождь барабанил по синтетической обшивке крыши над площадкой, которая была окружена стеной высотой три фута и стальными колоннами через каждые десять футов или около того. В каждой было по четыре отверстия для стальных троссов, которые защищали людей от падения вниз, когда Игла была в бизнесе. Но кабели давно были украдены для перепродажи, и здесь остались только невысокое заграждение и толстые стальные колонны. Ветер яростно бросал дождь из стороны в сторону, и видимость за пределами площадки была близка к нулю. Холл с тремя лифтами находился в центре Иглы и вел на нижний уровень площадки через дверь слева от лестницы, в которую Макс и вошла, чтобы увидеть… … Сета, приготовившегося к драке с двумя мускулистыми корейцами в черных дождевиках на площадке перед лифтами!

Справа от себя, Макс смогла различить Джареда Стерлинга и другого корейца, оба были в черных непромокаемых плащах, их волосы приподнял ветер так, что, казалось, что их напугала схватка между молодым X5 и корейскими головорезами.

Бизнесмен держал за ручку большой черный кейс для картин, в котором без сомнений находился предмет искусства, предназначенный для отправки заграницу, а азиат в правой руке

держал портфель… Эти два человека явно были пойманы в момент сделки. Кафельникова не было видно, но он просто мог быть вне поля зрения, например, находиться на другой стороне площадки. И где-нибудь поблизости, она знала, скрывается Моралес и еще несколько стерлинговских охранников.

А что касается Лайдекера и его бойцов, они должны быть вот-вот появиться — здесь был еще один лифт, не считая тех, которые они с Сетом заблокировали столами. В любом случае мелодраматический выход Лайдекера на эту дождливую сцену мог состояться в любой момент.

Сет нанес удар одному из корейцев и сломал ему нос, вызвав фонтан красных брызг посреди серой ночи, мужчина упал на пол и больше не шевелился, его черный плащ был похож на черную лужу. Тем временем, пока X5 разбирался со вторым корейцем, Макс увидела Моралеса с пистолетом наготове, выходящего из-за лифтов, за спиной у Сета.

Макс бросилась к Моралесу, чем привлекла его внимание, и охранник Стерлинга выстрелил в нее. Макс уклонилась от пули, и когда она оказалась около него, она нанесла удар в пах. Моралес резко выдохнул, издав полный боли стон, который слился с завываниями ветра. Он схватился рукой за живот и начал оседать на одно колено, как будто он молится ей, а в это время Макс выбила пистолет из другой его руки, как если бы это был надоедливый жук. Затем она встала над ним и нанесла прямой удар левой в солнечное сплетение и еще один в голову, и стала с удовольствием наблюдать, как охранник закатывает глаза и валится на пол, такой же бесчувственный, как и бетон из которого этот пол сделан.

Макс не видела этого, но когда Моралес выстрелил в нее, Стерлинг и кореец повернулись друг к другу и начали стрелять. У каждого в руке было по портфелю, и кореец решил, что ситуация говорит о том, что Стерлинг его предал, и захотел оставить себе оба предмета обмена.

Когда Макс обратила на них свое внимание, коллекционеры боролись и их драка смахивала на комическое перетягивание каната, так как каждый пытался заполучить оба приза.

Сет тем временем заканчивал со вторым корейским головорезом. Он поймал своего соперника ударом левой и двумя быстрыми правой, руки парня опустились по бокам, будто призывая Сета ударить, что он и сделал, ударив громилу в прыжке в грудь. Кореец отлетел назад, его череп подпрыгнул, когда приземлился на бетонном полу рядом с лифтами, парень был либо без сознания, либо мертв.

Сет подлетел к Стерлингу и корейскому покупателю только

для того, чтобы быть зажатым в тиски еще одной парой выходцев из Азии, охранников, которые спешили от дальнего угла лифтовой площадки и были на пути к своему работодателю и его американскому сопернику по перетягиванию каната.

Дождь продолжал лить. Сет был зажат между двумя азиатами и раздавал им мастерские удары, когда еще двое охранников Стерлинга появились перед Макс: долговязый белый парень и невысокий накачанный латиноамериканец. Она сделала прыжок назад, и каждая ее нога нанесла удар одному из мужчин, они тут же повалились на спины.

Она вскочила на ноги и направилась к Стерлингу. Но долговязый охранник протянул руку и схватил ее за лодыжку, настойчиво потянув ее вниз.

Это навредило Макс совсем не так сильно, чтобы… ее… сбить! С ее позиции на мокром бетоне, как будто на тренировке, она ударила сзади, ее нога встретилась с его лицом, его лицо проиграло, нос и челюсть хрустнули. Он отправился смотреть сны, как хороший мальчик…

Только после этого латиноамериканец отступил на шаг и очевидно понял, что это лучше, чем пытаться сразиться с Макс в рукопашную. Он потянулся рукой за своим пистолетом… но не успел. Макс подпрыгнула и провернулась кругом, ее нога встретилась с лицом по касательной. Удар был не очень сильный — только отвлек его внимание, его глаза закатались как шарики в подшипниках, но он удержался на ногах. Макс подпрыгнула и, провернувшись в воздухе, ударила фактически оторвав нос с лица парня, который свалился без чувств и вероятно довольный.

Стерлинг и корейский коллекционер приблизились к трехфутовому ограждению, которое окружало смотровую площадку, где властвовали ветер и дождь. Они продолжали перетягивать взад вперед портфели друг друга, не в состоянии получить преимущество один перед другим. Небо грохотало над ними, ветер хлестал их, а дождь барабанил по ним и площадке, делая каждый их шаг ненадежным.

Стерлинг рванул портфель и вместе с тем отпустил другой портфель, внезапно переместившись. При этом нога корейца оказалась под его ногой, и тот упал назад к краю и казалось протянул руку к Стерлингу, как раз чтобы удержать и свой портфель и другой, его глаза умоляли. Но Стерлинг только смотрел как мужчина падал в ночь, его вопли были едва различимы сквозь бурю. Он махал портфелем как большим сломанным крылом, так как человек упав с пятисотфутовой высоты несомненно погибнет.

Выйдя из ее самого совершенного штопорного прыжка, Макс

уловила финальный момент схватки, и сейчас она спешила найти Сета, помочь ему. Но она увидела только двух корейских телохранителей нагроможденных один на другого, как куски мяса.

Закончив со своими пируэтами, она наконец-то увидела Сета, приближающегося с Стерлингу и портфелю с деньгами. Позади брата, она увидела русского — он появился из дальнего конца смотровой площадки — его длинные светлые волосы потемнели и разгладились под дождем. Одетый в темное пальто до колен, застегнутое на все пуговицы, похожий на рок-звезду гангстер указывал на Сета, только не пальцем, а стволом девятимиллиметрового пистолета.

Сет не видел Кафельникова, и Макс закричала, чтобы предупредить его, но пистолет русского выстерлил, и пуля врезалась в левое плечо Сета, заставив X5 потерять равновесие. Ее брат повалился на Стерлинга, который одной рукой обнял портфель, а другую выставил вперед так, как будто бы это могло остановить несущийся не него человеческий поезд.

Стерлинг даже завопил:

— Стой!

Как будто это могло чем-то помочь.

Макс подбежала к ним с одной стороны, в то время как с другой приближался Кафельников, пистолет в его руке все еще был поднят. Второй выстрел прозвучал, когда Сет вырвал портфель здоровой рукой. Но третий выстрел Кафельникова поймал Сета в неудачный момент, и X5 навалился на Стерлинга и инерция парня потащила их обоих к краю площадки.

Продемонстрировав великолепный удар в прыжке, Макс выбила пистолет из руки Кафельникова и в то же время, вывела его из равновесия. Используя свое преимущество, Макс ударила его снова и он повалился назад. Когда русский пытался подняться, она схватила его за отворот пальто левой рукой и нанесла сильный удар правой. Его глаза закрылись, и он обмяк. Теперь это был человек, висящий на пальто, зажатом в ее крошечном кулачке.

Бросив его на пол, Макс повернулась, чтобы увидеть борющихся Стерлинга и Сета. Они были так близко к краю площадки, что ветер и дождь, казалось, надсмехались над ними. Радуясь, что она захватила ту веревку, Макс схватила моток, как ковбой, готовящийся бросить свое лассо, и двинулась к паре. Когда она приблизилась, Стерлинг подскользнулся на мокром полу, и парень перевалился через край.

— Сет, — закричала она.

Подбежав к заграждению, Макс перегнулась через него и

увидела Сета, цепляющегося за край парапета пальцами поврежденной руки. Его здоровая рука пыталась удержать портфель, за который уцепился Стерлинг. Бушующее ночное небо теперь, казалось, смеялось над ними. Магнат хныкал, его глаза были расширены от ужаса, а его власть была сейчас под большим сомнением.

Макс знала, что у нее есть только одна секунда.

Она обвязала веревку вокруг одной из стальных опор, затем спустила ее Сету, которому оставалось только отпустить стену и схватиться за нее. Стерлинг визжал, его захват ослабевал, но он продолжал из посдедних сил держаться за портфель.

— Я вытяну тебя! — пронзительно прокричала она сквозь ветер и дождь вниз, Сет кивнул — в данный момент это был единственный способ общения, и он напомнил о тренировках в Мантикоре.

А Стерлинг завопил:

— Быстрее, ради Бога, девочка — поторопись! Я заплачу тебе!

Прежде чем Макс успела что-то сделать, она почувствовала на себе чужие руки, и кто-то схватил ее и повалил с ног, отбрасывая ее в сторону, так же как дети, когда-то посещавшие Иглу, бросали на землю обертки от конфет.

Поворачиваясь на лету, Макс освободилась и выпрямилась, вслепую хватаясь за веревку и натягивая ее на себя, перебирая руками по веревке… … и в следующий момент она поняла, что висит высоко над улицей, и только отвороты пальто Кафельникова удерживают ее от падения. Ее ноги сталкивались с Сетом и Кафельниковым, висящими чуть ниже нее, а она изо всех сил цеплялась за русского, который теперь был прижат к ограде, и пытался удержаться, чтобы не перевалиться за нее. Он хватал ее за руки и пытался оторвать их от себя.

Кафельников прорычал:

— Ты несчастная сука!

Раскачиваясь и держась за его пальто, она ухмыльнулась тому, как дождь и ветер атакуют их обоих.

— Дежа вю, да, Михаил?

Теперь от изобразил ужасающую, садисткую белозубую усмешку, которая сверкнула сверху как кривая луна.

— Да, навевает милые воспоминания, например, устанение твоего драгоценного Китайского Клана…

Русский расстегивал пальто, так что он мог скинуть его и отправить Макс в полет!

Зафиксировав взгляд на Кафельникове, она отпустила один его лацкан, в темноте он не мог разглядеть, что этой теперь свободной рукой она держится за веревку.

— Это тебе за Фреску, — произнесла она со льдом в голосе.

Он уже наполовину расстегнул пальто.

— Кто это еще такой?

— Никто. Просто одна из твоих жертв…

И она дернула его за отворот и отправила русского за стену, перебросив через свою голову в темную дождливую ночь.

Кафельников орал всю дорогу вниз, и, используя преимущества своего улучшенного Мантикорой слуха, Макс не без удовлетворения смогла различить звук его приземления.

Она поднялась по веревке, перелезла через заграждение и приготовилась вытаскивать тех двоих. Сет оставался тихим, почти спокойным, а Стерлинг плакал, умолял, и в нем не осталась практически ничего из того, что она о нем знала… как будто бы дождь смыл все это.

За ее спиной трио лифтов звякнули в унисон.

Ее глаза опустились вниз в темноту, на раненного Сета: они знают, братья знают…

Лайдекер был здесь — он и его спецназовцы хлынут из лифтов в любоий момент!

Глядя вниз на Сета, она увидела как он медленно, но уверенно покачал головой. Он не сказал, но она почти что могла читать его мысли: он ранен и не может сбежать; и он не собирается возвращаться в Мантикору…

Было ли это одинокой слезой, сбежавшей по его лицу, думала она, или просто дождь?

— Прости, Макс, — было всё, что он сказал… …и отпустил верёвку.

Сет тихо падал, даря лучшую свою улыбку сестре, которая с тоской тянулась вниз к нему.

Джаред Стерлинг же напротив кричал и размахивал руками, словно Бог мог внезапно даровать ему умение летать; но Аллах, похоже, был в настроении пошутить, так как из-за всех усилий богатенького дурака крышка открылась и деньги дождём полились на парковку.

Макс отвернулась прежде чем оба мужчины достигли тротуара, сейчас способность улавливать малейшие звуки этой жестокой ночи совсем не радовала её.

Голос позади неё крикнул:

— Стоять!

Но это был не Лайдекер, всего-лишь один из членов ГБР.

— Не двигайся — покажи мне свои руки. Сейчас же, живо, сейчас!

При других обстоятельствах она бы улыбнулась, представляя лицо члена боевого отряда, когда она перепрыгнет через стену и

исчезнет из виду, растворяясь в ночи.

Что она и сделала. ГБРовец не мог видеть, что она, держа конец верёвки, качнулась вперёд, потом обратно, через лишённое стёкол окно в ресторан, находящийся ниже.

Она приземлилась словно кошка, которой практически и была, голова кверху, настороже — у нее сейчас есть лишь секунды. Лайдекер пошлёт за ней своих людей, кого-то по лестнице, других на лифтах. Она подбежала и нажала вниз все три кнопки, надеясь хотя-бы притормозить группу преследователей и помчалась по лестнице.

Ее брат отдал жизнь, чтобы избежать лап Лайдекера; она рискнет своей, чтобы избежать той же участи, а скорбь подождёт.

Смотровая площадка была похожа на корабль разрезающий волны в бушующем море, а «Капитан» Лайдекер был по-царски разгневан.

— Он прыгнул через край? — взревел он.

Солдат кивнул, одетый в чёрный нестроевой костюм с очками, кевларовый жилет, шлем и с MP7A.

— Но не похоже что это… был он, сэр.

— Какого чёрта ты…

— Сер, снимки, которые вы нам показывали. Я был в лифте и он… или она… была на стене, девушка, но за всем этим дождём…

Лайдекер ударил солдата по лицу.

— Мистер, как, во имя Господа, ты мог спутать 19-летнего парня с «девушкой»?

— Сэр, я…

Лайдекер обрубил его взглядом, отмахнулся от него и зашагал к краю обзорной площадки, где следы бойни едва просматривались сквозь хлещущий дождь. Одно это чертовски хорошо всё скроет.

Затем он заметил веревку, дразня метавшуюся на ветру.

Он вызвал по его ручной рации:

— Группа Пять.

Рация протрещала и голос с первого этажа сказал:

— Группа Пять.

— Кто-то спустился в лифте?

— Нет, сэр.

— Осмотрите их внимательно. У нас тут может быть еще один X5. Возможно женщина. — …Да, сэр.

Лайдекер махнул головой одному из мужчин.

— Вниз по верёвке, солдат.

Мужчина без колебаний вскинул оружие через плечо и скользнул к краю крыши и вниз из поля зрения. Теперь Лайдекер ходил по смотровой площадке, рассматривая жертв, с полдюжины

точно. Большинство из них казались живы и приходили в себя, настолько насколько это возможно после избиения Х5-м…

— Группа Два, — вызвал он по рации.

— Группа Два.

— Группа Два, возьмите половину команды и обыщите здание в поисках нашего парня. Возможно тут есть второй Х5, женщина.

— Да, сэр.

Он повернулся к ближайшему к нему члену группы.

— Группа Три, ликвидировать тела и очистить площадку.

Мужчина замешкался.

— Вы слышите меня при такой погоде, мистер?

— Нет, сэр. То есть, да, сэр.

— Тогда, выполняй приказ.

— Да, сэр.

Лайдекер развернулся и проследовал обратно к лифтам, где ждали ещё шесть человек в черной броне. Позади него Лайдекер услышал пистолетный выстрел, потом еще и еще.

— В чем проблемма? — спросил он.

— Лифты, сэр, — сказал один из солдат. — Двери закрыты…

— Вы можете попробовать нажать, — процедил Лайдекер сквозь улыбку, хотя он был очень недоволен. — Они могли только что вернуться.

— Да, сэр.

У Лайдекера от чего-то засосало под ложечкой. Он взял рацию.

— Группа Два?

— Группа Два. Мы на лестнице, сэр. Никого не видно.

— Продолжайте наблюдение, Группа Два. Времени мало.

— Да, сэр.

Центральный лифт зазвенел и его двери раскрылись.

По рации Лайдекер сказал:

— Группа Пять.

— Группа Пять. Всё тихо, сэр.

Подошли два других лифта, и три человека вошли в кабинки по бокам с Лайдекером, поехавшим в одиночку по середине; он спустился на этаж ниже и двери открылись в пустой ресторан — пустой, если не считать солдата, которого он отправил вниз по веревке, тот приблизился.

— Нашел что-нибудь? — спросил Лайдекер.

Солдат отрапортовал:

— Сэр, мокрые следы повсюду, они принадлежат нескольким людям.

Лайдекеру это не понравилось; то что это могло значить

делало его очень недовольным.

— Ты осмотрел весь этаж?

— Я проследовал по следу до лестницы, сэр, но некоторые уходили вверх, а некоторые вниз.

Раздражённый, Лайдекер сказал:

— Оставайся на позиции.

Выйдя из лифта в вестибюле, Лайдекер обнаружил, что команда чистильщиков — в жёлтых костюмах для работы с токсичными отходами, без оружия — уже прибыла. На стоянке они уже разбирались с разбросанными останками, которые должны были принадлежать четырём разным телам.

Несколько Мантикоровских специалистов в жёлтом сгребали останки и заполняли мешки. Один из них отделился от группы и подбежал к Лайдекеру, показывая пластиковый пакет, зажатый в толстых пальцах жёлтой перчатки.

— Вы захотите это увидеть, сэр, — сказал парень в жёлтой спецовке, его голос был приглушен шлемом.

Держа пластиковый пакет, под дождём Лайдекер мог видеть фрагмент человеческой плоти, но не больше. Он вынул карманный фонарик и посмотрел на содержимое поближе: кусок кожи с набором чёрных цыфр, четыре в ряд, и штрихкод, другие цыфры были отсечёны с обеих сторон, возможно, в результате столкновения с острым куском бетона, который отделил Сета от его головы.

Но даже частичного номера было достаточно Лайдекеру, чтобы понять, что они добили еще одного X5… или, вероятно, X5 сам добил себя.

— Хорошая работа, солдат, — сказал он, протягивая пакет назад чистильщику. — Избавьтесь от улик. Полная секретность.

Полковник Дональд Лайдекер проверил другие позиции ГБР, чтобы увидеть, не нашел ли кто-либо что-то еще. Тот молодой солдат должно быть ошибся: тот, кто пересек край должен был быть Сетом, предпочтя смерть на фигуральном мече возвращению в загон Мантикоры.

Его выбор.

Затем Лайдекер вернулся к рации.

— Всем членам ГБР собраться на первом этаже — объект задержан, повторяю, объект задержан. Мы возвращаемся домой, парни… Сворачивайтесь.

Другой парень в жёлтом подошёл к полковнику, в этот раз с бумажником в руке.

— Похоже, один из погибших большая компьютерная шишка — Джаред Стерлинг.

Лайдекер потряс головой — чёртова мешанина, — подумал

он, а затем, уже мысленно соткав новый план, сказал:

— Хорошо.

Спец вернулся на окровавленную стоянку, а Лайдекер вошел внутрь, нашёл тихий сухой угол и позвонил, связавшись с другим специалистом из Мантикоры, закончив словами:

— Расстроеный последними неудачами в делах, широко известный компьютерный магнат покончил с собой прошлой ночью, прыгнув с вершины Сиетловской Космической Иглы.

Голос из телефона произнёс:

— Мы можем это сделать.

— Сделайте, а деньги отмойте по обычным каналам.

— Да, сэр.

Они не возьмут всех денег Стерлинга — это может вызвать подозрение у некоторых реформистски-мыслящих политиков и их либеральных пресс-лакеев. Всего несколько миллионов, чтобы казалось, что дела у коллекционера пошли неудачно. Может они подкинут наркотики или компрометирующие фото; но ни у кого в мире не останется сомнений относительно не-сильно-трагичного самоубийства еще одного несчастного богатенького мальчика.

Лайдекер нажал отбой и вернулся на стоянку для наблюдения. ГБР теперь спускалась вниз и он должен забрать их к чёрту от сюда, пока это не стало инцидентом. Не дать этому Зоркому темы о сегодняшних ночных играх и веселье…

Слава Богу, что квартал был практически пуст, а наркоманы, пьяницы и другие отбросы общества — не из тех, кто вызовет полицию при звуке нескольких оружейных выстрелов.

Мысли Лайдекера были прерваны звуком — в нескольких кварталах от него — мотоциклетного мотора, завёдшегося и набравшего ускорение. Когда он повернул свое мокрое от дождя лицо в сторону ревущего двигателя, Лайдекер ничего не увидел. Где-то на задворках памяти всплыло — та девушка, та неподражаемая девушка в ЛА — но он пожал плечами. Дело было сделано. И еще один X5 мог быть вычеркнут из списка.

Никто никогда не узнает, что здесь произошло этой ночью. Тела и кровь будут сметены как мусор, коим и являются; деньги разбросаные по стоянке будут собраны Мантикорой.

Следы событий в Сиетле вскоре будут стёрты. Они возвращаются домой… …вот только до сих пор у Дональда Лайдекера было это гнетущее, мучительное чувство, что он что-то упустил, что-то важное, что за успешной ликвидацией Сета, остался незамеченным важный просчёт, лежащий неприятным грузом.

Спустя два дня, в Вайоминге, он вызвал в свой офис одного из членов группы быстрого реагирования — того самого молодого

человека, который видел прыжок X5-го с площадки обсерватории. Лайдекер — узнав, что одним из убитых был русский, которому он помогал в резне в Китайском Театре — задавался вопросом, не означало ли присутствие Кафельникова так же присутствие той удивительной девушки из Китайского Клана, которая могла оказаться X5.

— Расскажи мне еще раз, что ты видел, — сказал Лайдекер.

Солдат Кинан, совсем еще ребёнок (из Небраски), был одет в чёрный нестроевой костюм, вместо его снаряжения ГБР. Его светлые волосы были коротко стрижены, за полтора года службы программе он не выказал ничего кроме лояльности.

Парень явно серьезно обдумал вопрос, прежде чем рискнул ответить.

— Сэр, я видел X5, известного как Сет. Он стоял спиной ко мне и…

— Нет. — Лайдекер поднялся из-за стола, уперев руки в бока. — Не говори мне то, что я хочу услышать. Скажи мне правду: скажи что именно ты на самом деле видел той дождливой ночью.

Кинан встретился взглядом со своим начальником.

— Я видел девушку, даже скорее женщину… с чёрными волосами, одетую в чёрное, сэр. В кожу, думаю. Что-то вроде… мотоциклетного костюма.

Память Лайдекера воспроизвела звук взревевшего мотора в нескольких кварталах от них. — Ты видел ее лицо?

— Нет, сэр.

— Ты уверен, что это была женщина?

Кивнув, Кинан сказал, — Да, сэр, я уверен. Она была… — он рискнул слабо улыбнуться. — …не крупнее маленькой девочки. Женщина.

— Хорошо сложенная?

— О да, и… милая.

Лайдекер вздохнул.

— Я рад, что вы столь внимательны, мистер Кинан… отличная работа. Теперь… этот разговор останется в этой комнате… между мной и вами.

— Да, сэр.

— Свободен.

Кинан отсалютовал и, развернувшись на каблуках, вышел.

Лайдекер тяжело сел и подумал обо всём, что только что услышал. Не то что бы возможность контакта между X5 была невероятна. Но могли ли они задумать что-то, вместе?

Он подумал о том набирающем обороты мотоцикле и предположил, что совершил промашку. Возможно той ночью в

Игле было двое Х5, Сет и одна из девушек… Джонди, Брин, Макс… любая из них. И, скорее всего, это была Х5 из ЛА, за которую погибло столько людей в театре.

Он выяснит, когда поймает их. Он знал, что однажды он поймает их всех.

Теперь же он был обеспокоен возможностью Х5 сообщаться друг с другом, может и они что-то планировали. Может они планировали достать его самого.

Тряхнув головой, он попытался отогнать эти мысли и вернулся к работе. Но мысль о том, что они могут желать достать его так же сильно как он их — что дети могут вернуться домой, чтобы отомстить их отцу — не желала так просто уходить.

И никогда не уйдет.

Эпилог. РАЗМЫШЛЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ

КВАРТИРА ЛОГАНА КЕЙЛА

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Дождь бил по окнам высотки, в то время как Логан вглядывался в темноту, не видя ничего кроме размытых очертаний и пятен.

Прошло десять дней с тех пор как что-то пошло кардинально не так на Космической Игле, и, не смотря на все усилия Мантикоры, о чём он мог лишь предполагать, Зоркий смог собрать вместе всего несколько деталей.

Сперва Логан подумал, что Сет кинул его, забрал деньги, картину и убил всех, затем исчез за Канадской границей; что склонность парня к убийствам скомбинировалась с жадностью и страхом получить лучшее для X5.

Затем Логан начал думать, что не так с этим сценарием. Тело Стерлинга было найдено на стоянке, да, но не было никаких следов живого или мёртвого корейского торговца предметами искусства и известного, амбициозного русского главаря уличной банды из ЛА… хотя слухи на улице упорно настаивали на присутствии последнего.

И что случилось с телохранителями Стерлинга? Логан знал, что Стерлинг не ходил даже на обед без своих качков. Там что была перестрелка, в которой только Стерлинг погиб? Или, если телохранители сражались насмерть (а в случае с X5 это казалось неизбежным), почему Сет оставил только тело Стерлинга?

И чем больше Логан обдумывал это, тем более абсурдной казалась история самоубийства миллионера из-за неудач в бизнесе.

Не говоря уже, к примеру, о машине Стерлинга — где она? Сет украл ее? Если так, почему ее не нашли? Парень наверняка бы уже ее бросил. А если Сет машину не крал? Очевидно, что Стерлинг не стал бы идти пешком 20 миль от дома до Космической Иглы, просто, чтобы с неё спрыгнуть…

Ну и как Стерлинг попал туда? Где был его шофёр?

Вдохновлённый этими несоответствиями, Логан начал копаться в предполагаемых финансовых провалах Стерлинга. На

первый взгляд, каждая колонка сходилась; но чем больше Зоркий смотрел, тем более не в порядке они ему казались.

Записи о потере Стерлингом денег показывали лишь незначительные убытки, куда меньше чем говорилось в официальной версии об умершем. Предприятия, дополняющие его интернет-компанию, обанкротились, но проверяя записи за предыдущие пол года их работы, обнаружилось, что каждое из них было процветающим вплоть до дня смерти Стерлинга.

Так много людей понесло денежные потери на экономическом минном поле пост-импульсной Америки, что Логан знал, что никто не будет пристально рассматривать крах случившийся с богачом типа Джареда Стерлинга. Страна была не в том настроении, чтобы жалеть миллиардера прыгнувшего со здания при первых признаках неудачи.

Нет, поправил себя Логан, никто не присмотрится… кроме Зоркого. И Зоркий знал, кто-то состряпал историю. Вопрос… кто?

У Логана было больше вопросов нежели ответов, и когда бы он ни столкнулся с подобной картиной, мысли наталкивали его на сокрытие фактов. А сокрытие фактов, по его мнению, означало правительство, а правительство… в случае с таинственно исчезнувшим X5, как бы там ни было… Зоркий вернулся к Мантикоре.

Теперь он знал об этой организации больше, но у него всё еще было мало реальных фактов. Похоже группа Лайдекера обладала достаточным влиянием, чтобы прикрыть событие подобного масштаба — спрятать убийства под ковёр, возможно гораздо больше убийств.

Но вопрос, который грыз его, был… …почему Мантикора скрыла произошедшее в Игле?

Для Логана, неизбежный и довольно неприятный ответ был: потому что Мантикора достала Сета.

Это дало Логану абсолютно новый сценарий, который мог иметь место в Космической Игле той дождливой, ветреной ночью… сценарий еще более тревожный нежели его первоначальная теория.

Сначала он думал что Сет на Игле попался Мантикоре и его взяли в плен. Только, если Лайдекер поймал своего перебежчика X5, и захватил его, то почему Стерлинг был убит?

Не только Стерлинг, но и другие свидетели — Кореец, телохранители и один Бог знает как много еще незафиксированных жертв…

Но, если Сет был захвачен живым… почему убили других? Допустим свидетели были впутаны в преступление. Тогда их можно было заставить молчать, и достаточно легко. Стерлинг,

Кафельников и другие не знали о Мантикоре и проекте X5. Для их Сет был просто необычным субъект.

Единственное решение, к которому Логан пришел то, что Мантикора пыталась задержать Сета посреди сделки… и Сет не скрылся по-тихому в дождливую ночь, и Мантикора вынуждена была ликвидировать своего опасного сына.

На глазах у свидетелей.

Которые были убиты, так как Мантикоре надо было замести следы.

Кибержурналист отвернулся от окна и бесцельно побрел через свою холостяцкую квартиру. Он не был уверен в этом сценарии полностью, но чувствовал, что не мог сильно ошибаться. И это заставляло его чувствовать тошноту…

Логан мучительно вспоминал, как он читал нотации Сету об этике, и еще… не он ли всякий раз безрассудно использовал Сета?

Не имеет значение, насколько благородными были мотивы Логана, он использовал молодого X5 для своих целей… в результате чего Сета убили.

Если бы Логан Кейл помог Сету исчезнуть, как парень просил, вместо того чтобы привлекать в крестовый поход Зоркого, может быть молодой человек планировал бы его следующий шаг мести Мантикоре откуда-нибудь из удалённого и безопасного места, например из маленького городка рядом с арктическим кругом, куда он отправил лаборанта Бена Дейли.

Логан тяжело упал спиной на кровать и снял очки, положив их на тумбочку, и закрыл глаза, сжимая большим и указательным пальцем переносицу.

Сегодня ночью сон шёл нелегко… как в любую другую ночь, с недавних пор. Вина за смерть Сета грызла его словно маленькое прожорливое животное, всегда наготове, чтобы подточить его изнутри. Когда сон пришел, это стало лишь отражением на воспоминания о Сете, и спекуляция на том, что Логан сам провалился в эту цель-оправдывает-средства пропасть.

Несколько месяцев спустя Логан Кейл — Зоркий — встретит другого X5, распознав в молодой женщине навыки свойственные таким солдатам из Мантикоры… а так же штрих-код.

Но чувство вины за смерть одного из ее родных не даст Логану немедленно признаться в своем преступлении. Он будет работать с ней, сотрудничать с ней как с Сетом, совершая крестовый поход Зоркого… но всегда учитывая то, чему он научился из первого, невеселого опыта с X5.

Второй X5 будет красивой и будет ему доверять, и — когда он влюбится в неё — секрет Логана потемнеет и даже начнёт

гноиться; но он не скажет ей, боясь ее оттолкнуть.

Пройдёт очень много времени, прежде чем она узнает его секрет… и когда она наконец узнает, это случится в самое страшное для их жизней время, и может очень дорого им стоить.

Однако сегодня ночью главной проблемой Логана Кейла являлся отдых. Он открыл глаза и уставился в потолок. Сегодня ночью сон действительно прийдет не скоро.

«КОСМИЧЕСКАЯ ИГЛА»

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН, 2019 ГОД

Дождь был почти такой же как в ту недавнюю ночь, когда здесь погибло так много людей.

Макс не была уверена, что заставило ее вернуться в это место, с его ужасными воспоминаниями. Она сидела, обняв свои колени, капли дождя стекали жемчугом по темной коже, ее волосы слиплись в крупные влажные пряди, открыв штрихкод на ее шее, на ее безразличном лице промелькнуло то, что, возможно, было слезами… но это был только дождь.

Она взобралась наверх — не просто к смотровой площадке как обычно, а дальше — к твердой кривой металлической вершине. Теперь сидя здесь ветер как бы хлестал ее в наказание, но все же казался странно приятным этой темной ночью. Перед ее взором расстилались рассеянные огни города как упавшие звезды…

Макс бывало размышляла здесь проходящие дни, месяцы и годы о многих вещах. Порой она как раньше усаживалась здесь, чтобы встретить рассвет.

Она задавалась вопросом, ошибалась ли, когда хотела найти свою настоящую семью? Ее приемные семьи не были столь удачными — семья Барретов с жестоким отцом, мать, которая закрывает на все глаза, и еще одна потерянная сестренка; китайский Клан с Муди и Фреской, а также остальными, где она, возможно, больше всего чувствовала себя как дома, пока жизнь воровки и приследовавшое ее прошлое Мантикоры не привело к кровопролитию.

Конечно же, у нее есть теперь новая семья — Чудачка Синди, Кендра, Хербал, Скетчи и даже Нормал — команда Джем Пони. Она надеялась, что не будет подвергать их опасности, приложив все усилия, чтобы оградить от той темноты, что следовала за ней… … но они никогда не были бы ее единственной семьей, ее настоящей семьей. Она пробыла с Сетом очень короткое, и даже

трагическое время, и все же данная возможность подобного контакта было новым для нее. Она обязана найти своих братьев и сестер. Они были там, ее родные братья, где-то в этом мире, что бесконечно простирался перед ней с вершины «Космической Иглы», и она должна продолжить поиски.

А как могла она иначе? Ведь Лайдекер не остановится.

Макс улыбнулась и завертела головой, отчего вокруг нее полетели брызги, но она не замечала этого. Она вышла из всего этого только с одной ощутимой вещью — «Сердцем Океана», голубым камнем столь ярким, настолько драгоценным, что его почти было невозможно прятать. То с чем она наконец-то покончила было отличной пачкой наличных… достаточной, чтобы оплачивать работу Вогельсанга следующие пару месяцев.

Теперь, когда с насилием было покончено, возле «Иглы» была величественная тишина — не преуменьшая невероятного зрелища вокруг — и она могла размышлять в этом ужасном, но все же священном месте, где умер ее брат. Она будет приезжать сюда время от времени, чтобы подумать… и мысленно побыть с Сетом.

Переведено на Нотабеноиде
http://notabenoid.com/book/6122/